Российская ассоциация защиты религиозной свободы

«25 лет по пути свободы совести»

Материалы
научно-практической конференции

Москва, 2015

УДК 316.74
ББК 60.563.05

Ответственный редактор:
доктор юридических наук, профессор В.В. Гриб

«25 лет по пути свободы совести» : материалы научно-практической конференции. М. : Юрист, 2015. — 246 с.
ISBN 978-5-91835-264-9

В сборнике публикуются материалы научно-практической конференции «25 лет по пути свободы совести», состоявшейся в Москве 26 мая 2015 г. Конференция была посвящена 25-летию принятия Закона СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1, установивших новую модель отношений религиозных организаций и государства и фактически провозгласивших религиозную свободу в нашей стране. В конференции, организованной Общероссийской общественной организацией «Российская ассоциация защиты религиозной свободы», приняли участие религиозные деятели, представители органов государственной власти, ведущие эксперты в области государственно-конфессиональных отношений, ученые-юристы и религиоведы.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 № 243-рп и на основании конкурса, проведенного Национальным благотворительным фондом.

ISBN 978-5-91835-264-9

© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Издательство "Юрист"», 2015

ф. ТГ-17

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Прием: 25 го 17 час. 01 мин.

Бланк №

Принял:

Для заметок адресата

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 132/230ЧЗ 158 25/05 1656=

ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ МОСКВА УЛИЦА КРАСНОЯРСКАЯ Д 3 ПАСТОРУ О. Ю. ГОНЧАРОВУ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ,,25 ЛЕТ ПО ПУТИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ,,=

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ ВСКЛ
ПРИВЕТСТВУЮ ВАС НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ФОРУМЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 25-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА СССР ,,О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ,, И ЗАКОНА РСФСР ,,О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ,,.
ПРИНЯТИЕ ЭТИХ АКТОВ НЕ ТОЛЬКО ЮРИДИЧЕСКИ ЗАКРЕПИЛО ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЙСТВИЙ, НО И СЫГРАЛО ОГРОМНУЮ РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА, В ВОЗРОЖДЕНИИ МНОГОВЕКОВЫХ ДУХОВНЫХ, НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ОТКРЫЛО ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОРАБОТНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.
СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ СТРАНЫ ПРОВОДЯТ ШИРОКУЮ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКУЮ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАБОТЯТСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ. ВНОСЯТ СЕРЬЕЗНЫЙ ВКЛАД В ГАРМОНИЗАЦИЮ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СОХРАНЕНИЕ БОГАТЕЙШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ.
УВЕРЕН, ЧТО ПРОВЕДЕНИЕ ВАШЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ БУДЕТ СОДЕЙСТВОВАТЬ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ ПЛОДОТВОРНОГО, КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЬЕДИНЕНИЙ.
ЖЕЛАЮ УСПЕХОВ=
РУКОВОДИТЕЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С. ИВАНОВ
НР АЧ-9152 25.05.2015-

НННН 17:01 25.05.2015 0021

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ШЕСТОГО СОЗЫВА

**КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Георгиевский пер., д. 2, Москва, 103265 Тел. 8(495)692-35-78 Факс 8(495)692-53-12 E-mail: cUnite@duma.gov.ru

22 МАЙ 2015 201__ г. № 3.21- 22/459

Председателю Совета
Российской ассоциации
защиты религиозной свободы
А.И.КУДРЯВЦЕВУ

Уважаемый Александр Ильич!

От имени Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций и от себя лично приветствую всех организаторов и участников научно-практической конференции «25 лет по пути свободы совести».

За истекший период представителями федеральных и региональных органов власти, общественных и религиозных организаций проделана огромная работа по созданию нормативной правовой базы, обеспечивающей реализацию права российских граждан на свободу совести. Но эта работа не только не останавливается, но и идет все более интенсивно!

Сегодня уже есть понимание того, что религиозные организации являются полноправными институтами гражданского общества, а принцип светскости не подразумевает антирелигиозности. Однако именно религиозный фактор все чаще используется определенными силами для разнообразных провокаций.

Убежден, что Ваша конференция станет значимым вкладом в процесс развития государственно-конфессиональных отношений. Желаю содержательных дискуссий и взвешенных решений!

Председатель Комитета,
депутат фракции ЛДПР Я.Е.Нилов

С.А. Мельников[1]

25 лет религиозной свободы в России в контексте отношений государства и религиозных объединений: итоги, проблемы и перспективы

В 2015 г. исполняется 25 лет с момента принятия в октябре 1990 г. Закона СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1, установивших новую модель отношений религиозных организаций и государства[2].

Сегодня эти отношения динамично развиваются на основе качественно новых базовых принципов: равноправия, невмешательства во внутреннюю жизнь и поддержки социально значимой деятельности религиозных организаций со стороны государства.

Все эти годы мы наблюдали беспрецедентное возрождение религиозной жизни в России, которое многие справедливо называют «религиозным ренессансом». Достаточно отметить, что по состоянию на 1 апреля 2015 г. в России зарегистрировано 27626 религиозных организаций, представляющих свыше 60 конфессиональных направлений[3]. При этом реальное количество религиоз-

---

[1] **Мельников Сергей Алексеевич — ответственный секретарь Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.**

[2] Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 41. Ст. 813 ; Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 210.

[3] Без учета религиозных организаций Республики Крым и Севастополя, которые находятся в процессе перерегистрации.

ных объединений с учетом религиозных групп, действующих без образования юридического лица, превышает эти показатели.

Если говорить о формах государственно-конфессионального взаимодействия и партнерства, можно выделить два основных направления: институциональное и регулирующее.

Первое направление — институциональное, которое включает участие религиозных организаций в различных консультативных структурах при органах государственной власти.

На уровне Президента Российской Федерации это Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при главе государства. В 2015 г. он отмечает 20-летие с момента создания[4]. В соответствии с Положением Совет является консультативным органом, осуществляющим предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для Президента Российской Федерации, касающихся его взаимодействия с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества.

В его состав традиционно входят главы и представители основных религиозных объединений России и ведущие ученые-религиоведы. Возглавляет Совет Руководитель Администрации Президента РФ.

При Совете созданы комиссии и рабочие группы для изучения отдельных проблем и сбора аналитической информации, подготовки заседаний Совета и контроля за реализацией его решений.

За истекший период проведено 24 заседания Совета, на которых рассмотрено немало актуальных вопросов государственно-конфессиональных отношений.

Значительное внимание в работе Совета уделялось вопросам совершенствования законодательства, устанавливающего и

[4] См.: Распоряжение Президента Российской Федерации от 05.04.1995 № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1644 ; Распоряжение Президента Российской Федерации от 02.08.1995 № 357-рп (ред. от 28.06.2010) «Об утверждении положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3294.

регулирующего правоотношения в сфере государственно-конфессиональных отношений, формирования единого правового поля для деятельности религиозных объединений.

Так, основополагающий Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» был принят и подписан Президентом Российской Федерации только после обсуждения его на заседании Совета[5].

При активном участии Совета принят закон о возвращении религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности[6], в школьную программу включен учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», в Вооруженных Силах формируется институт воинских и флотских священнослужителей.

По инициативе членов Совета был введен новый государственный праздник — День народного единства, издан Указ Президента Российской Федерации «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства»[7].

На заседаниях Совета также обсуждались вопросы о роли религиозных объединений в гармонизации межнациональных отношений, о деятельности религиозных организаций по консолидации гражданского общества и противодействии глобальной угрозе терроризма и экстремизма, социальном партнерстве государства и религиозных объединений.

В соответствии с возложенными на него функциями Совет изучает проекты федеральных законов и иных нормативных правовых актов в сфере взаимоотношения государства и религиозных объединений, проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

[6] Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6423.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 06.02.1998 № 13 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 831.

вероисповеданий, анализирует зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживает контакты с соответствующими структурами иностранных государств.

Для реализации этих задач в Совете созданы и функционируют: Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, Комиссия по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, Комиссия по международному сотрудничеству и Рабочая группа по контактам и сотрудничеству с Китайской Народной Республикой в религиозной сфере.

В структуре исполнительной власти с 1994 г. действует Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, которая является координационным органом, образованным для рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений.

Основными задачами Комиссии являются: подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений, требующих решения Правительства Российской Федерации, и координация деятельности органов исполнительной власти в сфере взаимоотношений с религиозными объединениями[8]. При этом, в отличие от Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, в состав Комиссии не входят представители религиозных объединений.

В рамках Федерального Собрания Российской Федерации с участием религиозных деятелей работают Консультативный совет при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями[9], Экспертный совет Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций.

---

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2006 № 438 «Об утверждении положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3400.

[9] Распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 03.07.2012 № 189рп-СФ.

На уровне субъектов РФ по итогам заседания президиума Государственного совета РФ о мерах по укреплению межнационального согласия, состоявшегося 11 февраля 2011 г. в Уфе, созданы и функционируют постоянно действующие рабочие группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в субъектах Российской Федерации с участием представителей религиозных организаций[10].

Кроме того, религиозные деятели с момента создания Общественной палаты Российской Федерации в 2005 г. (Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»[11]) по настоящий момент являются ее членами. Эта практика широко распространена и в общественных палатах субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что в России создана достаточно эффективная система институционального взаимодействия государства и религиозных организаций. Вместе с тем его целесообразно расширять, в частности, путем более широкого участия религиозных деятелей в общественных советах при федеральных и региональных органах исполнительной власти. И, безусловно, следует более последовательно выстраивать эту систему на уровне муниципальных образований. Как показывает практика, большинство проблем возникает именно во взаимоотношениях религиозных организаций с органами местного самоуправления.

Второе направление государственно-конфессионального взаимодействия — регулирующее. Оно связано с созданием условий для эффективной и общественно полезной деятельности религиозных организаций со стороны государства.

Важно подчеркнуть, что ни одно значимое решение последних лет, касающееся регулирования деятельности религиозных организаций, не принималось без широкого публичного обсуждения и без их непосредственного участия.

---

[10] Перечень поручений Президента Российской Федерации от 27.02.2011 № Пр-488, п. 5а. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/12435

[11] Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.

В качестве важнейшего акта восстановления исторической справедливости следует рассматривать принятие решения о возвращении религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности.

Действующее законодательство предоставляет религиозным организациям право на получение в собственность или безвозмездное пользование культовых зданий, сооружений и иного имущества религиозного назначения.

Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»[12] определяет единый порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности.

Действие Закона не распространяется на имущество религиозного назначения, которое относится к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации, либо документам Архивного фонда Российской Федерации или документам, относящимся к национальному библиотечному фонду.

В соответствии с положениями Закона к имуществу религиозного назначения относится недвижимое имущество (включая памятники истории и культуры), построенное для осуществления и (или) обеспечения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, проведения молитвенных и религиозных собраний, обучения религии, монашеской жизнедеятельности, паломничества, а также движимое имущество религиозного назначения.

Передача имущества религиозного назначения религиозным организациям осуществляется с учетом конфессиональной принадлежности указанного имущества.

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6423.

Законом также установлены особенности передачи религиозным организациям отдельных видов государственного или муниципального имущества религиозного назначения и иного связанного с ним имущества.

Так, например, передача объектов культурного наследия народов Российской Федерации осуществляется в соответствии с определенными законодательством Российской Федерации требованиями в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. При передаче таких объектов религиозные организации принимают на себя соответствующие ограничения (обременения) права собственности или права пользования данным объектом. Объекты культурного наследия федерального значения передаются в собственность только централизованным религиозным организациям.

В случае предварительного предоставления организации культуры равноценных здания, помещения, обеспечивающих уставные виды деятельности указанной организации культуры, взамен здания, помещения, занимаемых организацией культуры и передаваемых религиозной организации, такая передача осуществляется в особом порядке в соответствии с формируемым по решению Правительства Российской Федерации, органа государственной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления планом передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения. Данный план должен предусматривать мероприятия по переселению, источники финансирования соответствующих работ, сроки до 6 лет.

Передача религиозным организациям жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда осуществляется после предоставления гражданам жилых помещений в соответствии с планом передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения.

В Законе установлен исчерпывающий перечень случаев, когда религиозной организации может быть отказано в передаче

государственного или муниципального имущества религиозного назначения.

Законом установлен принцип публичности передачи имущества религиозного назначения. Информация о поданных заявках и принятых решениях должна размещаться на официальном сайте уполномоченного органа в сети «Интернет».

В соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 19 января 2011 г. в рамках выполнения плана мероприятий по реализации данного Федерального закона приняты все пять предусмотренных планом нормативно-правовых актов Правительства Российской Федерации.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2011 г. № 324[13] федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на принятие решений о передаче религиозным организациям федерального имущества религиозного назначения, определено Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, а также Министерство обороны Российской Федерации и Управление делами Президента Российской Федерации, в части принадлежности того или иного здания к их ведению.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 2011 г. № 678[14] утверждено Положение о Комиссии по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности. Она призвана рассматривать наиболее сложные случаи, касающиеся собственности с обременением и необходимостью выделения бюджетного финансирования на предоставление зданий занимающим данную собственность организациям. Комиссия возглавляется заместителем Министра экономического развития, в ее состав входят представители органов государственной власти, общественных и религиозных организаций.

[13] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 18. Ст. 2650.
[14] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 34. Ст. 4984.

На заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ 14 июля 2014 г. заместитель Министра экономического развития РФ — руководитель Росимущества Ольга Дергунова сообщила, что с ноября 2013 г. в Росимущество на рассмотрение поступило 86 заявлений о передаче религиозного имущества. Из них по 15 объектов передано религиозным организациям, по 20 завершается подготовка к передаче, по 39 ведутся подготовительные мероприятия, необходимые для принятия решения о передаче или для включения имущества в План передачи, утверждаемый Правительством РФ, по 12 заявлениям даны отказы в передаче.

Среди знаковых объектов, переданных религиозным организациям, были Церковь Илии Пророка на Славне, 1455 г. (Община Русской Старообрядческой Церкви, г. Великий Новгород), Апанаевская мечеть, 1768 г. (г. Казань), ряд объектов ансамбля Рязанского кремля, ансамбль Присутственных мест с парком и собором Троицы, 1796–1819 гг. (г. Калуга), «Архиерейский загородный дом, Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим)»[15].

По информации Росимущества, в 2013 г. выполнены отбор, анализ и проверка наличия объектов имущества религиозного назначения в составе государственной казны РФ в целях подготовки их «открытого предложения» конфессиям.

В результате выявлено, что из отобранных 2499 объектов, не закрепленных за федеральными органами власти и организациями, 1536 (61%) уже переданы в безвозмездное пользование религиозным организациям, 347 (14%) используется ими «по факту» (без оформления отношений), а 616 (25%) являются свободными[16].

Не менее важной является государственная поддержка социальной деятельности религиозных организаций. Российские религиозные организации имеют давние исторические традиции благотворительности и социального служения. В настоящее время такая деятельность востребована обществом и последовательно расширяется.

[15] URL: http://www.rosim.ru/press/225898
[16] URL: http://www.rosim.ru/addons/report2013/2/2_3

Согласно опросам, 84% россиян выступают за участие религиозных организаций в сборе средств для нуждающихся, 73% — за создание церковных детских домов, более 80% — больниц и домов престарелых, 63% — за участие Церкви в создании молодежных клубов.

По инициативе Президента Российской Федерации принят Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», предусматривающий предоставление льгот и преференций соответствующим некоммерческим организациям, в том числе и религиозным организациям.

Согласно ст. 31.1 Федерального закона социально ориентированным некоммерческим организациям может оказываться финансовая, имущественная, информационная, консультационная и иная поддержка, в том числе в форме размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд и др. Данным организациям могут предоставляться льготы по уплате налогов и сборов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятия по реализации государственной социальной политики» Правительству Российской Федерации поручено с 2013 г. предусмотреть меры, направленные на увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. В 2015 г. на эти цели выделено 862 млн руб.

Важной формой поддержки религиозных организаций стало финансирование их социально значимых проектов, осуществляемое с 2007 г. в соответствии с распоряжениями Президента РФ.

Так, общая сумма средств, выделяемых на поддержку некоммерческих организаций всех форм в 2007 г., составила 1,25 млрд руб., а к 2014 г. выросла до 3,7 млрд руб.[17]

[17] Распоряжение Президента Российской Федерации от 30.06.2007 № 367-рп «Об обеспечении в 2007 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 28. Ст. 3428 ; Распоряжение Президента Российской Федерации от

Особо следует сказать о взаимодействии государства и религиозных организаций в сфере образования.

По инициативе религиозных деятелей России и во исполнение поручения Президента Российской Федерации и в соответствии с планом мероприятий, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 1578-р, в 2009/2010 учебном году была проведена апробация комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», включающего основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики[18].

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р данный комплексный учебный курс был включен в обязательную часть образовательной программы 4 класса начальной школы в объеме 34 часа и с 1 сентября 2012/2013 учебного года введен во всех общеобразовательных учреждениях Российской Федерации[19].

Во всех субъектах Российской Федерации назначен ответственный за введение курса и координацию работы от органа исполнительной власти, осуществляющего управление в сфере образования, созданы координационные органы на уровне региона и муниципальных образований.

По данным мониторинга, курс ОРКСЭ был введен в 44183 дневных общеобразовательных учреждениях.

В субъектах Российской Федерации были организованы мероприятия по проведению выбора обучающимися и их родителями (законными представителями) модулей учебного курса.

17.01.2014 № 11-рп «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 3. Ст. 270.

[18] Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 45. Ст. 5369.

[19] Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 6. Ст. 769.

По данным на 1 ноября 2012 г., модуль «Основы светской этики» выбрали 44,2% (598,9 тыс. обучающихся), «Основы православной культуры» — 30,7% (415,9 тыс. обучающихся), «Основы мировых религиозных культур» — 20,8% (281,1 тыс. обучающихся), «Основы исламской культуры» — 3,8% (51,2 тыс. обучающихся), «Основы буддийской культуры» — 0,4% (5,8 тыс. обучающихся) и «Основы иудейской культуры» — 0,1% (297 обучающихся).

С родителями обучающихся, у которых возникают затруднения с выбором модулей, в образовательных учреждениях проводится индивидуальная разъяснительная работа.

Общая численность педагогов по учебному курсу ОРКСЭ в 2012/2013 учебном году составляет 70756 человек.

Представители религиозных организаций, прежде всего Русской Православной Церкви, обращаются с просьбами относительно расширения преподавания практики «Основ религиозных культур и светской этики» с начальной ступени общего образования, в 1–4 классах с перспективой в дальнейшем распространения преподавания на ступенях основного и среднего общего образования. Религиозные организации ставили вопрос о необходимости введения конфессиональной экспертизы учебников по религиозным культурам, предназначенных для внесения в федеральные перечни учебников для общеобразовательных учреждений, а также механизма аккредитации учителей Основ религиозных культур при соответствующих структурах конфессий, отвечающих за образование. Такая конфессиональная экспертиза была проведена в 2013 г. на базе ведущих духовных и светских учреждений.

Что касается представителей исламских религиозных организаций, по их мнению, на сегодняшний день нет достаточного количества учителей, готовых к преподаванию модуля «Основы исламской культуры».

В этой связи для подготовки преподавателей в рамках государственной программы развития исламского образования, курируемой Минобрнауки России, выделяются средства для повышения квалификации школьных педагогов на базе 6 государственных

вузов в Москве, Санкт-Петербурге, Пятигорске, Казани, Уфе, Нижнем Новгороде.

Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов России регламентированы Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Закон, в частности, предусматривает конфессиональную экспертизу примерных образовательных программ на степень соответствия их содержания конкретному вероучению. Экспертиза будет проводиться централизованными религиозными организациями в порядке, определенном Минобрнауки[20].

Не менее важный вопрос для религиозных организаций — выделение теологии в самостоятельную укрупненную группу направлений подготовки и специальностей и введение в номенклатуру специальностей научных работников с возможностью защиты кандидатских и докторских диссертаций.

В 2014 г. Минобрнауки РФ включило теологию в федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, что сделало возможным подготовку специалистов по этой специальности на всех уровнях высшего образования[21].

23 января 2015 г. Высшая аттестационная комиссия РФ рекомендовала ввести теологию в номенклатуру научных специальностей[22]. 20 февраля 2015 г. Минобрнауки России приказом № 114 ввело научную специальность «теология», предусмотрев присвоение по ней ученых степеней по философским, историческим, филологическим, педагогическим, социологическим и культурологическим наукам[23].

В армиях многих стран мира существует институт военных священников (капелланов), которые совершают религиозные

[20] Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[21] См., напр.: Приказ Минобрнауки России от 15.04.2014 № 317 (ред. от 30.04.2015) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 48.06.01 теология (уровень подготовки кадров высшей квалификации) // Российская газета. 2014. 22 мая. № 113.

[22] URL: http://www.rosbalt.ru/main/2015/01/23/1360503.html

[23] URL: http://www.pravo.gov.ru, 23.04.2015

обряды среди военнослужащих, проводят с ними индивидуальную работу. При этом право иметь капелланов предоставляется не всем религиозным организациям, а наиболее массовым и исторически укорененным. Капелланы могут быть как гражданскими лицами (Германия), так и военнослужащими (США, Польша и др.).

В соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях, пользоваться религиозной литературой и предметами культа. Для этих целей на территории воинских частей, военных городков открываются культовые здания и помещения, но они не имеют государственной регистрации, так как создание религиозных организаций в воинских частях не допускается[24].

В настоящее время в Вооруженных Силах РФ действуют более 170 храмов и молитвенных комнат.

В соответствии с поручениями Президента Российской Федерации Минобороны России совместно с основными религиозными объединениями Российской Федерации проводится работа по введению в Вооруженных Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей.

В штаты органов военного управления и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации введены должности для замещения священнослужителями традиционных религиозных объединений России.

Утверждена структура органов по работе с верующими военнослужащими: в Главном управлении по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации — управление по работе с верующими военнослужащими, помощники командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими в соединениях, частях и организациях.

В сотрудничестве с традиционными религиозными объединениями России продолжается работа по подбору кандидатов на

[24] Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

замещение соответствующих должностей. На сегодняшний день назначено более 130 священнослужителей.

В целях удовлетворения духовных потребностей и обеспечения конституционных прав на свободу совести и свободу вероисповедания лиц, осужденных к лишению свободы и содержащихся под стражей, между ФСИН России и традиционными религиозными организациями заключены соглашения о сотрудничестве: 22.02.2011 — с Русской Православной Церковью, 12.05.2010 — с Советом муфтиев России, 06.07.2010 — с Федерацией еврейских общин России, 30.12.2010 — с Буддийской традиционной сангхой России, 18.11.2010 подписана Программа основных направлений взаимодействия ФСИН России с Российским союзом евангельских христиан-баптистов.

В настоящее время в учреждениях ФСИН России функционируют 555 культовых зданий, в том числе 501 храм Русской Православной Церкви, 45 мечетей, 6 буддийских дуганов, 3 костела Римско-католической церкви. Действует более 700 молитвенных комнат, в том числе 417 — для православных верующих, 195 — для осужденных, исповедующих ислам, 45 — для осужденных, относящих себя к Российскому союзу евангельских христиан-баптистов, 24 — для христиан веры евангельской, 11 молельных комнат для осужденных, исповедующих буддизм, 8 — для представителей иудейского вероисповедания и одна комната — для осужденных, представителей Римско-католической церкви. Продолжается строительство еще 45 храмов Русской Православной Церкви и одной мечети.

В исправительных учреждениях создано 1334 религиозные общины, из них: 834 общины Русской Православной Церкви, насчитывающие более 62600 осужденных, 267 исламских общин, объединяющих около 10600 осужденных-мусульман, 15 буддийских общин, насчитывающих около 750 осужденных, 8 еврейских общин численностью более 250 человек, 99 общин для представителей Евангельских христиан-баптистов, в которых насчитывается более 2120 осужденных, 95 общин для представителей христиан веры евангельской, в которые входят более 2310 осужденных,

16 общин осужденных других вероисповеданий. В ряде субъектов Российской Федерации организованы 242 воскресные школы и более 100 библейских и исламских курсов, где проходят религиозное обучение свыше 9400 верующих осужденных.

В состав Общественного совета при ФСИН России по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, а также в общественные советы при территориальных органах УИС входят около 100 священнослужителей.

В исправительных колониях, где преобладающее количество осужденных причисляет себя к православной вере, правящими архиереями при содействии ФСИН России организована работа по созданию тюремных приходов. В 2010–2011 гг. в 8 территориальных органах ФСИН России (Камчатский край, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Орловская, Смоленская области) зарегистрировано 32 тюремных прихода.

На основании Соглашения о сотрудничестве между ФСИН России и Русской Православной Церковью при православных приходах создаются фонды оказания помощи освобождающимся осужденным.

Советом муфтиев России организована духовно-нравственная работа с осужденными-мусульманами. В рамках соглашения о сотрудничестве организуются совместные выезды в территориальные органы уголовно-исполнительной системы с целью проверки состояния работы по соблюдению прав осужденных-мусульман на свободу совести и свободу вероисповедания.

Российским союзом евангельских христиан-баптистов организованы свыше 100 реабилитационных центров помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

Федерация еврейских общин России оказывает гуманитарную помощь учреждениям уголовно-исполнительной системы в виде медикаментов, продуктов питания, товаров и вещей, разрешенных к хранению осужденным и лицам, заключенным под стражу.

Буддийскими священнослужителями осуществляется духовное окормление осужденных, содержащихся в исправительных

учреждениях Республик Бурятия, Калмыкия, Тыва, Забайкальского и Красноярского краев.

Логично, что следующим шагом по организации работы религиозных объединений с верующими осужденными может стать введение в системе ФСИН системы штатных должностей, на которые будут назначаться священнослужители.

Хорошим инструментом учета интересов религиозных организаций при совершенствовании законодательства стала деятельность Комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся после внесения изменений в Гражданский кодекс РФ от 01.09.2013 и 01.09.2014, когда органы юстиции, регистрирующие религиозные организации, изменили требования к документам религиозных организаций, представляемым для их регистрации и деятельности.

Органы юстиции требовали удалить из уставов религиозных организаций положение о членстве в религиозной организации, т.к. религиозные организации на основании ст. 65.1 Гражданского кодекса РФ отнесены к унитарным организациям, в которых учредители не обладают правами членства. Согласно трактовке органами юстиции право руководства деятельностью религиозной организации предоставлялось исключительно для ее учредителей. Только из числа учредителей могут выбираться руководящие органы религиозной организации, включая, на основании п. 3 ст. 50.1 Гражданского кодекса РФ, священнослужителя (руководителя религиозной организации).

Данные требования противоречили традиционным каноническим установлениям многих религиозных организаций.

Кроме того, согласно ч. 5 ст. 50 Гражданского кодекса РФ «некоммерческая организация, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должна иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера

уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью».

Данная норма могла поставить на грань ликвидации большинство приходских общин, расположенных, как правило, в сельской местности и не имеющих банковских счетов и имущества на праве собственности.

Особой проблемой являлось то, что религиозные организации в Крыму и Севастополе не могли пройти процесс перерегистрации.

В результате по рекомендации Комиссии был принят и подписан Президентом РФ Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[25].

Он решил вопрос о выводе религиозных организаций из-под действия ч. 5 ст. 50 Гражданского кодекса и, соответственно, ч. 3 ст. 50.1 Гражданского кодекса (в части необходимости включения в решение о создании религиозной организации сведений о размере, способах и сроках образования имущества религиозной организации), а также продлил срок перерегистрации до 1 января 2016 г.

Сегодня человечество сталкивается с новыми серьезными вызовами, которые напрямую связаны с попытками пересмотреть роль и место религиозных организаций в обществе, базовые принципы религиозного мировоззрения в системе ценностей.

По определению протоиерея Владимира Вигилянского, в западном мире происходит процесс «смены цивилизационного кода, который существовал в Европе со Средних веков». По его словам, эффективно противостоять этому процессу можно только в рамках традиции, потому что «традиция есть система сохранения ценностей»[26].

Эта проблема имеет и правозащитное измерение. Чтобы оправдать новую модель морали и нравственности, нам пытаются навязать мнение, что право на свободу личности и самовыражения является приоритетным по сравнению с правом на свободу совести и религиозные убеждения.

[25] Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 14. Ст. 2020.
[26] URL: http://ria.ru/religion/20141211/1037753549.html#ixzz3PRRRfG3o

Умаление религиозного фактора в странах, попытка вытеснить его на «задворки» общественной жизни, представить традиционную мораль и нравственность архаичной, нарушающей базовые права человека на практике, приводит к тяжелым последствиям.

В разных регионах современного мира — на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Украине — возникают военные конфликты, которые удачно используются для борьбы за экономические интересы или геополитическое господство.

Как почеркнул Руководитель Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванов в выступлении на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ 14 декабря 2014 г., сложные процессы на Ближнем Востоке приводят к разрушению этноконфессионального баланса.

Религиозные меньшинства — алавиты, друзы, езиды — и христиане, как католики, так и православные, оказались в наиболее уязвимом положении. Происходит их массовый исход из региона. К примеру, община Багдада сократилась наполовину, более 40 тыс. христиан из Мосула и его окрестностей укрываются в иракском Курдистане. В Сирии и Ираке разрушены сотни христианских церквей и храмов других конфессий, места своего традиционного проживания были вынуждены покинуть сотни тысяч представителей этнорелигиозных меньшинств. Оставшиеся в контролируемых радикальными группировками районах живут в условиях постоянной угрозы насилия и расправ.

Подобная ситуация была бы невозможна, если бы с самого начала все общественно-политические проблемы решались исключительно мирным путем, с учетом многоконфессионального состава населения региона, его традиций, посредством диалога и без внешнего вмешательства[27].

Об этом единодушно говорят религиозные деятели. Выступая в конце ноября 2014 г. в Европарламенте и Совете Европы, Папа Римский Франциск высказал тревогу в связи с продолжающимся забвением в Европе христианских ценностей. Он назвал «опасным

[27] URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/17/47227

искушением» жителей Европы решать спорные вопросы на ее пространстве силой, а тем более военным путем, призвал к «бережному уходу за культурой мира» и вновь перечислил обязательные инструменты его сохранения — диалог и переговоры, опору на международное право. Он также заявил о долге европейцев не оставаться безучастными к судьбам жертв конфликтов по периметру Европы, прежде всего христиан, становящихся из-за жестоких преследований «религиозными мигрантами», не утрачивать чувств сострадания и солидарности с ними.

В ходе визита Папы в Турцию в ноябре 2014 г. предстоятели Римско-католической церкви и Константинопольского патриархата в совместной декларации выразили обеспокоенность положением христиан на Ближнем Востоке, прежде всего в Ираке и Сирии, выступив с призывом ко всем, кто несет ответственность за судьбы народов, сделать все необходимое, чтобы христиане не подвергались гонениям.

Какой может быть выход из этой ситуации? Конечно, в первую очередь использование нравственного авторитета и миротворческого потенциала религиозных организаций в соработничестве с ответственными политическими деятелями.

В отличие от большинства стран Запада религиозные организации России и государственная власть выступают с единой позицией, которая направлена на поддержку традиционных нравственных ценностей, института традиционной семьи, защиты понятий о Боге и святости.

Фактически, мы можем констатировать, что Россия стала мировым лидером, в котором верующие всего мира видят надежного защитника и выразителя их интересов. И это, безусловно, важный итог совместной работы верующих и государства, который имеет большой потенциал в будущем. Это важное направление дальнейшей деятельности государства и религиозных организаций.

А.И. Кудрявцев[1]

Свобода совести в России: от государственного атеизма до религиозного многообразия

До начала 90-х годов Российская Федерация не проводила самостоятельной религиозной политики. Все принципы взаимоотношений государства с религиозными объединениями и вопросы их практической реализации разрабатывались в ЦК КПСС и автоматически переносились на Российскую Федерацию, имеющую в этих и иных вопросах даже меньше прав, чем другие союзные республики.

Особенностью религиозной политики государства в советский период являлась ее тесная взаимосвязь с идеями научного коммунизма и программными установками коммунистической партии, выступавшими идеологической основой государства.

Де-юре провозглашая свободу совести, де-факто СССР был атеистическим государством, где религия и ее носители рассматривались как продукт социального отчуждения, «опиум народа», потребность в котором будет исчерпана в ходе социалистического и коммунистического строительства.

Демократизация общественной жизни, утверждение идеологического и политического плюрализма, получившие развитие в СССР и в Российской Федерации, в конце 80-х — начале 90-х гг. объективно вызвали необходимость отказа от сложившейся модели государственной политики в отношении религии, церкви и верующих, поиска новых подходов во взаимоотношениях государства и религиозных объединений.

---

[1] **Кудрявцев Александр Ильич — председатель Совета Российской ассоциации защиты религиозной свободы, кандидат исторических наук.**

Результатом этих процессов стало принятие 1 октября 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и 25 октября 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», заменивших действовавший с 23 января 1918 г. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях».

Принятие этих нормативных актов, несмотря на их несовершенство, существенно изменило механизм реализации конституционного права граждан на свободу совести и вероисповедания.

Впервые в истории Российского государства в государственно-конфессиональных отношениях были законодательно провозглашены и закреплены нормы, которые реально обеспечивали право на свободу совести и свободу религиозных действий. Оба закона были направлены на то, чтобы раскрепостить верующего гражданина, снять с него клеймо человека «второго сорта», использовать в интересах всего общества потенциал религиозных организаций.

Законы предоставили верующим право на свободное объединение для удовлетворения своих религиозных потребностей, до необходимого минимума свели возможность вмешательства государства в деятельность религиозных организаций, отменили неоправданные запреты и ограничения.

В частности, религиозные организации получили возможность приобретения в полном объеме правоспособности юридического лица, что, в свою очередь, позволило восстановить их право на владение собственностью, судебную защиту своих прав и законных интересов.

Кроме того, в обоих актах был впервые закреплен принцип равенства религиозных объединений перед законом, вошедший впоследствии в Конституцию Российской Федерации.

Таким образом, с октября 1990 г. в России действовали сразу два закона, регулирующих отношения в области религиозных прав и свобод человека, — союзный и республиканский, поскольку законы СССР были обязательны на территории Российской Федерации.

Это был период своеобразного «двоевластия», поскольку отдельные положения этих актов, в частности, в отношении регистрации уставов религиозных организаций, возможности создания органов государственной власти по делам религий и ряд других вопросов противоречили друг другу. Он продолжался до конца 1991 г. и прекратился в связи с распадом СССР.

В 1993 г. была принята новая Конституция Российской Федерации, закрепившая незыблемость демократической основы государства. В сентябре 1997 г. с учетом накопленной правоприменительной практики принят ныне действующий Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Полагаю, что это один из самых либеральных законов в Европе, регулирующих деятельность религиозных объединений. При этом он послужил примером и основой для законодателей ряда бывших республик в составе СССР, ставших самостоятельными государствами после прекращения его деятельности.

Кроме того, если посмотреть в поисковой базе перечень федеральных законов, в которых присутствует термины «религия» или «религиозная организация», то сегодня он содержит 214 федеральных нормативных правовых актов, отдельные положения которых тем или иным образом затрагивают деятельность религиозных объединений, защищают права верующих граждан, устанавливают ответственность за их нарушение.

То есть по прошествии, как обозначено в названии конференции, 25 лет по пути свободы совести в России созданы нормальные правовые условия для деятельности религиозных объединений, закрепляющие в национальном законодательстве общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав человека на свободу совести и свободу вероисповедания.

В то же время можно возразить, что нормативное закрепление в государственных актах принципов свободы совести и светского государства само по себе не является гарантией их реального воплощения и соблюдения. Да, это так. Наша недавняя, а иногда, к сожалению, и новая история подтверждают эту точку зрения.

История не только России, но любой страны показывает, что путь к истинной свободе совести тернист. И было бы наивно полагать, что формирование новых отношений может происходить бесконфликтно и гладко, без каких-либо проблем. Они, естественно, есть, и это дает повод нашим зарубежным и отечественным оппонентам утверждать, что в стране нарушаются либо вообще отсутствуют религиозные свободы, а современная Россия якобы возвращается к своему тоталитарному прошлому.

Полагаю, что такая постановка вопроса является диффамацией или, по крайней мере, заблуждением.

Все мы помним истерию вокруг принятия в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», к которой даже присоединился Президент США Б. Клинтон. Оппоненты данного Закона предрекали, что его принятие приведет к массовым нарушениям конституционных прав граждан, дискриминации религиозных меньшинств, массовому запрету и ликвидации религиозных организаций.

Закон не был лишен определенных недостатков, что обусловливалось атмосферой, сложившейся вокруг его разработки и принятия. Не случайно отдельные положения Закона были предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации и в Европейском суде по правам человека.

Тем не менее, если сегодня мы посмотрим на статистику Минюста России, то очевидно, что все, кто хотел, прошли перерегистрацию и продолжают действовать в нашей стране, обладая всеми правами и преференциями, установленными Законом.

Кроме того, сегодня вообще никто не сможет сказать, сколько и каких религиозных организаций действует в стране, поскольку в отличие от советского периода регистрация или уведомление органов власти о своей деятельности не обязательны.

В настоящее время производится перерегистрация общественных и религиозных организаций, действующих на территории Республики Крым и в г. Севастополе, для внесения их в единый государственный реестр юридических лиц России. Учредительные документы этих организаций должны быть приведены в соответствие

с законодательством Российской Федерации. В ряде случаев необходимо провести государственную религиоведческую экспертизу, что также требует времени и приводит к определенной задержке процесса перерегистрации.

Естественно, это вызвало новую волну спекуляций со стороны наших недоброжелателей, обвиняющих Россию в искусственной задержке процесса, чтобы ликвидировать не прошедшие перерегистрацию организации.

На самом деле законодатель под влиянием общественного мнения Федеральным законом от 6 апреля 2015 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»:

во-первых, продлил процесс перерегистрации до 1 января 2016 г., чтобы все желающие его успешно завершили;

во-вторых, внес принципиальные дополнения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», устанавливающие, что порядок образования органов религиозной организации и их компетенция, порядок принятия решения этими органами, а также отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в состав ее органов, определяются уставом и внутренними установлениями религиозной организации.

Таким образом, была устранена прежняя дискриминационная норма Гражданского кодекса, относившая религиозные организации к юридическим лицам, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства.

Наличие этого ограничения, противоречащего традиционным установлениям большинства религиозных организаций, во многом как раз и сдерживало процесс перерегистрации религиозных организаций в Крыму, да и регистрацию новых организаций в других субъектах Российской Федерации.

Тому, кто не ценит настоящее время, я бы посоветовал вспомнить наше недавнее прошлое. В этой связи процитирую, в частности, одно из положений Инструкции по применению

законодательства о культах, утвержденной Советом по делам религиозных культов и Советом по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно православные христиане, истинно православная церковь, адвентисты-реформисты и т.п.».

Комментарии, как говорится, излишни.

Считаю необходимым остановиться еще на одной теме, касающейся приоритетов государства во взаимоотношениях с религиозными объединениями. Исходя из действующего законодательства, они базируются на двух принципах:

во-первых, на равенстве религиозных объединений перед законом, что закреплено в Конституции страны;

во-вторых, на признании государством особой роли православия в истории страны и выражении особого уважения к конфессиям, являющимся неотъемлемой частью духовного и исторического наследия народов России.

Данное положение, содержащееся в преамбуле Федерального закона, не получило нормативного развития, не умаляет установленных законом прав одних религиозных объединений и не наделяет привилегиями других.

В то же время оно является некоей идеологемой, предполагающей различную степень сотрудничества и взаимодействия государственных институтов с религиозными объединениями.

Этот принцип, обусловленный историческими предпосылками, укорененностью, социальной позицией той или иной конфессии, количеством ее последователей, характерен для большинства европейских стран и не ущемляет права религиозных меньшинств.

Круг общественно значимых проблем для взаимодействия государства, общества и религиозных организаций сегодня весьма велик. И, исходя из вышеназванного принципа, на практике приоритетное положение занимают взаимоотношения государственных

институтов с наиболее массовыми и авторитетными в обществе религиозными организациями.

Главы и представители этих объединений на правах членов участвуют в работе Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, в деятельности аналогичных структур в субъектах Российской Федерации, с ними прежде всего заключаются соглашения о сотрудничестве в реализации благотворительных, культурно-просветительских, оздоровительных и иных социально значимых программ и проектов. То есть формируются отношения социального партнерства.

И это ни в коей мере не подвергает ревизии равенство религиозных объединений перед законом, поскольку не сопровождается разделением их по категориям и наделением различным правовым статусом.

В целом, если объективно оценивать итоги прошедших 25 лет и современное состояние государственно-конфессиональных отношений в стране, то есть все основания утверждать, что в Российской Федерации после десятилетий господства государственного атеизма, как неотъемлемой части его религиозной политики, возобладали новые принципы взаимоотношений государства и религиозных объединений, при которых религиозные права и свободы граждан не только декларируются, но и реально существуют.

При этом оснований для благодушия нет. Можно назвать немало примеров оскорбления чувств верующих, нарушения их личных и корпоративных прав.

При этом они вызваны как непрофессионализмом отдельных государственных и муниципальных служащих, так и сознательным несоблюдением норм действующего законодательства и конституционного принципа равенства религиозных объединений перед законом.

Речь при этом идет в первую очередь о региональном и местном уровнях, где чаще всего проявляются местничество и субъективизм в правоприменительной практике. Участники

конференции — не случайные люди и, полагаю, знают ситуацию в данной сфере не понаслышке.

Не безгрешны в соблюдении закона и сами религиозные организации.

В целях организации взаимодействия с органами государственной власти, общественными и религиозными организациями по мониторингу правоприменения, развитию законодательства создана и в ноябре прошлого года зарегистрирована в Минюсте России Российская ассоциация религиозной свободы (РАРС).

О целях организации, наших планах и формах работы подробно говорилось на круглом столе 18 марта 2015 г., материалы которого опубликованы отдельным изданием.

С.А. Попов[1]

Спасибо большое. Дорогие участники конференции! Тема, которая сегодня определена организаторами, безусловно, является архиважной и не только с учетом нынешней ситуации, но и с точки зрения того, что прошедшие 25 лет позволяют нам ретроспективно очень глубоко оценить, какими семимильными шагами прошло наше законодательство, законотворчество с точки зрения защиты свободы совести в нашей стране. И в связи с этим правомерно вспомнить и первые законодательные акты, которые были приняты в 1990 г., — сегодня об этом говорилось. Хотелось бы, единственно, вспомнить, что при всех недостатках, ущербности, а критика достаточно серьезная была в отношении законопроектов, принятых в 1990 г., вместе с тем они стали ключевыми, базисными для дальнейшего развития.

Когда мы вспоминаем законопроект о свободе вероисповеданий, возникает вопрос: а что такое вероисповедание на тот период времени и что такое религиозное объединение? То есть возникла даже путаница в правовом сознании, но вместе с тем это был прорывной законопроект — писался он достаточно оперативно, быстро. Целый ряд коллег, которые участвовали в создании данного проекта, потом в разговоре со мной говорили: да, мы чувствуем и сейчас понимаем все издержки, но важно было для России принять этот первый закон, гарантирующий реальную защиту прав граждан.

Безусловно, Конституция 1993 года, которая была принята всенародно, показала эти издержки. Нужно было начинать активно работать над новым законодательством. И большая группа наших коллег уже с 1994 г. приступила к созданию нового законопроекта

[1] **Попов Сергей Александрович — председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по регламенту и организации работы Государственной Думы, координатор Межфракционной депутатской группы в защиту христианских ценностей.**

для России. Здесь присутствует Андрей Евгеньевич Себенцов, один из участников-разработчиков этого законопроекта, мои коллеги — депутаты Государственной Думы, в том числе и покойный Зоркальцев Виктор Ильич, бывший Председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций вместе со своими депутатами, большая команда юристов Московской патриархии во главе с тогда митрополитом Кириллом, а ныне Патриархом Московским и всея Руси — активно также работали над этим законопроектом.

Вообще, нам надо активно это вспоминать, потому что мы иногда говорим «Президент принял, подписал», а кто за этим стоит? За этим стояла большая группа авторов, юристов, экспертов, профессионалов, которые над этим работали. Я помню, что законопроект 1997 года был принят не сразу: Ельцин наложил вето на первую редакцию закона, потом в Государственную Думу было внесено три альтернативных законопроекта. Три было внесено. Появился президентский, все это совмещалось, анализировалось, и в конечном счете был принят тот самый законопроект, который вызвал бурю эмоций на Западе. У нас два законопроекта есть в истории российского законодательства, которые обсуждались в Сенате США и в Европарламенте. Два. Это закон об иностранных некоммерческих организациях и о свободе совести закон — это информация для тех, кто забыл или кто не знает. Такова у нас история нашего законодательства. То есть действительно, и преамбула, и целый ряд положений вызвали серьезное раздражение и на Западе, и у части нашей свободной демократической прессы.

Но жизнь так расставила акценты, и сегодня мы видим, что закон работающий, что закон активно модернизируется. Достаточно сказать, что за эти годы было принято 18 законодательных актов, которые вносили поправки в Закон «О свободе совести» 1997 г. Сегодня уже звучала цифра, что благодаря этим законодательным актам было создано очень мощное законодательство в сфере свободы совести: по разным оценкам, вот Интернет показывает 214, там, где упоминается в названии закона или в тексте закона «религиозные организации». А куда отнести, например, закон о

защите прав верующих? Там нет упоминания религиозных организаций. Или проект закона, с которым мы недавно выступили с Мизулиной Еленой Борисовной? Это же вопросы, связанные с морально-этическими нормами, критериями и правами, в том числе и верующих, которые защищают все наши религиозные объединения. Поэтому на самом деле законодательство гораздо больше, по нашим подсчетам, где-то около 260 законодательных актов без постановлений Правительства. То есть это достаточно мощный пласт, который позволяет регулировать деятельность религиозных организаций во всех сферах жизнедеятельности.

И вот наряду с теми интересными прорывными законами, которые мои коллеги уже назвали, я хотел бы назвать несколько законов, которые, с моей точки зрения, являются тоже очень важными, определяющими. Один из них — это закон «О порядке передачи религиозной собственности» — собственности государственной и муниципальной религиозным организациям. Мы работали над этим законом 4 года, и на самом деле это действительно один из важнейших этапов с точки зрения цивилизационного подхода к собственности религиозных организаций. Безусловно, с точки зрения правоприменительной практики мы видим целый ряд недостатков, изъянов, над которым надо работать, надо уточнять. Но это те моменты, которые подсказывает жизнь, подсказывает конкретный реальный опыт.

Вот в этом отличительный пример трансформации и модернизации всего нашего законодательства, то есть оно не закостенело, оно не стоит на месте, развивается, развивается под воздействием тех изменений, которые происходят в экономической, социальной жизни нашего общества. И вместе с тем выявляются проблемы, недостатки, которые законодатель анализирует, видит и предлагает свои варианты и решения. Ну, тоже как пример хочу привести, для прессы, может быть, в свое время, когда мы принимали закон о митингах (это 2007 г., 8 лет уже прошло, чтобы было понятно), ломали голову (коллеги участвующие помнят, и уважаемый протоиерей Всеволод Чаплин): как религиозные обряды вставить в этот закон? То есть как прописать эту конструкцию? Искали много вариантов

и прочее. Нашли вариант: то, что касается обрядов, должен прописывать закон «О свободе совести». Ну, по аналогии, как мероприятия избирательной кампании должны описываться законодательством о выборах. И, как вы знаете, только в начале этого года был принят закон, который более подробно прописал конструкцию и порядок проведения массовых религиозных обрядов.

То есть я просто на этом примере хотел бы отдельно показать, как работает система законодательства и работают законодатели, благодаря, безусловно, вашему активному участию, участию религиозных организаций и объединений нашей страны, экспертов. Поскольку необходимо именно такое коллективное, коллегиальное обсуждение, а у нас действительно очень хорошая практика сложилась — мы переняли в свое время у Виктора Ильича Зоркальцева, сейчас это продолжается у новых руководителей Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций. Все понимают, что такие вопросы кулуарно нельзя не только обсуждать и принимать, что это требует очень широкого обсуждения, анализа.

И я думаю, что вот сегодняшняя конференция как раз, наверное, позволит наряду с оценкой позитивных моментов, которые были на пути, определить и те проблемы, недостатки, над которыми мы должны сообща работать. И в первую очередь должны работать законодатели. Мы ждем от вас и подсказок, и определенных предложений, пожеланий в этом плане. Я хотел бы в заключение пожелать нам и успешной работы сегодня, и дальнейшего усиления наших совместных усилий в законотворчестве, в первую очередь в деле защиты свободы совести. Спасибо!

Протоиерей Всеволод Чаплин[1]

Спасибо большое, я постараюсь быть достаточно краток. Мы сегодня вспоминаем события, которые имели место, по большому счету, в другую историческую эпоху. На контрасте с практикой советских времен — с практикой гонений и ограничений на религиозную жизнь, вмешательства государственных органов во внутреннюю жизнь и деятельность религиозных общин — были приняты решения, которые максимально раскрыли возможности для развития деятельности самых разных религиозных объединений в стране.

За время, прошедшее с этого периода, пройден достаточно большой путь. Общество стало более мудрым, люди стали понимать, что в религиозной сфере есть не только позитивные явления, но и явления, опасные для государства, общества и индивидуумов. Стало очевидно, что сфера религиозной и религиозно-общественной жизни нуждается в пристальном внимании государства. В первые годы после принятия законов, которые мы сегодня вспоминаем, страна пережила нашествие псевдорелигиозных образований — как обусловленных внешним влиянием, так и доморощенных. Мы столкнулись с вызовом экстремизма и терроризма, которые пытались оправдать религиозными или псевдорелигиозными взглядами. Именно в силу осознания этой непростой реальности, которую, конечно, понимали и в советское время, но при этом пытались вместе с водой выплеснуть ребенка, имел место сложный процесс принятия законов и подзаконных актов, в котором активно участвовали многие здесь присутствующие.

Сергей Александрович вспомнил несколько ключевых, сложных моментов, которые, быть может, следует вписать в исто-

[1] **Чаплин Всеволод Анатольевич — председатель Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, член Общественной Палаты Российской Федерации.**

рию и которые сопровождали процесс формирования нового законодательства РФ о религии и некоторых подзаконных актов. Действительно, мы очень много спорили, мы очень пристально оценивали те сложные новые явления, которые появлялись в жизни страны. Но в ходе этих споров, как мне кажется, родилась одна из самых продуманных и проработанных систем нормативных актов, касающихся религиозных организаций, и эта система является сегодня образцом для многих стран постсоветского пространства, думаю, что и для всего мира, наш опыт может быть полезен.

Много будет сказано о прошедших 25 годах. Мне бы хотелось заглянуть в будущее, сказать о тех вызовах, которые будут стоять перед нами в следующие 25 лет, после чего, даст Бог, мы соберемся вновь и посмотрим, что будет сделано за 50 лет религиозной свободы в постсоветской России. Я бы выделил три вызова. Первый из них — это необходимость достижения полного суверенитета России в определении государственной политики в области религиозно-общественной жизни, в таких сферах, как оценка различных доктрин, религиозных и религиозно-общественных, оценка экстремистских тенденций и учений. Сергей Александрович сегодня сказал, что в некоторые периоды и законодательство, и государственная политика в отношении религии в России в значительной степени определялись внешними силами. Всегда, когда это было так, страна терпела серьезный урон. В ней появлялись силы, которые действовали не в интересах ее народа. Речь не только об интересах государства, тем более не только об интересах государственной власти, — действовали определенные силы, которые явным образом были направлены против интересов народа страны, и об этом нужно прямо говорить. Сегодня появляются тенденции унифицировать государственную политику разных стран в отношении религии таким образом, чтобы лишить эти страны возможности защищаться от деструктивных внешних влияний, чтобы лишить их суверенитета, лишить возможности самим определять, какие религиозные учения полезны, а какие нет, какие могут быть поддержаны государством, а какие следует ограничивать.

Известно, что сегодня через решения Европейского суда по правам человека пытаются вбросить такие не конституированные в рамках общепризнанного международного права идеи, как «религиозный нейтралитет государства». Эти идеи совершенно безжизненны в условиях, когда многие страны, включая Россию, сталкиваются с опасностью распространения экстремистских псевдорелигиозных доктрин. В этих условиях нам нужно самим и только самим решать, что для нашего народа полезно, а что вредно, исходя из настроений самого этого народа, исходя из тех высказываний и интуиций, которые отражают его волю. Он и только он должен определять, как должно строиться отношение государства к тем или иным религиозным организациям и доктринам.

Второй вызов — это вопрос об интеграции религиозных нравственных и правовых норм в общественное и государственное пространство страны. Очевидно, что есть большое количество людей, для которых их религиозная идентичность является главной по отношению к чему бы то ни было еще. Пытаться игнорировать эту идентичность, делать вид, что ее нет, что она отомрет через 10 лет, как в свое время должны были отмереть «классовые предрассудки», недальновидно. Более того, я считаю очень полезным для будущего развития государства и общества максимальное включение религиозной идентичности в позитивную работу в тех сферах, в которых она может изменить к лучшему состояние нашего общества, в первую очередь, конечно, нравственный аспект общественной жизни.

Сегодня уже было сказано Сергеем Александровичем о том, что появляется значительное число законопроектов, появляются новые идеи, появляются общественные группы, которые стремятся, в хорошем смысле, к нравственной контрреволюции в стране. У нас не будет единого народа России, не будет грядущего, если мы не вернем в страну строгость нравов, неприятие таких явлений, как преступность, коррупция, разврат, аборты, порнография, нечестность политика или общественного деятеля в личных отношениях. Очень важно вернуть в жизнь страны, в общественное и информационное пространство те нравственные нормы, которые

свойственны разным религиозным общинам и в значительной степени совпадают. Нужно помнить о том, что и многие неверующие люди придерживаются твердых правил в семейной, личной, общественной жизни, хотят изменять общество исходя из этих правил, и к этому нужно относиться с максимальным вниманием и уважением, одновременно понимая, что роль религиозного фактора в устроении общества во всем мире растет и, конечно, эта роль будет расти и в нашей стране.

И, наконец, третий вызов, о котором отчасти уже было сказано и, наверное, сегодня будет сказано много раз, — это терроризм, который пытаются оправдывать религией. Как правило, при этом наивными и фанатичными людьми манипулируют циничные центры власти, которые хотели бы дестабилизировать Евразию, которые хотели бы видеть Россию раздробленной и поставленной на колени. В этих условиях не нужно бояться называть вещи своими именами и, в частности, говорить о тех доктринах, которые создают опасность терроризма. Не нужно бояться и силового ответа. Есть сообщества, есть люди, есть влиятельные мировые центры, которые понимают только такой ответ, и на данный вызов именно при помощи этого ответа стоит реагировать. Заодно, конечно, нужно идентифицировать те идейные, псевдорелигиозные, псевдокультурные построения, которые подпитывают терроризм, и также отвечать на них без всякого либерализма, без всякой толерантности, без всякого нейтралитета — через жесткие ограничения.

Надеюсь, что через 25 лет мы сможем сказать, что с теми вызовами, которые были упомянуты, мы справились. Спасибо большое.

Муфтий А.Р. Крганов[1]

Спасибо большое. Добрый день, уважаемые друзья! Во-первых, позвольте от имени наших муфтиятов и от имени Комиссии по гармонизации межрелигиозных и межнациональных отношений Общественной Палаты всех вас сердечно поприветствовать и поблагодарить всех тех, кто имеет и имел отношение к принятию закона «О свободе совести и вероисповедании», за огромную работу, которую вы проделали. Ведь давайте вспомним те годы: благодаря этому закону миллионам верующих было позволено строить свои храмы и мы прошли достаточно серьезный, очень большой путь. Предшествующий закон РСФСР, который был в годы атеистические, верующих людей не удовлетворял, был несовершенным, и многие аспекты были тогда не урегулированы. Тем не менее, конечно, соответствовал духу своего времени. И позже были нерешенные вопросы по отношению к военной службе, в регулировании деятельности разных иностранных организаций и миссий.

И вот с начала девяностых годов, в 1993 г., появились новые проекты поправки к закону «О свободе вероисповедания». Были уточнены формулировки свободы совести и вообще расширился весь спектр деятельности самих религиозных организаций, и в том числе формы социальной деятельности. Также закон дистанцировал государство от контроля за религиозными процессами — религиозные организации свободны были в решении своих внутрирелигиозных вопросов.

Закон, который уже привнес изменения, в 1997 г. создает серьезные барьеры на пути к религиозной экспансии в России со стороны разных сект. Конечно же, были недостатки. Эти недостатки были связаны не столько с самим законом, сколько с его правоприменением. Например, есть примеры, когда путаница в системе

[1] **Крганов Альбир Рифкатович — муфтий, председатель духовного управления мусульман г. Москвы и Центрального региона «Московский Муфтият», член Общественной Палаты Российской Федерации.**

религиозного просвещения, когда деятельность по религиозному просвещению пытаются вывести из-под юрисдикции закона о религиозных объединениях и подвести его под закон об образовании. И с этим, конечно же, очень много проблем.

Еще проблема с наличием священников, имамов и раввинов в армии. Потребность есть, а на местах ее очень сложно реализовать. Недавно мы столкнулись с большой проблемой ношения платков в регионах, когда некоторые чиновники по-своему трактовали закон, и пришлось вмешиваться, и до сих пор вопрос, кстати, остается открытым. Есть также проблема с молельными комнатами в вузах, опять же потребность есть, а администрация навстречу не идет. Тем не менее, вообще, реализация закона в школе требует к себе отдельного внимания. Начиная с 1997 г., говоря о достоинствах закона, можно, наверное, назвать то, что был наведен порядок в религиозной плоскости. Были даны понятные правила игры для объединений. И самое главное, поставили препоны к распространению иностранных деструктивных культов, способных нанести урон обществу и государству.

Но я сегодня хотел бы немного сказать и о другом. Можно писать разные законы, но их же исполняют сами граждане. В нашем случае, представители разных религиозных организаций. И вот, вспоминая вчерашнюю встречу Святейшего патриарха с Президентом, он там высказал предложение, что правильно развивать одновременно церковно-общественные отношения. И здесь роль Русской Православной Церкви очень велика, поскольку сегодня есть разные мнения. Кое-кто высказался о том, что исламу, мусульманству нет места и в проекте «Русский мир». Мы так не считаем.

Вообще, за всю историю России сегодня все российские конфессии имеют равные права. Ну, конечно же, есть активность по количеству. Если больше 80% русских живут в нашей стране и это православные, конечно же, они проводят очень серьезную, большую работу. Но ведь никто не мешает и нам, мусульманам, и иудеям, и буддистам, и другим конфессиям вести свою активную работу. И здесь отношение такой большой конфессии, как Русская

Православная Церковь, ее желание контактировать со всеми нами очень важны, и я думаю, конечно же, их нужно укреплять. Но тем не менее, если мы живем в таком многонациональном государстве, опять вспоминаются недавние слова нашего Президента, который сказал: «Нельзя путать яичницу и Божий дар». Есть патриотизм, а есть непонятный национализм. И вот в этой связи, например, для меня, как гражданина, непонятны слова в гимне Краснодарского края, где звучат такие фразы: «…на врага, на басурманина мы идем на смертный бой». Хотя в регионе живут десятки тысяч мусульман. Вот как же нам нужно к этому относиться? Много таких казусов, которые, конечно, еще предстоит нам совместно исправлять. В завершение хочу пожелать всем нам успешной работы в совершенствовании закона. Всех благ вам.

Санжай лама А.А. Бальжиров[1]

Спасибо большое за предоставленное слово. Рад приветствовать всех участников конференции.

25 лет — это большой срок, со дня принятия закона о свободе совести и о религиозных объединениях очень много изменилось в сфере религиозных организаций, взаимодействия с государством.

Я хочу отметить то, что озвучил Сергей Алексеевич Мельников. Взаимодействие религиозных организаций и государства очень актуально во многих сферах. Это и образование, и военное капелланство, и общественные советы.

Буддийская Традиционная Сангха России за эти годы многое воплотила в жизнь, происходит возрождение духовных центров, храмов, развитие языка, проводятся конкурсы на знание языковых наречий, воспитание молодого поколения в духе здорового образа жизни.

Буддийская Традиционная Сангха России большое внимание уделяет сохранению традиций и языка бурятского этноса. Вопрос расширения сферы функционирования бурятского языка особенно остро стоит в последние десятилетия. Язык крупнейшего сибирского народа с 2005 г. занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО; когда люди не изучают свой родной язык — это равносильно тому, что он теряет свою национальную идентичность. Также проводим планомерную работу по сохранению традиционных видов животноводства, национальных видов спорта, например, проводятся игры трех мужей: национальная борьба, стрельба из лука, скачки.

Кроме того, мы проводим различные благотворительные мероприятия, в том числе для пожилых людей.

Очень ценна для религиозных организаций поддержка государства в виде президентских грантов.

Спасибо большое. Желаю конференции хорошей плодотворной работы.

---

[1] **Бальжиров Андрей Александрович — Санжай лама, постоянный представитель Буддийской Традиционной Сангхи России в Москве, член Общественной палаты Российской Федерации.**

К.Л. Блаженов[1]

Дорогие друзья! Я хотел бы здесь выступить очень коротко, как человек, который уже очень много лет занимается практическим применением действующего законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений. Так получилось, что я применял законодательство 1929 г., законы, юбилей которых мы сейчас отмечаем, ныне действующее законодательство. И что я хотел бы сказать именно как практик: я пришел работать в сферу государственно-церковных отношений, когда государство уже практически остановило политику выдавливания церкви из общества, мне не приходилось закрывать церкви, скорее, их открывать.

И принятие законов 1990 года опоздало, опоздало очень здорово. Потому что почти на протяжении пяти лет органы государственной власти были вынуждены нарушать наше советское законодательство. Оно запрещало религиозным организациям работу с детьми, с женщинами, со стариками, гуманитарную помощь, да фактически все. Однако начиная где-то с 1986–1987 г. эти направления деятельности религиозных организаций активно развивались, все понимали необходимость этого и закрывали на это глаза. К чему это приводило? Это приводило к тому, что как у органов власти, так и у религиозных организаций развивался обычный правовой нигилизм. Нельзя, но хочется, значит, можно.

К счастью, закон был принят достаточно быстро, ведь предыдущее законодательство действовало практически 60 лет. И он успел направить социальную активность религиозных организаций в нормальное правовое русло. Что закон, юбилей которого мы отмечаем сегодня, дал нам? Я вам отвечу просто на примере Москвы. Перед принятием этого закона в Москве действовало чуть больше 50 религиозных организаций. Сейчас уже почти 1100. Я не говорю

[1] **Блаженов Константин Леонидович — заместитель руководителя Департамента национальной политики, межрегиональных связей и туризма города Москвы.**

про религиозные группы. Я посмотрел статистику Министерства юстиции, нет ни одной деноминации, которая не была бы представлена в Москве. А до принятия этих законов в Москве были Русская Православная Церковь, 4 направления старообрядцев, баптисты, адвентисты, пятидесятники, католики, и, по-моему, все.

Нужно ли менять действующее законодательство? Оно менялось уже неоднократно. Я считаю, что да. Почему? Потому что жизнь меняется, меняются требования общества. И всегда лучше, когда закон не опаздывает. Пускай не срабатывает на опережение, но отвечает на вопросы общества. Вот последнее изменение, которое я могу отметить. Ведь для Москвы очень большую сложность представляли религиозные группы. По закону их должны были учитывать органы местного самоуправления, но особый статус Москвы и Санкт-Петербурга органам местного самоуправления таких функций не давал. Образовался правовой вакуум. Большие сложности были с проведением массовых религиозных мероприятий, выходящих за пределы, так скажем, церковной ограды. Все это делалось опять-таки на каких-то личных контактах, на необходимости поддержания общественного порядка. Изменение закона привело к тому, что это поставило данные мероприятия в его рамки. И четко знает орган исполнительной власти, что обязан делать он, четко знает религиозная организация, что обязана делать.

И вот практика Москвы, где очень многие религиозные организации проводят мероприятия за пределами своих территорий — Русская Православная Церковь, Русская православная старообрядческая церковь, католики, мусульмане. За все время применения этих изменений не было ни одной конфликтной ситуации. Поэтому мы сегодня отмечаем юбилей того закона, который позволил нашему обществу, нашей стране перейти от старой советской модели государственно-конфессиональных отношений к новой модели, и перейти без серьезных конфликтов и тем более без кровавых столкновений, что мы, к сожалению, частенько видим за рубежом. Поэтому, конечно, принятие двух этих законов, с моей точки зрения, было очень заметным явлением в общественно-политической жизни нашей страны. Спасибо!

С.В. Медведко[1]

Спасибо. На самом деле мои предшественники мне сильно упростили задачу. Я хочу сказать, что Игорь Николаевич так хорошо и подробно раскрыл вопрос свободы совести, что мне остается только перейти к той части, где я хотел бы порассуждать о том, в какой степени эти, казалось бы, очень привычные слова, привычное словосочетание «свобода совести» сегодня, собственно, может реализовываться и каково его реальное пространство применения.

И прежде всего вопрос, который я бы хотел задать: кто является субъектом свободы совести? Потому что если мы посмотрим на определения, которые нам предлагаются, то свобода убеждения, свобода вероисповедания так или иначе касаются индивидуума, человека. Даже Резолюция Генеральной ассамблеи ООН говорит, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. В то же самое время мы знаем, что вообще вопрос субъектности — непраздный, потому что, в принципе, субъектом является не только индивид, но и социальная группа. И поскольку у нас в законодательстве встречается такое понятие, как религиозная группа, я призываю очень четко понимать разницу: именно как социальная группа, как группа, объединяющая людей, имеющая общие значимые специфические признаки, основанные на их участии в некоторой деятельности и связанные системой отношений. То есть социальная группа в том понимании, в котором ее понимают социологи, психологи. И ключевым критерием в данном случае является определенная институциализация, превращение этих социальных отношений в определенный социальный институт. Так вот, к сожалению, ни в каких определениях свободы совести и свободы вероисповедания, нигде не сказано о правах групп, и только в определении свободы совести упоминается индивид. Говорится,

[1] **Медведко Степан Викторович — руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам общественных объединений и религиозных организаций.**

что свобода вероисповедания — право исповедовать любую религию. Вроде как кто там исповедует, кто практикует, непонятно. В результате вот это соотношение права индивида и права группы, равны они или не равны, повисает, потому что, в принципе, не прописаны права групп.

Если в отношении прав индивидуума у нас более или менее четкое законодательство, которое сложилось на основании определенной практики, и поскольку законодательно не закреплено это право для групп, а только для институтов, то есть для того, что в законе именуется религиозными объединениями, то, соответственно, и вопрос критериев вот этой границы, где право гражданина может быть ограничено правом группы и опять же той группы, членом которой он является, например, либо группой по отношению к другому гражданину, который не является членом этой группы, важен. В результате получается, что этот вопрос приоритета, институциализация, конечно, является ключевым критерием.

Поясню, как это могло бы быть реализовано на практике в законодательстве. Это касается законодательного оформления социальных групп, еще раз повторю не религиозных, как больших групп (религии, конфессии), так и малых групп (приходы, группы верующих). Сегодня законодательство, которое так или иначе это регулирует, уже принимается. И первый этап — это своеобразное проведение границ. Оно было осуществлено введением защиты от оскорбления чувств верующих, то есть это первое разграничение, в котором право одного ограничивается правом другого. При этом, заметьте, законодатель, когда вводил это понятие в 148 статью, в общем, четко определил, что это публичные действия — первое, второе — выражает явное неуважение и третье — в целях оскорбления, то есть намерение. Как минимум трижды определяются критерии, но эти критерии относятся не к конкретному субъекту. То есть в данном случае речь идет не об оскорблении субъекта, а об оскорблении целой группы, речь идет о группе верующих. При этом, естественно, понятие «верующие» не раскрывается, относятся ли эти верующие к конкретной

конфессиональной принадлежности, либо это верующие вообще. К сожалению, законодатель оставляет это на усмотрение суда.

Первый этап стратегии изменения мы уже прошли, определенные границы нами установлены. Сейчас мы находимся в стадии второго этапа. Это упорядочение отношения государства с группами, с вот этими институционализированными группами, и оно содержит ряд элементов — это прежде всего ограничение иностранного влияния, то, о чем сегодня говорил отец Всеволод о суверенитете.

Второй очень важный момент — это создание системы прозрачности между институционализированными группами и государством. Поэтому мы сейчас вводим практически систему уведомительного порядка существования для религиозных групп. И хочу сказать, что практика показала (мы помним с вами крестоповал, Пусси Райот), что принятие закона, о котором многие говорили, будет очень серьезным нарушением, что кого-то начнут делить на людей первого и второго сорта. Ничего такого не произошло. Наоборот, принятый закон показал очевидное снижение активности, а все недавние истории с «Тангейзером» показали, что фактически мы уже говорим о тонкой настройке, то есть когда уже обсуждается не право оскорблять другого по принадлежности к религии, а дискуссия о праве вторгаться искусству в сакральную сферу. В принципе, вот это то определенное движение, оно, естественно, подразумевает под собой следующие этапы.

Мы видим как минимум еще два этапа дальнейшего совершенствования законодательства, помимо того, что я уже упомянул необходимость упорядочения отношения государства с институционализированными группами. Третий этап — это создание системы уважения. Поясню, не толерантности, не терпимости, а уважения. То есть это создание внутренних границ. Итак, мы определили внешние рамки. Внешние рамки четко сказали, что это оскорбление — нельзя оскорблять, ты не должен выходить за рамки там, где ты уже вторгаешься в чужое пространство. Следующий этап — это упорядочение системы отношений внутри, и потом мы создаем как бы мягкую, внутреннюю рамку. Таким образом, уже находящиеся

внутри субъекты сами должны выстроить систему межконфессиональных отношений и прочих отношений на этом принципе, и я его сформулировал бы как принцип уважения, более характерный для России, для нашей российской цивилизации.

И соответственно, после того, как мы выстроим эти мягкие рамки, наступит четвертый этап — этап реализации потенциала, в том числе реализации потенциала религиозных объединений. В свою очередь, опять же государство должно законодательно обеспечить максимальную возможность для этого: это будут соответствующие изменения, направленные в том числе на совершенствование и закона об образовании, и закона о социально ориентированных организациях, и других законов тоже. Поскольку мы, к сожалению, очень сильно ограничены временем, я понимаю, что прилично уже перебрал, но хотел бы закончить.

Тут у меня есть ряд таких общих пожеланий, касающихся, собственно, деятельности нашей Ассоциации. Я хотел бы в этой связи сформулировать 4 задачи, которые необходимо в ближайшее время начать решать РАРСу. Мне кажется, что первая, и самая важная, — это задача научная. Организация теоретических и прикладных исследований, в том числе про этноконфессиональные отношения, — это то, что уже упоминал в своем выступлении Андрей Евгеньевич, — социология, феноменология. То есть сегодня мы испытываем острую нехватку в квалифицированных, компетентных молодых специалистах, которые должны потом, со временем прийти к нам на смену. Эти специалисты уже должны быть вовлечены в определенную исследовательскую деятельность. Мы должны создать поле такой деятельности. Вот Ассоциация могла бы стать такой площадкой научной деятельности для этих специалистов. Второе направление — это просветительская деятельность. То есть разъяснительная работа, выпуск сборников, я знаю, что будет готовиться сборник по итогам этой конференции, но, я думаю, должно быть регулярное издание. Может быть, это должен быть доклад ежегодный о состоянии свободы совести в РФ. Ну и, соответственно, сайт. Проведение семинаров, вебинаров и так далее. Третье направление — это правозащитная

деятельность. Сегодня правозащитная деятельность должна быть одной из приоритетных в деятельности нашей организации, потому что это, в принципе, та деятельность, которая стремительно набирает обороты. И для выстраивания внутренних отношений оказание помощи, консультации в рамках этой правозащитной деятельности — это именно то, что позволит эти отношения выстроить. И четвертое направление — это ресурсное направление, то есть создание условий для региональных центров, создание и научно-теоретической базы, и общей организационной базы для того, чтобы на местах эта система тоже развивалась. Действительно приятно, когда хвалят Экспертный совет, приятно видеть членов Экспертного совета, почти в полном составе сидящих за этим столом нашего комитета. Но я очень сильно подозреваю, что, когда мы доезжаем хотя бы до внешних границ Центрального федерального округа, ситуация уже не настолько радужная. Поэтому вот такие общие пожелания. Извиняюсь, если перебрал по времени, и надеюсь, что у нас все получится. Спасибо.

О.Ю. Гончаров[1]

Уважаемые коллеги, позвольте поблагодарить вас за предоставленную возможность выступить. Я тезисно хотел бы обозначить основные тенденции развития государственно-конфессиональных отношений, сформировавшиеся за последние 25 лет. Безусловно, я не хотел бы повторять высказывания всех уважаемых выступающих до меня, которые отметили, что государственно-конфессиональные отношения коренным образом изменились за последние 25 лет. Были созданы различные государственно-конфессиональные площадки для взаимодействия межконфессионального и государственно-конфессионального взаимодействия. К сожалению, нет времени подробно осветить деятельность этих важных для конфессий России площадок, но хотелось бы отметить вот что.

Нередко можно услышать сомнения в эффективности этих площадок со стороны разных специалистов по государственно-конфессиональным отношениям. Как человек, принимающий активное участие во многих межконфессиональных и государственно-конфессиональных площадках, могу засвидетельствовать, что они оказывают реальную помощь в деятельности религиозных объединений в России. Так, например, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации оказал помощь в решении вопроса с обучением в светской школе для адвентистов седьмого дня. На этой площадке оказывается реальная помощь религиозным объединениям в вопросах социального служения. Специалисты Администрации Президента помогают в решении проблем, возникающих у религиозных организаций в различных регионах России. Комитет Государственной Думы РФ отвечает на просьбы религиозных

[1] **Гончаров Олег Юрьевич — пастор, генеральный секретарь Совета РАРС, первый заместитель председателя Евро-Азиатского дивизиона Генеральной конференции Церкви христиан-адвентистов седьмого дня.**

объединений, о чем уже было сказано здесь на примере принятия поправок к Гражданскому кодексу. Комиссия при Правительстве РФ за последние годы приняла ряд решений, связанных с передачей имущества религиозного назначения в собственность религиозных организаций, что также является существенной помощью. Представители религиозных организаций активно взаимодействуют с Департаментом национальной политики, межрегиональных связей и туризма города Москвы. Конечно, существует еще масса нерешенных проблем религиозных объединений, и не всегда все делается быстро и так, как хотят некоторые представители конфессий. Однако это не умаляет важности обозначенных площадок в решении конфессиональных вопросов.

Что касается законодательства. Совершенствуется законодательство в сфере свободы совести, как было отмечено. Религиозным объединениям предоставляются различные финансовые льготы, немало сделано в вопросах передачи имущества религиозного назначения религиозным организациям. Упрощена отчетность, и в целом, я бы хотел сказать, действительно наше законодательство очень и очень неплохое, по сравнению с другими странами. На мой взгляд, основные вопросы возникают не в самом законодательстве, а в его применении. Хотелось бы обозначить основные проблемы.

Проблемы возникают в основном не здесь, в центре, а в регионах. Нередко в регионах принимаются законы, которые явно противоречат Конституции Российской Федерации и международным правовым документам. К примеру, такие законы появились в Белгородской, Калининградской областях, разрабатываются в Ставропольском крае и Крыму. Эти законы касаются прежде всего вопросов регулирования миссионерской деятельности религиозных организаций. Как правило, такие законы, будучи приняты, не работают, потому что они вступают в противоречие с основными правовыми документами нашей страны, такими как Конституция РФ и Закон о свободе совести и о религиозных объединениях. Но тем не менее сам факт принятия на региональном уровне подобных законов создает ненужную напряженность

в государственно-конфессиональных отношениях. Подобные вещи происходят из-за неграмотности законодателей и чиновников в регионах, отсутствия эффективных площадок для диалога между представителями региональной власти и религиозными организациями в регионах.

Необходимо отметить, что на уровне региональной и муниципальной власти катастрофически не хватает специалистов в области государственно-конфессиональных отношений. Мне приходится ездить во многие регионы нашей страны — от Дальнего Востока до Калининграда. И везде встречался с этой проблемой. А ведь основные вопросы, с которыми сталкиваются религиозные объединения, возникают именно на этом уровне. В связи с этим у представителей религиозных организаций вызывает обеспокоенность новый законопроект, который сейчас будет рассматриваться в Государственной Думе, номер 7812716, поправка к закону о свободе совести и религиозных объединениях. Этот законопроект предусматривает закрепление права государственной муниципальной власти инициировать внеплановые проверки религиозных организаций. При этом это право никак не регламентируется. Поскольку мало специалистов в регионах в этих вопросах, мы опасаемся, что таких проверок будет очень много со стороны именно муниципальной и региональной власти. Это может привести к возникновению ненужных проблем для религиозных организаций.

Необходимо уделить внимание работе с религиозными объединениями в регионах, привлекать для этого обученных специалистов. Необходимо уделять внимание развитию региональных государственно-конфессиональных площадок, научной работе и т.п.

Хотелось бы отметить, что когда-то Российская академия госслужбы занималась обучением специалистов. И сейчас в РАНХиГС есть кафедра, обучающая специалистов в области государственно-конфессиональных отношений. Кафедра имеет хороших преподавателей и огромный опыт работы. Но на кафедре обучается очень мало специалистов. Государству нужно уделить особое внимание вопросам образования для специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений, особенно работающих в регионах.

Еще одной проблемой, о которой хотелось бы сказать, является предоставление помощи религиозным организациям со стороны государства. Проблема заключается в том, что помощь религиозным организациям оказывается весьма избирательно. То есть одним религиозным организациям оказывается помощь, выделяется земля под строительство храмов и социальных служб, а другим помощь вообще не оказывается. Особенно эта проблема опять же характерна для регионов. Понятно, что не все религиозные организации совершают одинаковое духовное и социальное служение и имеют равное значение для государства. Однако хотя бы в пропорциональном отношении нужно оказывать помощь всем законно действующим на территории России религиозным объединениям, поскольку в них входят все те же наши сограждане, граждане России. Диспропорция в оказании помощи религиозным объединениям со стороны различных уровней власти может привести лишь к негативным последствиям для межконфессиональных отношений. Возбуждается ревность одних конфессий к другим, конфессии начинают делиться на своих и чужих, на привилегированных и изгоев. Это не служит межконфессиональному и государственно-конфессиональному миру и согласию.

Таким образом, необходимо создание эффективных механизмов реализации государственно-конфессиональной политики. Ну и, конечно, я хочу призвать представителей самих религиозных организаций к большей активности в сфере конфессиональных отношений. Как гласит русская пословица, под лежачий камень вода не течет. Мы надеемся, что наша площадка РАРС станет хорошим добрым инструментом для развития государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в нашей стране. Желаю успеха всем нам в дальнейшей работе не только сегодня, но и в будущих наших мероприятиях. Спасибо большое.

А.В. Глоцер[1]

Спасибо. В первую очередь позвольте поблагодарить за предоставленное слово и поприветствовать всех участников и гостей конференции от лица Федерации еврейских общин России, от лица главного раввина России Берла Лазара. Я хотел бы, поскольку тема заявлена — «25 лет по пути свободы совести», дать небольшую ретроспекцию в отношении жизни еврейской общины за этот период. Начну с того, что всем, конечно, давно известно: советская власть была, мягко скажем, не комплиментарна по отношению к религиозным организациям и особенно к еврейской религиозной жизни.

Учитывая политику государственного антисемитизма, которая проводилась в СССР в отношении евреев, как народа в целом, нам не приходится говорить о какой-то бурной еврейской религиозной жизни в годы советской власти. Могу сказать, что на момент развала Союза в 1991 г. у нас существовало всего 7 общин, было 5 действующих синагог и 2 раввина. Была единственная школа, в которой училось всего 150 еврейских детей на многомиллионное еврейское население в СССР. И, конечно, я хочу сказать, что тот уровень отношений, который существует сегодня, спустя 25 лет после развала СССР, между еврейской общиной и государственной властью — это ситуация беспрецедентная в истории взаимоотношений евреев с государством на территории как всей бывшей Российской империи, так и самой современной России — правопреемницы Советского Союза.

Мы находимся сегодня в совершенно иной реальности. Действительно, никогда наша община не была в столь хороших отношениях с государственной властью и с обществом в целом, как сегодня. Это не преувеличение, не комплимент, это действительно

[1] **Глоцер Андрей Владимирович — представитель Федерации еврейских общин России по связям с общественными организациями и госструктурами.**

так. Сегодня можно говорить, что, по разным подсчетам, от 800 тысяч до миллиона человек ассоциирует себя с еврейством либо так или иначе относятся к еврейству, сегодня действует, зарегистрировано, как здесь написано в статистике в раздаточном материале, около 260 еврейских религиозных организаций. У нас в этих общинах сегодня проходит огромное количество программ, ведется масштабное благотворительное и социальное служение. Оно действительно огромно; и мы можем считать, что созданная за 25 лет инфраструктура сделала возможным развитие уклада традиционной общинной жизни на территории России на принципиально новом уровне. Везде работают раввины, в городах, в первую очередь в крупных; есть многочисленные еврейские общинные центры, в которых ведется работа. Есть и специальные программы общины: например, у нас есть департамент по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами, ведется работа по противодействию наркомании и алкоголизму.

Здесь выступавшие уже говорили, что недостаточно муфтиев, раввинов, священников в армии. Действительно, эта проблема есть, но и она потихонечку решается, уверен, в конце концов мы придем к надлежащему уровню и в этой сфере… Но что можно с уверенностью сказать, так это то, что мы пришли к такому уровню социальной работы, которая у нас сегодня есть, за эти 25 лет совершенно неслучайно. Были предприняты громадные усилия, проделана огромная работа, за всем этим стоит работа тысяч религиозных активистов, во всяком случае, в нашей общине; и, конечно, я понимаю, что такая же ситуация наблюдается и в других общинах. И это все невозможно было бы без государственной поддержки на всех уровнях. И мы часто видим и наблюдаем, что проходят встречи с Президентом Владимиром Путиным, с Председателем Правительства Дмитрием Медведевым лидеров наших религиозных общин, проходят встречи с руководством и на региональном уровне.

И есть у нас и позитивные сдвиги в отношениях с другими религиозными общинами. Так, с Русской Православной Церковью мы проводили совместные благотворительные акции, когда были

чрезвычайные ситуации, и не раз: по сбору одежды, медикаментов, продуктов питания и т.д. Есть позитивное дружеское общение и с другими религиозными общинами.

В целом же хочу сказать, что сегодня действительно наблюдается приток людей в наших общинах, интерес к иудаизму со стороны молодежи, и это все говорит о качестве выполнения нашей миссии.

Я говорю здесь, на самом деле, в первую очередь о еврейской общине, но я абсолютно уверен, что такая же ситуация наблюдается и в других религиозных общинах — и у мусульман, и у православных, и у буддистов, и вообще у огромного количества действующих на территории нашей страны религиозных организаций. Действительно, мы пришли к тому, что дорога, по которой мы возвращаемся к своим корням, стала нашей дорогой уже не только в настоящем, но и дорогой в будущее.

В заключение своего выступления хочу пожелать гостям и участникам конференции доброго здоровья, плодотворной работы и дальнейших успехов в сфере социального служения на благо народов нашей страны. Спасибо.

К.В. Бендас[1]

Большое спасибо, уважаемые господа, коллеги, друзья. Огромная благодарность и за приглашение, и за возможность вместе с вами, профессионалами, обсуждать столь важную тему. Вы знаете, я сижу и размышляю об этой цифре — 25 лет. Это же четверть века, это серьезный срок.

Конечно, не все так безоблачно. Я вспоминаю другую дату, которая также является важной вехой в истории нашего Отечества, — это 17 апреля 1905 г., подписание императором Николаем II Высочайшего манифеста «Об укреплении начал веротерпимости». Вот точно так же, как Константин Леонидович Блаженов сказал сегодня, что наш закон «О свободе совести и религиозных объединениях» немного опоздал, тот Манифест также опоздал, что, на мой взгляд и на взгляд многих историков, исследователей, предопределил неизбежность революционной ситуации в России начала XX века. Вот как описывает в 1907 г. тот период известный политический и общественный деятель Сергей Мельгунов в своей книге «Церковь и государство в России. О свободе совести»: «Какие-то таинственные пружины заставляют низшие административные власти действовать в совсем ином направлении, чем им предписывается, тем правительственным актом, о котором доводится до сведения российского общества. Зардевшаяся было заря свободы еще не взошла, веротерпимость часто остается лишь на бумаге, а в жизни все обстоит по-старому». Итак, объехав регионы через полтора-два года после опубликования манифеста, он обнаруживает, что не все изменилось, и многие вещи остаются лишь на бумаге.

---

[1] **Бендас Константин Владимирович — епископ, первый заместитель Начальствующего епископа Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников), доктор религии и права, член экспертного Совета Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Российской Федерации.**

У нас все-таки ситуация на порядки лучше, все-таки 25 лет — это не два года. Но в чем же проблема? Я также очень много езжу по регионам. Те ситуации, которые происходят в регионах, то возникающее временами напряжение, конфликты я определил бы одной простой фразой: «не читают». Вот мы с вами собрались сейчас, кстати, в библиотеке Президент-отеля. Вокруг застекленные стеллажи, красивые золоченые корешки, обложки книг. Но я подергал перед началом нашего заседания за ручку — под замком. Библиотека, книги есть — прочитать нельзя. Так и закон «О свободе совести и религиозных объединениях» немногими открывается и читается дальше преамбулы, а чтобы понимать и правильно применять его нормы, совсем мало у кого руки доходят.

А иногда бывает непонятно, что читают. Несколько лет назад я проводил молодежный лагерь для подростков. Был там один парнишка очень находчивый, но вопиюще необразованный и невоспитанный. Я его спрашиваю: «В каком ты классе?» — «Ну, в 9, в 10 перешел». — «А ты «Войну и мир» читал Льва Николаевича Толстого?» Он говорит: «Я кино смотрел». Я крайне удивился, потому что фильм, по-моему, в 1967 г. был снят Сергеем Бондарчуком-старшим, это киноэпопея в 4 частях, черно-белая, ее также непросто для современного подростка посмотреть, как прочитать книгу. Говорю: «Точно смотрел?» — «Да». — «Полностью, от начала до конца?» — «Да». Я говорю: «Ну и о чем там?» — «Ну как, инопланетяне прилетели на Землю, и всех захватили…». То есть он перепутал «Войну миров» Герберта Уэллса с «Войной и миром» Льва Толстого. И иногда, когда приезжаешь в регион, кажется, что у некоторых людей, в том числе и облеченных властью, такая же путаница в голове. Они путают пособие по сектоведению и статьи-страшилки из «желтой» прессы с федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях».

Свежий случай в Мордовии. Полгода пытаются два родных брата, дети пастора церкви христиан-адвентистов седьмого дня, отстоять свое право на гражданскую альтернативную службу. Уже том энциклопедического формата можно издать — их переписку с военным комиссариатом и судами. Комиссар стоит на своем: «Они

отказываются от исполнения гражданского долга, в замене военной службы на альтернативную гражданскую отказать». Вы знаете, у меня два сына: один в этом году готовится пойти в армию, второй — через несколько лет. Так они не готовы к такому подвигу, как два с половиной года альтернативной службы. Я предлагаю тем, кто выбрал два с половиной года носить за больными утку, вместе с ними есть морковные котлетки на пару, сразу за это медаль давать. А к религиозным убеждениям, в том числе пацифистским, товарищу военкому следует отнестись с уважением, так как их гарантирует и защищает российское законодательство. Еще один также свежий пример.

Несколько месяцев назад мы направили запрос в государственный архив Кемеровской области с просьбой предоставить открытые материалы НКВД, ГПУ 1930-х гг. по поводу заключения и расстрела нескольких наших служителей Евангельской пятидесятнической церкви. И глава, руководитель Государственного архива по Кемеровской области, пишет нам ответ: обратитесь в Кемеровскую митрополию Русской Православной Церкви. Отец Александр (Пелин), у меня к Вам вопрос (хотя я заранее знаю ответ): Вам, Русской Православной Церкви что, уже передали на ответственное хранение все архивные документы НКВД, ГПУ СССР? Возложили полномочия одного из государственных ведомств? Ответ очевиден, нет. А почему государственный служащий делает такую странную переадресацию?

Еще один эпизод. В марте этого года прокурор одного из районов Тюмени «в связи с проводимой проверкой по заданию прокуратуры Тюменской области» направил письменный запрос директорам всех общеобразовательных учреждений района. В документе, в частности, содержится следующий вопрос: «Имели ли место факты вовлечения учеников учреждения в деятельность нетрадиционных религиозных организаций?». А в скобках перечислены наименования нескольких местных религиозных организаций, в том числе официально зарегистрированной церкви, входящей в состав Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников), пастырское служение в которой несет

уважаемый епископ доктор богословия, кандидат философских наук, член Общественной палаты Тюменской области. На основании какого законодательного акта товарищ прокурор поделил религиозные организации на традиционные и нетрадиционные?

К счастью, подобные прецеденты в последние годы — это скорее исключение. Но расслабляться нельзя. Вирус невежества губителен для общества, государства и государственности. А труд просвещения тяжел и на первый взгляд неблагодарен. Но защита права человека на свободу совести и вероисповедания обязательно принесет добрые плоды впоследствии. Возможно, это прозвучит пафосно, но я уверен, что будущее нашего Отечества в наших руках. Благодарю за внимание.

А.Е. Себенцов[1]

Регулирование вопросов, связанных со свободой совести, свободой вероисповедания и правовым положением религиозных объединений, всегда было связано с политикой и в России в большей степени определялось политическими подходами и административными методами, чем законодательными актами. Последние 120 лет принесли громадные потрясения в общественно-политическую жизнь России, сопровождавшиеся изменениями в духовной сфере, трагедией уничтожения сотен тысяч людей и страданиями миллионов в связи с их религиозной верой. И сегодня, совершив круг и в новом качестве, вопросы свободы совести и свободы вероисповедания остаются важными и порой болезненными и для России, и для ее граждан.

Отметим некоторые черты нашей истории, влияющие на состояние правовой системы. Ведь правовая система, охватывающая содержание нормативных актов, правосознание граждан и юридическую практику, определяет действенность норм, содержащихся в законах и даже Конституции. Политическая воля властей и пропаганда средств массовой информации могут глубоко изменить понимание закона, сделать его положения нелегитимными в глазах общественного мнения и, наоборот, придать видимость легитимности тому, что по сути являет собой беззаконие.

Россия складывалась как империя, в которую столетиями вливались народы вместе со своими национальными элитами, культурами и религиями. Правительство империи, государствообразующим народом которой был русский, православный, заботилось о главенстве православия и о сохранении статус-кво национальных религий, как важных элементов управления иноверческими общностями. Выход из православия и переходы из одной религии в другую расценивались как преступления и подлежали уголовному

[1] **Себенцов Андрей Евгеньевич — действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, кандидат философских наук.**

наказанию. Вместе с тем любой иноверец или иностранец, перешедший в православие, становился несомненным русским.

В советский период трудно доставалось всем религиям. Но особую подозрительность государство испытывало к тем религиозным объединениям, которые имели управленческие центры за рубежом. Соответственно, их образ с помощью соцреализма чернился самым жестоким образом, что оставило прочный след в массовом менталитете.

Отсюда первая особенность массового сознания — восприятие россиянами как естественной нормы однозначного соответствия между этнической и религиозной принадлежностью и как ненормальности — нарушения такой однозначности. Поэтому часто упоминаемый многовековый опыт нашей страны по межрелигиозной дружбе (а на самом деле опыт сосуществования разных народов в едином государстве) дополняется недоверием и неприязнью к разного рода инаковерующим, «сектантам». А атеисты верующими воспринимаются как заблудшие, которые если не сами, то в детях должны вернуться в свою религию.

Отсюда же вторая особенность — высокий авторитет Русской Православной Церкви, ее самоощущение как главенствующей, и высокая степень примыкания к светской власти, с некоторым давлением на власть в направлении от светскости к православной конфессиональности. Видение своей исторической миссии в качестве культурно- и государствообразующей религии приводит РПЦ к отрицанию равенства с новыми религиозными движениями, которые воспринимаются как «духовные агрессоры». Необходимость получения поддержки своих начинаний приводит к установлению РПЦ союзнических отношений с другими «религиозными традициями». В целом эта позиция Церкви воспринимается как легитимная, влияет на светские власти (в том числе на линию Министерства юстиции РФ), хотя с конституционными нормами не сходится. Как говорится, тем хуже для Конституции, и порой уже звучат предложения о ее корректировке.

Пример православных собратьев вдохновляет и служителей ислама. Еще в 2011 г., выступая на первом заседании Совета

Республиканского гражданского диалога «Путь к миру и согласию» в Махачкале, имам Центральной Джума-мечети Махачкалы и глава Совета имамов Махачкалы Магомедрасул Саадуев заявил: «Необходимо в первую очередь на уровне государственной политики поддерживать повышение уровня религиозного сознания среди молодежи. В конце концов, не имеет ли наша республика в рамках современной демократии права на свою религиозную идентичность? …В нашей республике около 100% мусульман... Скажите людям, что наша республика, хвала Всевышнему Аллаху, мусульманская республика!». Со временем эта идея становится фактором повседневности, что подтверждено в ходе недавней дискуссии о многоженстве в связи с женитьбой одного крупного руководителя на несовершеннолетней.

Не давая оценку этим событиям, только отмечу, что рядом с «северно-православной» правовой системой (нормативными актами, правосознанием, юридической практикой) появляется «южно-мусульманская», в которых две составляющих уже заметно отличаются, что не только затрудняет и без того непростое законодательное регулирование, но и может способствовать расколу России по религиозному признаку.

В общем, как говорил в октябре 1990 г. митрополит Ювеналий в интервью, посвященном принятию закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», «закон-то хороший, а вот какая линия будет?»

Обращаясь к истории принятия закона о свободе совести и о религиозных объединениях, отметим, что необходимость изменений в государственно-церковных отношениях назрела в начале XX в. и отразилась в манифестах 1903 г. и 1905 г. и указе о веротерпимости, в декрете Временного правительства 1917 г. Состоявшийся в 1917–1918 гг. Поместный Собор Православной Церкви выразил видение будущего Православной Церковью, но оно оказалось неприемлемым для новой, советской власти, выступавшей с лозунгом «светского государства». Эта власть 23 января 1918 г. приняла «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» и отказалась от диалога с Церковью. Попытки митрополита Сергия

в 1926 г. вести диалог с государством завершились его посланием к пастве о признании советской власти (декларацией). Однако органы церковного управления, как и вообще религиозные общества, оставались для ОГПУ и НКВД политическими организациями, нежелательными в социалистическом обществе, и в январе 1929 г. Политбюро приняло секретное постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», санкционировав силовое давление на религиозные организации. А 8 апреля принято постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», которым духовенство и верующие были отнесены к врагам системы. В 1929–1936 гг. осуждено 50 тысяч человек, расстреляно 5 тысяч.

Некоторые попытки обсудить и узаконить положение верующих в стране возникли в связи с всенародным обсуждением проекта Сталинской Конституции 1936 года (ст. 124: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»). Комиссия П.А. Красикова разработала законопроекты, которые, несмотря на дискриминационное содержание, поддержки не получили. Зато от граждан, одурманенных антирелигиозной пропагандой, были даже предложения отменить все акты о религиозных объединениях, выведя их за пределы правового поля вообще. А пожелания верующих остались без рассмотрения.

Но ответ на них состоялся — в 1937–1938 гг. 200 тысяч репрессированных, 100 тысяч расстрелянных. Такой «диалог» обходился без полноценного законодательного акта и со стороны государства велся административными органами.

Поворот произошел в 1943 г., когда власть отказалась от планов уничтожения церкви, нуждаясь в политическом и духовном союзнике в тяжелейшей ситуации Отечественной войны.

В послевоенные годы РПЦ использовалась во внешнеполитических акциях СССР. Но сотрудничество на основе взаимности шло до 1954 г., когда было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде

и мерах ее улучшения». Потом в 1958 г. вышли постановления «О монастырях», «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» (в результате из 63 осталось 16). В 1961 г. была проведена реформа государственно-церковной политики, направленная на разрушение церковного организма, снижение влияния церкви. Были отменены все благоприятные для верующих и Церкви законодательные акты, принятые с 1943 г. Н.С. Хрущев обещал показать последнего попа — да, он старался!

Однако в последующие годы, несмотря на периодические обострения, государство несколько снизило давление на религиозные организации, начинались процессы демократизации и перестройки.

Первый законопроект, отражающий перемены, под названием «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о религиозных культах» появился в 1981 г. Второй вариант появился под руководством К.М. Харчева в 1986 г. Проект вызвал резкую критику с противоположных позиций — за отход от ленинских позиций, неправомерное предоставление религиозным организациям юридического лица, с одной стороны, и за несоответствие потребностям демократизации, совершенствования политической системы — с другой. Подобные полярные противоречия в оценке законопроектов в сфере свободы совести сохраняются и теперь. К таким идеологическим противоречиям добавлялись разные подходы к решению религиозных вопросов в союзных республиках. В 1986 г. был создан СПДР РСФСР, который в значительной степени противостоял реформаторскому курсу СПДР СССР. В ходе обострения борьбы между позициями республик, которые сами и по-своему хотели регулировать отношения с религиозными организациями, и центра, искавшего равновесие, и родился тот проект, который был в итоге внесен в Верховный Совет СССР в 1990 г.

Разработка проектов законов СССР о религиозных организациях (ответственный — депутат А.Е. Себенцов) и об общественных организациях (ответственность взял на себя председатель Комитета Ю.Х. Калмыков) была включена в план работы Комитета

Верховного Совета СССР по законодательству на 1990 г. В связи с этим была создана рабочая группа Комитета, проводившая изучение и проработку имевшихся проектов — еще не внесенного в Верховный Совет, но достаточно известного проекта Совета по делам религий СССР, авторских проектов, среди которых был проект научного сотрудника Института государства и права АН СССР д.ю.н. Ю.А. Розенбаума и ряда других предложений. Но Комитет не выступал с собственной инициативой, ожидая официального внесения законопроекта Советом Министров СССР, хотя уже фактически принял его в работу, как наиболее профессиональный. Проект Ю.А. Розенбаума был подвергнут детальному изучению с участием автора и забракован.

Наконец, 30 апреля внесение состоялось, и 18 мая 1990 г. для доработки проекта и подготовки союзного закона была образована комиссия Верховного Совета СССР из 18 человек под руководством председателя подкомитета Комитета ВС СССР по законодательству А.Е. Себенцова, в состав которой входили еще 9 народных депутатов, в том числе:

Аверинцев Сергей Сергеевич — народный депутат СССР, член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий отделом Института мировой литературы Академии наук СССР;

Мухаммад-Юсуф Мухаммад-Содик — Председатель президиума Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана;

Палджян Вазген Абрамович — Верховный патриарх, католикос всех армян Вазген Первый;

Ридигер Алексей Михайлович — член Священного синода Русской Православной Церкви, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий;

а также Христораднов Юрий Николаевич — председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР, представители Генеральной прокуратуры, МИД, Минюста, науки.

Благодаря имевшейся проработке, уже 30 мая законопроект был принят в первом чтении и 6 июня опубликован в печати для обсуждения, результаты которого должны были быть обобщены до 15 сентября, после чего Комитету Верховного Совета СССР по

законодательству с участием других комитетов Верховного Совета СССР и постоянных комиссий палат надлежало доработать проект Закона с учетом предложений и замечаний, высказанных народными депутатами СССР и поступивших в ходе обсуждения, и представить доработанный проект Закона на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Законопроект вызвал глубокий общественный интерес. Оценки, замечания и предложения поступали от самых разных граждан — священно- и церковнослужителей, преподавателей духовных образовательных учреждений, религиозных центров, ученых, рядовых верующих, от республиканских советов по делам религий и глав религиозных организаций, публиковались в печати. Состоявшийся в июне 1990 г. Поместный Собор РПЦ также высказал свое отношение к проекту.

Комиссия работала параллельно с обсуждением, рассматривая предложения по мере поступления. Порой митрополита Алексия (в скором времени — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси) на ее заседаниях подменял другой народный депутат СССР, митрополит Кирилл, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Так что союзный закон был подготовлен с максимальным учетом пожеланий и интересов всех заинтересованных сторон.

Дальнейшая подготовка законопроекта и сопровождавшего его постановления Верховного Совета СССР к рассмотрению (по действовавшим правилам, вопросы вступления закона в силу и организации его внедрения, переходные положения не включались в текст закона, а оформлялись отдельно) были проведены в кратчайший срок — и закон был принят по результатам детального доклада и пристального постатейного рассмотрения на заседании Верховного Совета СССР (постановление Верховного Совета СССР от 1 октября 1990 г. № 1690-I).

Но судьба закона оказалась не очень счастливой, что связано с активностью республик, начавших принимать собственные законы в сфере государственно-церковных отношений и вести собственную политику. Так, в июне 1990 г. ВС Литовской ССР

принял как закон «Акт реституции положения Католической церкви в Литве». Обострилась религиозная обстановка на Кавказе и в Средней Азии. Церкви стали принимать значительное участие в политических процессах. У союзного центра оставалось все меньше возможностей влиять на обстановку в республиках — и в результате союзный закон стал для ряда республик всего лишь моделью, каркасом, на который республиканские законодатели монтировали свои нормы.

Особая обстановка сложилась в отношениях союзного Верховного Совета и ВС РСФСР.

В июне 1990 г. провозглашена Декларация о государственном суверенитете России, стартовала разработка ее Конституции.

До сентября ВС РСФСР не занимался подготовкой своего законопроекта и спокойно относился к работе, ведущейся в ВС СССР. А председатель профильного Комитета ВС РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности В.С. Полосин приглашался и несколько раз участвовал во встречах рабочей группы Комитета ВС СССР. Но в сентябре политическим руководством РСФСР было принято решение о срочной разработке своего законопроекта, который должен был отличаться от союзного. И за неимением времени для новой разработки В.С. Полосин призвал Ю.А. Розенбаума с его авторским законопроектом, заведомым «достоинством» которого было его отвержение рабочей группой ВС СССР. Обогнать стартовавшую ранее союзную команду было невозможно, на привлечение общественности к проработке текста времени не оставалось, и в результате труд Ю.А. Розенбаума не пропал даром, его проект с минимальными изменениями был принят как Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-I «О свободе вероисповеданий».

Примерно через полтора года, когда выявились неожиданные результаты этого закона, перед Комитетом ВС встал вопрос его доработке. Необходимость ее мотивировалась тем, что закон РСФСР был написан для республики в составе СССР, имел в виду действие под его более высокой юридической силой, а в новых условиях государственного суверенитета России нужен закон,

соответствующий новому статусу государства. В Комитете ВС РФ под руководством В.С. Полосина была развернута подготовка такого проекта, первоначально заимствовавшего положения союзного закона, но далее становящегося все более жестким и дискриминационным. Этот путь пришел в тупик в 1993 г., когда на принятый ВС РФ закон о внесении изменений в закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» было наложено вето Президента Российской Федерации, а Верховный Совет, уже лишенный Указом Президента законодательной силы, находясь в осаде, проголосовал за преодоление «вето» Президента.

Но жизнь не остановилась, а крупнейшие российские религиозные организации все больше высказывали недовольство сохраняющим действие законом о свободе вероисповеданий.

Кратко основные недостатки закона.

Неясность базовых понятий: вероисповедание — это принадлежность человека к некоторой религии или религиозная организация со своим вероучением; закон говорит о свободе вероисповеданий, а конституция — о свободе совести.

Субъектом закона были «религиозные объединения» от 10 человек до миллионов участников, между которыми закон не делал правовых различий.

Отсутствовали нормы, касающиеся порядка и условий формирования местных религиозных обществ, любая группа из 10 участников могла попасть под определение «религиозное объединение» вне зависимости от действительной сферы ее деятельности (ст. 17, 18).

Часть 1 ст. 8 запрещала создание государственных органов и должностей, специально предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания. Запрет регулятивных функций и прав государства в этой сфере общественных отношений предопределял хаос и произвол, невозможность реализации демократических правовых норм.

Предоставленные законом свободы способствовали появлению на российской почве множества новых религиозных движений как отечественного, так и зарубежного происхождения,

деятельность которых не укладывалась в представления о норме поведения, а сам факт распространения в национальных средах вызывал неприятие (с учетом особенностей менталитета, о которых говорилось выше).

Появление на почитаемой своей собственностью «канонической территории» нежелательных, часто неплохо финансируемых из-за рубежа конкурентов в борьбе за души возмутило руководителей традиционных российских конфессий.

Несмотря на недостатки закона, предоставленная гражданам свобода привела к взрывному росту числа религиозных организаций. Возникающие в их деятельности вопросы также вызывали недовольство действующим законом РСФСР.

В этих условиях под эгидой Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации в 1994 г. была создана рабочая группа из представителей 9 религиозных организаций, министерств и ведомств, ученых, юристов, приступившая с участием представителей Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций к разработке новой редакции закона. Изобилие противоречий интересов отражалось в формулировках законопроекта. В июле 1995 г. законопроект был внесен в Государственную Думу Правительством, одновременно были внесены еще 3 альтернативных законопроекта. Согласование разногласий было поручено созданной в Думе комиссии, но ее работа почти не могла продвигаться из-за глубины противоречий. После года работы законопроект прошел первое чтение в июне 1996 г., ко второму чтению поступило более 400 поправок. Борьба над ними продолжалась до июня 1997 г., когда прошло второе чтение.

Трудности продвижения законопроекта были связаны с развернувшейся в обществе кампанией против иностранных миссионеров и «деструктивных сект», попытки различных государственных и общественных организаций ограничить через суды деятельность «нетрадиционных» религиозных объединений. Существенные разногласия возникали и между традиционными религиозными объединениями. В этих условиях Комитет Государственной

Думы снизил уровень демократического обсуждения законопроекта, чтобы сделать его продвижение возможным, и на заседание Государственной Думы были приглашены представители только перечисленных в преамбуле «традиционных» религий. В результате возмущения остальных религиозных организаций и правозащитников ситуация скандализировалась донельзя. Только от россиян в адрес Президента РФ поступило 13,5 тысячи писем и телеграмм, из которых 10% закон поддерживали, а 90% резко критиковали и просили его не подписывать.

Принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации закон вызвал весьма шумную реакцию, обращения к Президенту Российской Федерации от российских правозащитников, сената США, Папы Римского, что привело к вето Президента от 24 июля 1997 г. Сложная ситуация была преодолена корректировками текста, к чему приложили руки заместитель Руководителя Администрации Президента РФ М.В. Комиссар, начальник управления Администрацию Президента А.В. Логинов, председатель ОВЦС митрополит Кирилл, председатель Комитета Государственной Думы РФ В.И. Зоркальцев и полпред Правительства в Государственной Думе, заместитель председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве А.Е. Себенцов. Рабочая группа из членов Совета при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями внесла в 14 статей законопроекта 37 изменений, сохранив основные положения, и он был опубликован в Российской газете 16 сентября как редакция Президента, а 19 сентября законопроект еще раз прошел рассмотрение в Думе, 24-го — одобрен Советом Федерации, 26 сентября подписан Президентом и вступил в силу с 1 сентября 1997 г.

В начале 1998 г. был разработан и 29 марта опубликован комментарий к закону, подготовленный участником всех его обсуждений А.Е. Себенцовым, который содействовал «мягкому» вхождению его в юридическую практику. Почти все существовавшие религиозные организации без проблем прошли перерегистрацию (хотя и пришлось продлить отведенное для этого время),

не возникало проблем с регистрацией и вновь создаваемых организаций. Однако органы юстиции, на которые была возложена функция проведения перерегистрации, совершили ряд отказов, выставивших Российскую Федерацию в весьма глупом свете в Европейском суде по правам человека, до которого дошли судебные споры по поводу неправомерных действий государства.

Важным достоинством закона, которое сохранилось от предыдущих вариантов, было и остается право религиозных объединений действовать без регистрации. Это право является залогом свободы вероисповедания и отделения религиозных объединений от государства, что бы ни говорили об этом критики закона, и все покушения на него до настоящего времени удавалось отбить. Необходимо отметить, что благодаря этой возможности никакие государственные органы не знают действительного количества религиозных объединений; косвенные данные позволяют оценить его как в 1,5–2 раза превышающее число зарегистрированных религиозных организаций, которых на 1 января 2015 г. насчитывается 27640.

В новой редакции Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» обеспечивает (несмотря на продолжающуюся критику) правовые условия для деятельности религиозных объединений, но подвергается изменениям на двух направлениях: в связи с развитием правового регулирования в смежных сферах (например, в связи с изменением порядка регистрации юридических лиц) и в связи возникающими проблемами в вопросах, непосредственно связанных с религией (например, в связи с введением правил деятельности религиозных организаций в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, связанные с лишением свободы).

Дальнейшее развитие законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях шло за счет актов по вопросам, затрагивающим те или иные стороны деятельности религиозных организаций, что тоже сопровождалось иногда нелегкой борьбой. Прежде всего, это касается Налогового и Земельного кодексов, а в недавнее время Уголовно-исполнительного кодекса. Обширные

изменения законодательства об образовании коснулись и профессионального религиозно-духовного образования, и преподавания в светской школе основ религиозных культур. Бывали и ошибки, к которым можно отнести внесение по результатам многолетней работы группы цивилистов (Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»), изменений в ГК РФ, относящих религиозные организации к унитарным юридическим лицам. Эта ошибка была устранена Федеральным законом от 6 апреля 2015 г. № 80-ФЗ стараниями профильного комитета Государственной Думы под руководством Я.Е. Нилова. К важнейшим законам такого рода отнесу закон об образовании в РФ, о памятниках культуры, акты о передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям из государственной и муниципальной собственности. Серьезную общественную дискуссию вызвали изменения Уголовного кодекса по введению ответственности за преднамеренное оскорбление религиозных чувств. Далеко не однозначно в части религиозной литературы и деятельности религиозных организаций работает законодательство о противодействии экстремизму. Поскольку религиозные организации относятся к классу некоммерческих, их затрагивают и изменения, вносившиеся в закон «О некоммерческих организациях». Пока не ясно, как может отразиться на религиозных организациях только что подписанный Президентом РФ Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», в соответствии с которым деятельность иностранной или международной неправительственной организации при определенных условиях может быть признана нежелательной в России.

Непосредственно в сам закон о свободе совести вводилось сравнительно немного изменений — за 17 лет 17 изменений. Один законопроект, № 480736-6, находящийся на рассмотрении, касается совершенствования правового регулирования порядка создания и государственной регистрации религиозных организаций,

в том числе исключает 15-летний кандидатский стаж, необходимый некоторым религиозным группам для преобразования в организации.

Наиболее значимыми являются те, которые отражают опасения государства относительно влияния иностранных недоброжелателей и развития экстремизма в деятельности религиозных организаций. Они касаются ограничения прав учредительства религиозных организаций, введения рекомендательных норм о наличии религиозного образования для священнослужителей, контроля за финансами некоммерческих организаций вообще и религиозных в частности. Бесспорно, тема эта острая, но законодательные находки в борьбе с экстремизмом пока трудно признать удачными, а помехи в законной деятельности религиозных организаций создаются реальные.

К сожалению, нормотворческая деятельность Министерства юстиции РФ за немногими исключениями направлена на усложнение условий деятельности религиозных организаций. Можно считать удачей, что не все его инициативы, в том числе сомнительные с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации, находят поддержку при их предварительном обсуждении и пересматриваются по результатам критики опубликованного на сайте министерства проекта или на следующих стадиях рассмотрения, в том числе в Государственной Думе. Так, видимо, сходят на нет попытки запретить миссионерскую деятельность. Крупнейшим недостатком проектов, создаваемых министерством, представляется юридическая неопределенность составов правонарушений, да и нечеткость формулировок, которые на практике могут трактоваться совершенно по-разному. Примером может служить изменение статьи 16 во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П, внесенное Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 316-ФЗ. Вместо четких формулировок, решающих поставленный Судом вопрос, сам вопрос, оставленный без ответа, внесен в качестве регулирующей нормы.

Также сомнительными представляются основная идея и формулировки, содержащиеся в законопроекте № 781271-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и иные законодательные акты Российской Федерации». Подмена обычных уголовно-процессуальных действий, проводимых Следственным комитетом или ФСБ, в случае обнаружения признаков экстремизма на проводимую Минюстом проверку экономической деятельности религиозных организаций вызывает удивление. Неопределенность формулировок может привести к неправомерному и произвольному их применению. В сумме — возможность создания помех религиозным объединениям вне решения задачи противодействия экстремизму.

Отмеченные особенности еще раз подчеркивают, что тема государственно-церковных отношений продолжает быть актуальной и что действующий федеральный закон дает необходимую основу для разрешения конфликтных ситуаций в соответствии с конституционными требованиями.

Протоиерей А.А. Пелин[1]

Спасибо большое. Уважаемый Президиум. Уважаемые собравшиеся члены РАРС! 25 лет — большой это срок или маленький, но мне кажется, действительно, мы выросли, и не только выросли, но и повзрослели. В самом конце 1980-х — начале 1990-х годов мы воспринимали весь мир с открытыми глазами, мы хотели, чтобы к нам все ехали в гости: пожалуйста, приходите к нам, научите различным традициям, различным новым религиозным идеям. Мне кажется, сейчас этот период благополучно закончился. Наступил период осмысленного, трезвого, конструктивного, центристского отношения к тому, какие идеи к нам в Россию извне приносят и какими идеями, мыслями, словами, содержанием нас хотят наполнить.

Мы никогда не можем договориться о терминах. Например, родившееся в недрах англосаксонской мысли понятие свободы совести — совершенно нерусское нам понятие, оно не лежит нам на сердце. Например, для меня непонятно: действительно, свобода от кого, чего и зачем? Что это за свобода такая — совести? Значит ли это, что у нас совести никогда не было и 25 лет только мы про совесть начали вспоминать и говорить? Это же неправда. Есть что-то другое. Может, лучше говорить все-таки о религиозной свободе, потому как антирелигиозная свобода была — атеистическая пропаганда существовала в годы советской власти, и она совершенно была приемлема, она доминировала над всяческой религиозной мыслью, и это очевидно. Поэтому говорить, мне кажется, **лучше о 25 годах свободы исповедания религии, но не о свободе совести,** потому что совесть вообще из другого понимания, это другой язык. Это не юридическое вообще определение. Мы никак не

[1] **Пелин Александр Александрович — протоиерей, член Общественной Палаты Российской Федерации, руководитель рабочей группы Общественной палаты Российской Федерации по медиации межнациональных и межрелигиозных отношений.**

можем совесть вообще пришпилить или загнать в какие-то юридические и экономические рамки. Ее не пощупаешь. Это первый мой тезис.

Второй тезис связан с тем, что здесь профессор Мчедлова и также Степан Медведко говорили о необходимости нахождения общего. Действительно, самая проблемная зона — это проблема соотношения между общественным и личностным, индивидуальным при определении религиозной и этнической идентичности человека. Это достаточно большая и сложная проблема, потому что именно сейчас ведется дискуссия, что те или иные группы, как правило малые группы религиозные, пытаются определить себя так же, как и этнические группы, через свою особость, исключительность, они впадают вот в этот знаменитый момент уподобленного противостояния, о чем говорил Дональд Горовиц. Это момент, который связан с тем, что любая групповая идентификация заставляет человека считать себя более исключительным, чем человека другой группы или другой религиозной традиции, или, предположим, этнической культуры. То есть **идентичности и их поиск не только объединяют, но и разделяют** и не дают человеку быть подлинно свободным. Как же нам найти тот конструктив, то единство, то общественное согласие, которое нам так необходимо? Подчас вопросов больше, чем возможных на них ответов.

Пока я вижу, что в научном и общественном сообществах развернулась довольно жесткая дискуссия по поводу идентичности и есть попытка определить некую «первичную идентичность». Честно скажу, я считаю, что это большая ошибка и **нет первичной и нет преимущественной идентичности.**

Понимаете, вот отдельные коллеги мои, в том числе религиозные деятели, говорят, что религиозная идентичность должна преобладать над всем остальным, другие говорят, что нет, этническая идентичность первична, потому человек рождается по природе представителем того или иного этноса. Если мы продолжим так деструктивно разговаривать, то никогда не договоримся. Потому как и первое, и второе, и третье также равно важно, и одна

идентичность, будь то этническая, профессиональная или религиозная, не может заменить другую.

Завершая, хотел напомнить, что Закон о свободе совести и религиозных организациях, которому сегодня отмечается 25 лет, был, безусловно, необходим. Конечно, вместе с открытым окном, с чистым воздухом к нам в Россию «залетело» и много разных насекомых в виде множества новых религиозных движений. Но я думаю, что в ходе стабильного и позитивного взаимодействия традиционных религиозных организаций России, общественных объединений и государства мы сможем определить, какие из этих пришедших к нам извне организаций являются религиозными, а какие на самом деле является псевдорелигиозными или оккультными, опасными для психического и духовного здоровья россиян. Перестав искать на стороне, мы в конечном итоге сможем вернуть россиян к самим себе и обратить их внимание на нашу религиозную традицию, которой насчитывается уже много столетий. И, конечно же, Закон о свободе совести, принятый 25 лет назад, позволил помочь многим вернуться к своим историческим и духовным корням, и в этом залог, я верю, будущего величия России. Спасибо.

М.О. Шахов[1]

К вопросу о статье 14 Конституции Российской Федерации

Как записано в статье 14 Конституции, «Российская Федерация — светское государство». Что же следует понимать под этими словами? Можно ли и нужно ли видеть в них тот принцип, который если не навечно, то, по крайней мере, в обозримом будущем сохранится в качестве фундамента государственно-конфессиональных отношений?

Прежде всего, напомним, что положение о светскости государства впервые в истории нашей страны появилось в Конституции, принятой в 1993 г. Ни одна из конституций советского государства не называла его (извините за невольную игру слов) «светским». Если же мы обратимся к мировому опыту, то придется констатировать, что положение о «светском государстве» содержится в конституциях очень и очень немногих государств. В Европе таких, кроме России, всего два — это Турция (с 1927 г.) и Франция (с 1946 г.). Но из них только Конституция РФ содержит также принцип отделения религиозных объединений от государства (далее — «принцип отделения»).

Конечно, государств «светского типа», называемых так в противоположность странам с государственной Церковью или религией, в мире значительно больше. В Европе их несомненное большинство. Многие государства, не имеющие в своих конституциях принципа светскости, включили в них принцип отделения. Но совместив в Конституции комбинацию принципов светскости и отделения, наша страна оказалась на

[1] **Шахов Михаил Олегович — доктор философских наук, профессор.**

земном шаре в немногочисленной компании из Азербайджана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, имеющих аналогичное сочетание конституционных принципов.

Что же следует понимать под этим необычным в мировой практике конституционным положением о светскости российского государства? Сама Конституция прямого изъяснения в форме «светское государство — это…» не содержит. В профильном Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» статья 4, озаглавленная «Государство и религиозные объединения», в первом пункте просто дословно воспроизводит статью 14 Конституции. Все дальнейшее содержание статьи 4 Закона отведено детализации принципа отделения религиозных объединений от государства. В ней нет ни слова более о содержании принципа светскости.

Таким образом, официального, имеющего обязательную юридическую силу толкования конституционного принципа светскости в России не имеется. Наличествуют только частные мнения ученых, комментаторов Конституции, государственных и общественных деятелей. Среди них выделяется фундаментальный цикл конституционно-правовых исследований И.В. Понкина. Этот автор делает особый акцент на том, что светское государство должно быть нейтральным не только в отношении религиозных убеждений, но и в отношении материалистических, атеистических и т.п. идеологий, а также на том, что принцип светскости не препятствует сотрудничеству государства и РПЦ в социальной сфере. Основная часть толкователей предпочитает идти следом за содержанием 14-й статьи Конституции, представляя ее в виде формулы: «светское государство = отсутствие государственной или обязательной религии + отделение религиозных объединений от государства + их равенство перед законом». Но так ли верна эта арифметика, в частности, представление об отделении как о непременной части светскости государства?

Довольно устоявшееся среди юристов представление о том, что светскость государства непременно связана с отделением от него Церкви (религиозных объединений), было сильно подорвано

недавним решением Конституционного Совета Франции от 21 февраля 2013 г. (мой подробный анализ этого решения был опубликован в № 2 журнала «Религия и право» за 2014 г.)[2].

Франция имеет репутацию «образцового» светского государства, а некоторые французские авторы вообще считают светскость уникальной, чисто французской моделью отношений между государством и религиозными объединениями. Но в то же время принцип отделения религиозных объединений от государства никогда не включался в Конституцию Франции. (В предвыборной программе Ф. Олланда в 2012 г. наряду с признанием однополых браков была и конституонализация принципа отделения.) Франция, в отличие от Российской Федерации, унитарное государство со значительно меньшим уровнем автономии департаментов. Тем не менее в трех департаментах Франции на границе с Германией, которые обычно именуются Эльзас-Мозель, Конституция с принципом светскости действует, а отделения Церквей от государства нет. После франко-прусской войны в 1871 г. эти территории были отторгнуты от Франции и присоединены к Германии. Таким образом, принятый во Франции в 1905 г. закон «Об отделении Церквей от государства» здесь не был реализован. Католическая церковь, Евангелическо-лютеранская церковь, Реформатская церковь и иудаизм сохранили статус «признанных культов», деятельность которых и денежное содержание священнослужителей финансируется государством. После Первой мировой войны Эльзас-Мозель был возвращен в состав Франции. Однако ввиду того, что большинство населения не желало изменения правового режима государственно-конфессиональных отношений, закон 1905 г. не был введен в действие в Эльзас-Мозеле. После появления принципа светскости республики в Конституции Франции 1946 г. неоднократно поднимался вопрос о том, совместим ли со светскостью режим «признанных культов» и локальное неприменение закона 1905 г.

В своем решении от 21 февраля 2013 г. Конституционный Совет указал, что при принятии Конституций 1946 и 1958 гг.

[2] URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=393&ELEMENT_ID=5702

конституционный законодатель, вводя принцип светскости, не считал несовместимым с этим принципом и подлежащим изменению режим государственно-конфессиональных отношений в Эльзас-Мозеле. Конституционный Совет признал совместимым с конституционным принципом светскости закон, в соответствии с которым в Эльзас-Мозеле священнослужителям выплачивается государственное денежное содержание. (Попутно заметим, что и в светской Турции считается нормой выплата государством денежного содержания мусульманским священнослужителям.)

Таким образом, французская интерпретация принципа светскости существенно отличается от российской. Официальное толкование, исходящее от французского Государственного Совета, выделяет в качестве компонентов светскости государства его нейтральность, религиозную свободу, уважение к плюрализму и одинаковое обращение государства со всеми культами. (В России эти принципы могут быть пригодны для строительства государственно-конфессиональных отношений лишь с некоторыми существенными оговорками.) А вот принцип отделения религиозных объединений от государства не рассматривается во Франции как составной компонент конституционного принципа светскости.

Своеобразным является понимание принципа светскости и в современной Италии. В этой стране привилегированное положение Католической Церкви закреплено условиями конкордата с Папским престолом. Католическая Церковь и ряд других конфессий пользуются государственным финансированием, в том числе правом получения доли от подоходного налога, уплачиваемого итальянскими налогоплательщиками. Принцип отделения религиозных объединений от государства в законодательстве отсутствует. Тем не менее в 1989 г. Конституционный Суд Италии в решении № 203 вывел из норм Конституции существование «высшего принципа светскости», который был интерпретирован Судом не как синоним безразличия государства к религиям, но как воплощение равноудаленности и беспристрастности закона по отношению

ко всем религиям[3]. При этом термин «светскость» отсутствует как в итальянской Конституции, так и в последующем законодательстве. По мнению почетного председателя Конституционного Суда Чезаре Мирабелли, судьи объединили в понятии «светскости», во-первых, утверждение нерелигиозного характера государства и, во-вторых, государственную гарантию религиозной свободы в условиях конфессионального и культурного плюрализма[4]. Таким образом, итальянское истолкование принципа светскости государства является довольно специфичным, при том что этот принцип не определен в законодательстве.

Как мы видим, принцип светскости государства лишен конкретного содержания и универсальности. В тех немногих странах, где он присутствует в конституциях, он понимается и применяется весьма различным образом. Использовать его общепринятую или хотя бы распространенную в мировом опыте интерпретацию нет возможности по причине отсутствия таковой (в отличие от принципа отделения религиозных объединений от государства, довольно единообразно реализуемого во множестве стран). А в России нет никакого собственного официального толкования, сообщающего принципу светскости юридическую определенность.

Что же можно сказать о практических последствиях присутствия в российской Конституции принципа светскости государства? Прежде всего, за прошедший двадцать один год он не был препятствием для развития сотрудничества государства с Православной Церковью, с другими конфессиями в сфере социального служения. В то же время, ввиду его неконкретности, он неоднократно используется произвольным образом как идеологический аргумент антирелигиозного характера. Так, представителям органов государственной власти очень удобно начинать мотивировку отказа религиозной организации в какой-нибудь просьбе словами: «В связи с тем, что Российская Федерация,

[3] См.: S414.

[4] Giorgio Feliciani. La laïcité dans la jurisprudence constitutionnelle italienne / Religions et nations. Revue d'éthique et de théologie morale. «Le Supplément». Ed. du Cerf. № 228, mars 2004. P. 53-60.

является светским государством...» Ведь поскольку никто точно не знает, что такое светское государство, никто, соответственно, не знает, что в связи с этим можно, а что — нельзя (опять-таки в отличие от принципа отделения, применительно к которому эти «можно» и «нельзя» прописаны в законе).

Неопределенность термина «светское государство» очень на руку атеистам и «антиклерикалам», пытающимся использовать его как идеологическую дубинку всякий раз, когда им требуется выразить свое неудовольствие присутствием Церкви в жизни общества. Некоторые представители религиозных меньшинств очень дорожат присутствием в Конституции этого термина, видя в нем некое препятствие для усиления влияния РПЦ на общество и государство. Отчасти с этим можно согласиться. Но нам представляется, что неточный, неопределенный, допускающий произвольное толкование термин или формулировка в законе или тем более в Конституции, всегда вредны стратегическим интересам общества, даже если они приносят сиюминутную пользу отдельным социальным группам. Несовершенство конституционных формулировок с неизбежностью порождает проблемы и злоупотребления.

Имеет смысл также сказать несколько слов о другом лишенном точного юридического значения запрете, установленном в статье 13 Конституции, согласно части 2 которой «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В последнее время часто возникают дискуссии о необходимости корректировки этой нормы.

Она была включена в Конституцию РФ в 1993 г. в противоположность конституционным принципам советского государства, закреплявшим руководящую роль коммунистической партии и, соответственно, коммунистической идеологии в советском обществе. Однако положение об отсутствии в современной России государственной идеологии вызывает споры о том, допустима ли деятельность государственных органов, направленная на воспитание граждан в духе патриотизма, правосознания, уважения к ближнему, к культурному и историческому наследию. Следует принимать во внимание, что понятие «идеология» не тождественно

любой мировоззренческой доктрине или общественно-политическому учению. Под идеологией принято понимать восприятие и оценку реальности с точки зрения интересов какой-либо социальной группы (партии, класса). Эти представления и оценки всегда более или менее явно противопоставляются воззрениям других социальных групп. Поэтому их навязывание обществу в целом всегда связано с усилением социальных конфликтов, обострением противостояния.

В отличие от идеологий, идеи любви к Отечеству, уважения к закону и т.п. являются объединяющими общество, обеспечивающими его гармоничное существование. Поэтому такие идеи не должны рассматриваться как форма «государственной идеологии» (хотя неоднократно наблюдавшаяся в истории человечества деформация идей патриотизма и уважения к закону в учение о повиновении трудящихся эксплуататорским классам показывает, насколько трудно определима грань между консолидирующими общество идеями и идеологией). В отличие от проблем, возникающих в связи с употреблением термина «светское государство», проблемы, связанные с запретом государственной идеологии, могут быть решены путем уточнения понятия «идеология». Но при этом не следует забывать, что чрезмерное усердие государства в сфере идейно-воспитательной работы, особенно в сочетании с ее невысоким качеством, неоднократно приводило к плачевным результатам для самой официальной идеологии, а не только для ее противников.

В отношении же конституционных норм, регулирующих отношения государства и религиозных объединений, автор придерживается следующей точки зрения. Принципы, установившие отсутствие государственной или обязательной религии, отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом, могут быть сохранены в неизменности. Они обладают достаточно определенным содержанием, защищают религиозные объединения от вмешательства в их внутреннюю жизнь и обеспечивают нормальное развитие государственно-конфессиональных отношений. (Темой отдельного разговора может стать

недостаточно разработанная в отечественной юридической науке интерпретация принципа равенства перед законом, не означающего обезличенной уравниловки, игнорирования индивидуальных особенностей субъектов правоотношений.)

Другое дело — принцип светскости государства. Доктор юридических наук А.В. Пчелинцев констатирует, что «сравнительный анализ западных конституций с Конституцией Российской Федерации показывает, что с формально-правовой точки зрения Россия является одним из самых светских государств мира»[5]. Можно согласиться с тем, что в российской Конституции присутствует почти не имеющая аналогов в зарубежных странах статья о светскости государства. Но, как мы постарались показать, понятие «светское государство» весьма туманно и расплывчато как раз по причине его формально-правовой неопределенности.

А самое главное: нужно ли нашей стране стремиться к мировому лидерству в светскости? И как быть, если реальная жизнь российского общества, реальный формат отношений государства и религиозных организаций выходит за жесткие рамки конституционной светскости? Следует ли вгонять жизнь в формально-правовые рамки или же надо привести эти рамки в соответствие с общественными потребностями?

Среди немногочисленных, но энергичных воинствующих антиклерикалов, среди прозападной либеральной общественности очень популярна точка зрения, согласно которой Конституция 1993 г. представляет собой важнейшее завоевание либерализма, осуществленное ельцинско-гайдаровской командой, «вечную скрижаль», по канонам которой навеки будет выстраиваться Россия.

Действительно, в Конституцию был заложен максимально усложненный порядок ее изменения. Для пересмотра положений первой главы Конституции, в которую входит статья о светскости государства, необходимо созвать Конституционное Собрание.

[5] Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 2012. С. 64.

Но Федеральный конституционный закон о порядке созыва этого Конституционного Собрания так и не был написан за 21 год после принятия Конституции.

Помимо формальных препятствий, есть и сложность, связанная с общественной психологией. С этой проблемой уже сталкивались творцы французских конституций. Когда положение о «светскости государства» было впервые включено во французскую Конституцию 1946 г., оно, как и в России, страдало полной неопределенностью. Одни депутаты видели в светскости «религиозную свободу», другие — отказ от государственной религии или идеологии, третьи (коммунисты) — принцип отделения Церквей от государства. В итоге «светскость» включили в Конституцию без уточнения содержания. Когда при президенте Ш. де Голле готовился текст новой Конституции 1958 г., разработка и принятие проекта не сопровождались углубленным обсуждением вопроса о том, что понимается под «светской республикой», несмотря на сохранявшуюся неопределенность термина. В некотором роде создатели Конституции 1958 г. оказались связаны фактом присутствия этого положения в предшествующей Конституции. Было признано, что, хотя никто и не помышляет о введении государственной религии, но исключение из проекта новой Конституции упоминания о светскости спровоцирует волнения среди ее приверженцев. Этот недавний французский опыт подсказывает нам, что попытка избавиться от «светского государства» в российской Конституции породит волну провокационных заявлений об «уничтожении религиозной свободы», «введении государственной религии» и т.п.

Имеют ли обозначенные нами препятствия непреодолимый характер, то есть обречено ли российское общество неопределенно долгий срок принимать как данность «светское государство», о котором никто точно не знает, что оно должно из себя представлять?

Есть относительно простой путь избавления от неопределенности. Согласно части 5 статьи 125 Конституции Конституционный Суд Российской Федерации может дать толкование положения «Российская Федерация — светское государство». Это толкование будет иметь обязательную юридическую силу. Но этот формально

правильный путь вручает Конституционному Суду право решить слишком важную общественную проблему. Такая проблема должна решаться всенародным волеизъявлением.

Казалось бы, волеизъявление народа уже состоялось в ходе голосования в 1993 г. при принятии Конституции. Но не лишним будет напомнить, что это голосование происходило на фоне трагических событий осени 1993 г., после которых многие патриотически настроенные граждане не приняли участие в голосовании, сомневаясь в законности ельцинской власти.

Согласно официальным итоговым данным Центральной избирательной комиссии[6], во всенародном голосовании приняло участие 58 187 775 зарегистрированных избирателей (54,8% от общего числа **106 170 835 человек**), большинство из которых — 32 937 630 (58,4%) — проголосовали за принятие новой Конституции, а против ее принятия — 23 миллиона 431 тысяча 333 избирателя (41,6%). Таким образом, за новую Конституцию проголосовало 58,43% от числа принявших участие в голосовании, что при явке в 54,81% составляло 31,02% от числа зарегистрированных избирателей в России, то есть существенно меньше половины всех избирателей. Даже приняв официальные цифры за несомненно достоверные, мы можем констатировать, что ***две трети граждан России не голосовали за принятие Конституции***.

Конечно, стабильность и устойчивое развитие общества в немалой степени обеспечиваются неизменностью Основного закона страны. Но нельзя при этом забывать слова Христа «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2;27).

В Декларации прав человека и гражданина, составленной во Франции в 1793 г. в качестве проекта новой (не принятой) Конституции, содержалась статья 28, называвшаяся «Каждое поколение решает только за себя». В ней говорилось: «Народ всегда имеет право пересмотреть, реформировать и изменить свою Конституцию. Одно единственное поколение не может подчинять своим законам будущие поколения». ***В новейшей российской***

[6] URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/referendum/1993_ref_itogi.html, http://cikrf.ru/law/decree_of_cec/1993/12/20/post_ref_1993.html

истории в 1993 г. решало даже не поколение, а одна треть поколения.

Автор убежден, что Россия должна оставаться государством ***светского типа***, без государственной религии, с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства. Но формулировка «Российская Федерация — светское государство», сочетающая категоричность с неопределенностью, не является необходимой в Конституции.

З.Л. Коган[1]

Спасибо организаторам за широкое представительство разных религиозных организаций. Я думаю, это их вдохновляет и обнадеживает. Знаете, 25 лет назад, как раз вот на праздник Шавуот, я получил возможность читать во весь голос в Вест-Лондон синагоге 10 заповедей, и вот это совпало так. И я представлял современный иудаизм СССР в Англии. Но они до сих пор икают, вспоминают, радуются.

Знаете, мое выступление вообще о священнослужителях. Как ни странно, первый закон о свободе совести, потом второй ничего не говорят собственно о священнослужителях. Собственно говоря, это центральная фигура. Сегодня оказалось, что очень многое зависит от священнослужителя. Евреи вообще, когда выходили из Египта, они все были священниками. И у нас, у евреев, были посредники между Богом и людьми — это Моисей, Аарон, Яаков, пророки, но когда они были живы. Когда они умерли, уже к ним не обращаемся, евреи осиротели. После библейского периода у евреев нет посредника между Богом и человеком. Но, может быть, отсюда, знаете, мы такие жестоковыйные и упрямые — но это не Иосиф Дискин, это я уже больше о себе. И хочу сказать, что священнослужители — это те, с кого берут пример.

Хочу подчеркнуть, что никогда в еврейской истории в России евреям так вольготно не жилось, как вот сегодня. Ну, я имею в виду религиозным евреям. Строй, что хочешь, я имею в виду религиозные организации, заведения и так далее. Да вот беда: где евреи? Куда они подевались? Так вот, значит, хотел бы еще обратить внимание, что синагога — это собрание евреев, а не кирпичей. Вот в Крыму идет сейчас, к сожалению, борьба за кирпичи. Там идет сейчас конкурентная борьба между нашими конфессиями. Как бы мы в этой борьбе не потеряли молодежь!

---

[1] **Коган Зиновий Львович — раввин, вице-президент Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России.**

Еще хочу обратить внимание, может быть, это не только у нас, что еврею по отцу нет места в большинстве синагог. Ну вот только через гиюр, это такое обращение. Но это все равно, что верблюду пройти через это знаменитое игольное ушко.

Но есть еще проблемы, на которые мы не отвечаем. Например, кремация. Ну, на это мы же закрываем глаза — не знаем и знать не хотим, потому что кремация — грех. А на самом деле кремируют. И ведь важно, на этой кремации присутствуют дети, близкие родственники. Если там нас нет, ну, священнослужителей, то эти люди потом отпадают. Я думаю, может, нам нужно использовать понятие «обычаи и традиции» и двигаться вперед? Вообще, пора посмотреть правде в глаза. От того, что мы закрываем глаза, наши мальчики боятся идти служить в армию. Ну, я имею в виду религиозные. Их не так много, но все равно. Потому что как он будет соблюдать кашрут, как он будет стрелять или там бежать в атаку в субботу, или там в праздники?

Евреи — это семья.

И, между прочим, форма существования человечества — семья — это самая лучшая форма.

Кстати, сто лет назад нас в России было 10 миллионов. Это был центр еврейского мира, ну как сейчас Россия — центр русского мира. Через сто лет нас стало в 30 раз меньше. То есть вообще не знаю, лучше не считать, а то мы прослезимся. Но есть ли выход? Конечно, у евреев всегда есть выход. Американские евреи нашли выход: они считают евреями тех, кто по израильскому закону имеет право на эмиграцию. Слушайте, мы сможем легко вздохнуть, потому что у нас евреев-полукровок больше, чем таких евреев, как мы с Иосифом Дискиным. Включение полукровок в полноценную религиозную жизнь — стратегическая задача еврейской общины XXI в.

Наконец, я хочу сказать, что в 1857 г. государство издало положение, что раввины должны быть выпускниками созданных государством училищ и т.д. Я к чему говорю: я хочу сказать, что и сегодня подготовка отечественных священнослужителей — христианских, еврейских, буддистских — должна проводиться здесь, в России.

Большим ученым можешь ты не быть, но патриотом быть обязан. Спасибо за внимание.

И.Е. Дискин[1]

Тема моего выступления лежит в области давней философской проблемы: свобода от чего и свобода для чего.

25 лет Россия развивается по пути свободы совести. Этот срок позволяет оценить достижения и проблемы. Мы вполне резонно говорим о том, что закон о свободе совести создал серьезные правовые рамки для свободы вероисповедования. Но при этом главный вопрос в том, в какой мере люди и религиозные, и секулярные (а закон создает возможность свободы совести и для тех, и для других) воспользовались этим законом для главного— для воссоздания нравственной основы российского общества.

Следует констатировать, что государство, принимая этот закон, не сильно думало об этой проблеме. Но для российского гражданского общества, частью которого, даже его столпами являются уважаемые религиозные организации, этот вопрос является одним из центральных. Ведь важно не только лично жить в ладу со своей совестью, соблюдая нормы религиозных установлений, и собственными нравственными нормами. Мы все помним завет Достоевского: нужно жить по законам, самим над собой поставленным. Не менее важно, чтобы все гражданское общество утверждало в нашем большом обществе нравственные нормы.

Почему сегодня это так важно? Потому что мы должны усвоить урок попыток реформирования государства и общества без опоры на прочные нравственные установления, которые на деле становятся принципами, а принципы — активными действиями. Мы должны помнить урок, чем закончила власть, которая в течение ста лет считала, что именно она монопольная хранительница православных традиций. Здесь уместно напомнить слова одного из крупнейших мыслителей России Константина Петровича

[1] **Дискин Иосиф Евгеньевич — председатель Комиссии Общественной Палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, доктор экономических наук.**

Победоносцева, который указывал на то, что угнетенный нищий православный священник неспособен быть духовным учителем. Многие серьезные мыслители говорили о том, что российским обществом абсолютно не усвоена максима о том, что без серьезного нравственно-этического обновления невозможно столь насущное государственное и общественное развитие России. Крах советского государства был предопределен тем, что проблема нравственного обновления не была осознана советским руководством.

Забвение идеи необходимости прочного нравственно-этического основания государственного строительства базируется на либеральной догме, что хорошие законы создают хорошие нравы. Социологи знают, что плохие законы могут испортить нравы, но даже хорошие не могут исправить плохие нравы. Все эти неусвоенные уроки, поднятые еще великими мыслителями — авторами «Вех» — сегодня вновь во весь рост стоят перед российским обществом.

Принципиально важно объяснить, почему. Сегодня Россия переживает один из ключевых моментов своей социальной истории. В нашей стране произошли огромные макросоциальные изменения. За последние десятилетия наша страна прошла большой путь социальной трансформации. Завершен переход от традиционного общества к новому социальному качеству. В результате этого процесса произошли кардинальные перемены: индивидуализация, снижение влияния идеологий, значимых прежде общностей (профсоюзов, производственных коллективов, местных сообществ). Как это ни парадоксально, в России сегодня сложилось одно из самых индивидуалистических обществ Европы.

И теория, и практика говорит о том, что эффективные институты, включая эффективное государство и эффективное гражданское общество, могут быть построены только на основе, когда нормы нравственности, морали будут превращаться в жизненные принципы, а жизненные принципы — в дела.

Задача же кардинального повышения эффективности всей системы институтов, преодоление соответствующего барьера эффективности — вопрос национальной судьбы нашей Родины.

Однажды Советский Союз подошел к этому барьеру и не смог его преодолеть — за это мы заплатили распадом великой страны. Сегодня, если Россия не справится с фундаментальным вызовом строительства эффективных общественных, экономических, социальных институтов, нас ждут очень серьезные проблемы, особенно в связи с усугубляющимися и длительными геополитическими вызовами.

В силу этого задача нравственного обновления — это то, что должно сегодня объединить религиозные и секулярные сообщества. Если они смогут объединить свои усилия в нравственно-этическом переустройстве государства и общества, Россию ждет национально-государственное поражение.

Здесь, в этом зале, собрались люди, безусловно, объединенные патриотическими ценностями. На этой основе возможен и насущно необходим диалог между секулярными и религиозными частями единого российского гражданского общества. И здесь я должен поблагодарить Святейшего патриарха, который, выступая на Русском народном соборе, особо подчеркнул, что не отрицает наличия нравственных мотивов у людей секулярных. И это замечательно, потому что Русская Православная Церковь отрицает радикальные позиции, когда за подлинные, как единственно допустимые, признаются только собственные ценности. И это создает возможность для широкого общественного диалога о нравственном обновлении, о его принципах и задачах.

В этой связи важно отметить, что религиозные институции, где проблемы нравственности и морали лежат в центре религиозного сознания, являются важнейшими источниками нравственно-этического обновления России. Эту идею необходимо разъяснять всему обществу.

С моей точки зрения, одной из важнейших миссий РАРС должна быть инициативная роль в организации этого широкого общественного диалога о нравственном обновлении российского общества. Тогда это будет полноценный ответ на ту проблему, с которой я начал свое выступление: свобода не от чего, а для чего. Свобода совести, которая должна стать фундаментом для

нравственно-этического обновления России, без которого, повторяю, нас ждет национальное поражение. Но убежден, что патриотическая мобилизация, объединившая огромное большинство нашего общества, энергичные усилия активной части гражданского общества по его нравственно-этическому обновлению, приведут нас к нашей общей победе.

И.Н. Яблоков[1]

Свобода в отношении к религии

Свобода в отношении к религии является одним из важных прав человека. Такую свободу имеют индивиды, личности, которые могут относиться к религии по-разному. В социологии выделяются разные типы людей по отношению к религии в зависимости от характера и места религиозной ценностной ориентации в ряду их ценностных ориентаций или ее отсутствия: 1) религиозные с доминантной религиозной ориентацией; религиозные с религиозной ориентацией, подчиненной другим ориентациям; колеблющиеся с неустойчивой религиозной ориентацией; 2) нерелигиозные: а) индифферентные, не обнаруживающие какой-либо ориентации в отношении к религии, б) индивиды, личности с атеистической ориентацией.

Понимание (и требование) свободы в отношении к религии в разных исторических ситуациях наполнялось разным содержанием. Исторически складывались различные взаимоотношения между государственно-правовой и религиозной властью — папоцезаризм, цезарепапизм, сепаратность. Папоцезаризм (лат. papa от греч. πάππος — «папа», «отец» и лат. caesar — «царь») — это религиозно-государственно-правовая система, при которой религиозная власть ставится выше политической. При этом иногда глава или один из лидеров религиозной организации становится и главой государства. Крайнее выражение такая система находит в теократии (греч. θεός — «бог», κράτος — «сила», «власть»; буквально «боговластие»), при которой религиозный лидер сосредоточивает

[1] **Яблоков Игорь Николаевич — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.**

в своих руках и государственную власть, функционеры религиозной организации оказываются чиновниками государственного аппарата. Цезарепапизм (лат. caesar — «царь» и лат. papa от греч. πάππος — «папа», «отец») — государственно-право-религиозная система, при которой религиозная власть подчинена политической, а глава государства часто становится и главой религиозной организации. Сепаратность (лат. separatus — «отдельный», «особый») означает отделение религиозной и политической властей, религиозных организаций и государственно-правовых учреждений друг от друга. Такой порядок складывается в условиях дифференцированной институциональной системы общества. Следует заметить, что эти власти «неравновесны»: государственно-правовая имеет орудия и механизмы преобладания над религиозной. Эти типы взаимоотношений выделены на основе изучения истории христианства. Однако подобные образования появлялись и в других религиях.

В условиях соединения государственной и церковной власти, подчинения церкви государству (цезарепапизм) или государства церкви (папоцезаризм) возникали идеи независимости церкви от государства, невмешательства государственной власти в религиозные дела или же независимости государства от церкви. Господство какого-то религиозного направления и стеснение инаковерия обусловливало оформление идей веротерпимости, религиозной свободы, свободы религиозной совести. Складывавшийся религиозный плюрализм приводил к мысли о необходимости признания свободы и равенства религий и вероисповеданий. По мере становления и развития правовых государств формулировалось (и юридически оформлялось) равенство политических и гражданских прав независимо от вероисповедания. Развитие парадигм мышления, науки, других областей культуры и связанное с ним расширение процесса секуляризации способствовали появлению представлений о свободе мысли, совести, осознанию прав не только на исповедание, но и на неисповедение религии, утверждению светского государственного образования. Во второй половине XX в. был принят

ряд международных правовых документов, в которых формулировался принцип свободы в отношении к религии.

Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г.

«Статья 18

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Статья 19

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г., подписан СССР 18 марта 1968 г., ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г., вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. В статье 18 провозгласил:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений».

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. В статье 1 декларирует:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнения религиозных и ритуальных обрядов и учении».

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписан 1 августа 1975 г. представителями 23 государств, включая СССР, США и Канаду. В числе принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, называет:

«VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений

Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии…

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести».

Парижская хартия для новой Европы. Подписана 21 ноября 1990 г. представителями государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Содержит следующее положение:

«Мы подтверждаем, что без какой-либо дискриминации каждый человек имеет право на: свободу мысли, совести, религии и убеждений…»

Сформулированное целостно и в то же время дифференцированно право каждого человека на свободу мысли, совести, религии и убеждений, на мой взгляд, адекватно выражает право на свободу в отношении к религии.

Закон СССР от 1 октября1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» в целом учитывает принцип международных правовых документов о свободе мысли, совести, религии и убеждений, о чем, в частности, свидетельствует следующая статья:

«Статья 3. Право на свободу совести

В соответствии с правом на свободу совести каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии.

Родители или лица, их заменяющие, по взаимному согласию вправе воспитывать своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии.

Не допускается какое-либо принуждение при определении гражданином своего отношения к религии, к исповеданию или к отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, религиозных обрядах и церемониях, в обучении религии.

Осуществление свободы исповедовать религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые необходимы для охраны общественной безопасности и порядка, жизни, здоровья и морали, а также прав и свобод других граждан, установлены законом и совместимы с международными обязательствами СССР».

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г., который утратил силу Федеральным законом от 26 сентября 1997 г., в целом тоже учитывал указанный принцип международно-правовых документов, хотя, к сожалению, статья 3 была сформулирована некорректно.

В указанном документе содержание статьи 3 «Свободы вероисповеданий» раскрывается так: «...свобода вероисповеданий включает право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства». Теоретически это положение некорректно, содержало ошибку — contradictio in adjecto — «противоречие в определении». В самом деле, «свобода вероисповеданий» перестает быть таковой, если в ее понятие включают

право распространять «атеистические убеждения», «неисповедовать» никакой религии: право «неисповедания» религии, а тем более распространения «атеистических убеждений» обеспечивает не свободу вероисповеданий, а нечто иное. С другой стороны, если термин «вероисповедание» адекватен самоосознанию и самовыражению верующего, то включение права выбирать, иметь и распространять «атеистические убеждения» в «свободу вероисповедания» не соответствует самоосознанию и самовыражению как верующего, так и атеиста. У верующего нет «атеистических убеждений», а атеист не согласится признать свои «атеистические убеждения» видом «вероисповедания». Указанное противоречие в тексте закона создавало возможность нереализации прав человека — как верующего, так и неверующего — в отношении к религии.

В принимавшихся в 1990–2015 гг. правовых документах Российской Федерации и прежде всего в Конституции Российской Федерации (принятой 12 декабря 1993 г.) и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (от 26 сентября 1997 г.) находил все более адекватное выражение принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений, хотя в целостности и дифференцированности этот принцип ни в одном документе, к сожалению, так и не был сформулирован.

Принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений выражает одно из фундаментальных прав человека в духовной области. Это и другие права человека вытекают из достоинства, присущего человеческой личности. Раскроем содержание указанного принципа. Предварительно заметим, что в правовых документах его содержание выявляется в правовом ключе; в данном изложении раскрытие содержания указанного принципа проводится с учетом единства философского, религиоведческого, этического, психологического и юридического подходов и снабжается комментарием.

Свобода мысли включает право на инакомыслие, предполагает свободу научных исследований, дискуссий и творческой деятельности, право каждого на образование, на участие в культурной

жизни, пользование результатами культурного, в том числе и научного прогресса.

Комментарий.

Понимание и обеспечение свободы мысли предполагает понимание феномена самой мысли. Мысль представляет собой главный компонент структуры мышления. Она ориентирована на поиск связей явлений, «обсуждает» факты по разным основаниям: причина — следствие, необходимость — случайность, возможность — действительность, сходство — различие, правомочность — неправомочность, нравственность — безнравственность и др. Мысли имманентно присуще слово, которое внутренне содержит побуждение выразить себя в межчеловеческом общении. Мысль выражается в языке в форме предложения и в виде высказывания в ходе говорения, она включает субъективно полагаемое понимание того, о чем мыслит. В различных содержательных элементах мысли, в разных моментах ее движения имеется эмоционально-волевой аспект, в котором актуализируются различные эмоции — сопереживание, сочувствие, сорадость или негативное отторжение, страх, гнев, враждебность, ненависть и проч. Эмоционально-волевые составляющие выступают активными побудителями соответствующего действия. В практической жизни мысль является основой принятия решения о соответствующем действии, а значит, содержание и качество мыслей определяет содержание и качество соответствующего действия.

Свобода мысли предполагает отказ от догматизма, от абсолютизации знания, она не означает признание свободы сатанинской, враждебной, агрессивной, фашистской, расистской, этнофобской, религиофобской и т.д. мысли.

Свобода совести означает возможность личности (объективную и субъективную) самостоятельно совершать мировоззренческий выбор в пользу религиозного или нерелигиозного мировоззрения в разных их видах, формировать мотивы соответствующего действия и определять сами действия, проявлять толерантность к иным образам мысли, взглядам, убеждениям и готовность к консенсусу.

Комментарий.

Содержание понятия «свобода совести» уходит своими корнями в существенно значимые традиции духовной культуры и синтезирует две фундаментальные ценности человеческого существования — свобода и совесть. Свобода совести реализуется в морали, политике, науке, в отношении к религии и других областях. Исторически осмысление этих явлений велось и ведется в разных аспектах — философском, теологическом, этическом, эстетическом, политологическом, религиоведческом и правоведческом и др. То или иное толкование зависело от разрешения двух дилемм: «детерминизм — индетерминизм», «отрицательная свобода — положительная свобода».

Первая ставила мучительные вопросы: о необходимости и свободе воли, о возможности выбора, предпочтения одной из альтернатив, а значит, о возможности ответственности и совестливости, переживания заслуги или вины, о способах и детерминантах человека в мире материальном и мире духовном, о приоритетах ценностей того или иного мира. Абсолютный детерминизм превращал и свободу, и совесть в фикцию. Абсолютный индетерминизм считал свободу человека «абсолютной», ничем не обусловленным и неограниченным, исключительно внутренним актом и фактически приводил к произволу, утрате и свободы и совести.

Острые дискуссии вызывала и вторая дилемма. «Отрицательная свобода» — это свобода от чего-либо сковывающего, гнетущего (внешних барьеров, принуждения, фатума и т.д.). При такой свободе совесть не очень «разговорчива», и голос ее начинает звучать, когда требуется защита от посягательств на свободу извне («защищающаяся совесть») или в случае переступления (даже и в помысле) соответствующего «НЕ» — запрета, табу («раскаивающаяся совесть»). «Положительная свобода» расширяет функции совести, означает реализацию творческих способностей. Особое значение приобретает контроль за оптимальным выбором альтернатив, голос совести говорит: «совершай нечто как наиболее достойное и благое» («зовущая совесть»). Свобода совести предполагает наличие объективных и субъективных возможностей самостоятельно

формировать мотивы действия и определять сами действия в ситуации различных альтернатив, осуществлять самооценку и самоконтроль, формулировать для себя обязанности и их реализовывать, откликаться на бытийные проблемы других людей. Свобода совести выражает внутреннюю суверенность личности, человеческого «Я». До определенного возраста (пока не сформулировалось сознание и самосознание) человек (ребенок) не имеет и не может иметь такой свободы. Нельзя говорить о реализации свободы совести, если человек принимает или меняет воззрения под влиянием гипноза. И, конечно, свобода совести попирается, когда человек подвергается принуждению к принятию каких-то воззрений или отказу от них.

Свобода религии — это свобода иметь или принимать любую религию по своему выбору и исповедовать свою религию как единолично, так и сообща с другими, публично или частным порядком, в учении, богослужении, в отправлении культа, выполнении религиозных обрядов.

Комментарий.

Свобода религии предполагает отделение религиозной и политической властей, религиозных и государственно-правовых учреждений друг от друга, предоставление религиозным объединениям признания статуса, предусмотренного для них законом, обеспечение равенства религиозных объединений перед законом, недопустимость ограничений или иных форм дискриминации той или иной религии. Свобода религии включает также право религиозных организаций создавать управленческие структуры в соответствии с их собственными уставами, право ведения этими организациями различных видов религиозной деятельности в соответствии с установленным законом — осуществлять образовательную религиозную деятельность, в том числе создавать соответствующие образовательные учреждения, производить, приобретать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения, осуществлять благотворительную деятельность, проводить культурно-просветительские мероприятия, сохранять и

реставрировать памятники истории и культуры, для своих уставных целей строить и приобретать в собственность здания и сооружения, помещения хозяйственного назначения, жилые дома и проч.

Свобода религии не означает допустимость деятельности религиозных или прикрывающих себя религиозной атрибутикой, но фактически религиозными не являющихся экстремистских и террористических групп.

Свобода убеждений включает свободу придерживаться своих убеждений, как религиозных, так и нерелигиозных, беспрепятственно выражать их, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Комментарий.

Понимание и обеспечение свободы убеждения предполагает понимание самого феномена убеждения. Убеждение — это свойство сознания индивида, личности, присвоенное в процессе жизнедеятельности, приобретения той или иной информации о различных общественных отношениях — экономических, политических, государственно-правовых, нравственных, о различных явлениях религии и др. Убеждение включает знание, соответствующее представление, идею, чувство, воление, которые находятся в неразрывном единстве и образуют основу уверенности индивида, личности в правильности собственной позиции, в адекватности решения какой-либо задачи, в достижении поставленной цели. Убеждение содержит в себе готовность отстаивать себя и действовать в соответствии с самим собой. Под влиянием различных областей культуры формулируются экономические, политические, правовые, нравственные и др. убеждения. Убеждения могут быть религиозными и нерелигиозными, в том числе атеистическими. Убеждения складываются в ходе приобретения и расширения социального опыта.

Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Права и свободы обеспечиваются без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений,

национального и социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Если вероисповедание человека противоречит несению военной службы, он имеет право на замену ее альтернативной деятельностью. В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком. Родителям предоставляется свобода обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. Последовательная реализация свобод и прав предполагает развитие толерантной культуры. Эта культура представляет собой составную часть культуры общества, социальных групп, отдельного человека, выражающуюся в способности проявлять уважение к «другим» и «другому» независимо от их происхождения, пола, возраста, расовой, этнической, конфессиональной, государственной, профессиональной и прочей принадлежности при неприятии зла, в какой бы форме и области жизни и культуры оно ни проявлялось. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

В.В. Ряховский[1]

Те выступления, которые заявления, вот об этом я сказать не смогу и поэтому, в силу времени, постараюсь просто очень тезисно, в целом уделить внимание проблеме, о которой я хотел говорить.

Я вспоминаю 1990 г., это весь период, исторический период уже — 25 лет, о котором мы сегодня говорим. Мы и, наверное, многие из присутствующих здесь были современниками этих событий, хотя прошло уже, действительно, четверть века. И помню 1990 г., сегодня об этом никто не сказал, но проект закона СССР был опубликован — это было впервые — в «Известиях» для широкого обсуждения. Это такой был первый опыт демократического подхода к принятию закона. Мы читали этот проект, высказывали свои какие-то мнения, религиозные организации давали заключения, и впоследствии я не помню, чтобы что-то было подобное. И был принят закон, рамочный закон СССР, буквально через несколько дней, закон 14 или 24 октября 1990 г., юбилей, который мы сегодня празднуем. И на что я еще хотел обратить внимание.

Обычно законы принимаются в развитие конституционных норм, но закон 1990 года был принят, и нормы Конституции, действующей в то время, — это еще была Конституция РСФСР, которая носила декларативный характер. Когда в 1993 г. принималась Конституция, то основные положения, или концепция, вот этого закона 1990 г. нашли свое отражение в статье Конституции. Обычно процесс бывает наоборот: в развитие Конституции принимается закон, а здесь было по-другому — от закона, который уже действовал три года, была сформулирована статья 28 Конституции.

---

[1] **Ряховский Владимир Васильевич — управляющий партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр», член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.**

И конечно, за этот период 25-летний, сегодня вот уже отмечал Сергей Александрович Попов, было внесено 18 поправок, 18 федеральных законов, которые вносили изменения в этот закон. Много это или мало? Я считаю очень много. С одной стороны, мы все время говорим о совершенствовании закона и, более того, этому посвящены не только отдельные доклады, посвящены целые конференции, и чем-то стало уже на слуху совершенствование закона о свободе совести. Но вот это совершенствование очень часто, на мой взгляд, вступает в противоречие с постоянством закона, нестабильностью закона. А именно эта стабильность закона вырабатывает уважение к нему, культуру к этому закону.

Вот основные вехи эти 25-летние, наверное, это был 1993 г., когда в закон Верховного Совета еще предпринимались попытки внести кардинальные изменения, и, кстати, работа кандидатская Александра Ильича посвящена как раз этому событию — 1993 г., он проводит такое интересное исследование. Мы помним, хотя столько времени уже прошло. Потом это был, конечно, 1997 г. Я бы сказал, кстати говоря, о законе 1990 г. в такой восхитительной форме, но я бы сказал, что от того закона уже мало чего осталось. Ну, наверное, основные принципы, которые были заложены в том законе. А закон 1997 г. — это ограничение и прав иностранных граждан, и прав российских граждан. Создавались религиозные объединения только по месту жительства, и 15-летний срок деятельности, который до сих пор фактического применения, действительно, не имеет, но тем не менее он есть.

В целом сегодня говорили мы почему-то о законе 1997 г. и сказали, что закон уже испытан временем, показал положительные стороны. Да, я не спорю с тем, что очень много положительного в этом законе, и применительно к этому закону можно говорить, что закон применяется, то есть идет процесс совершенствования этого закона. Но то, что я уже говорил о том, что этот процесс совершенствования, он не заканчивается, и есть такое выражение, что нет предела совершенствованию. И особенно в последнее время опять-таки в закон вносятся изменения. По-разному можно к ним относиться. И допустим, сегодня уже упоминали, что было внесено

изменение в ГК, которое было распространено в том числе и на религиозные организации. Я считаю, что это абсолютно непродуманный опыт, и в чем-то, может быть, здесь претензия к нашему комитету Госдумы профильному, который просто просмотрел. Понятно, что не ваш комитет этим занимался, но то, что отнесли религиозные организации к унитарным, я считаю, это была ошибка. Да, конечно, забили тревогу религиозные организации, и эти изменения были внесены. Но вот то, что сегодня есть предложения, законопроекты, в частности, по религиозным группам, я считаю, что опять очень поспешный подход. Я еще хотел коротко сказать, но нет уже времени. Спасибо.

А.А. Красиков[1]

От тоталитарного богоборчества к свободе совести

Наша конференция посвящена 25-летию принятия первых в истории Отечества законов о свободе совести: общесоюзного и российского. Здесь собрались, наряду с религиозными лидерами, видные ученые, государственные и общественные деятели, в том числе и те, кто принимал непосредственное участие в разработке этих двух документов чрезвычайной важности. Спасибо Совету по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и Российской ассоциации религиозной свободы за организацию форума, который, как я надеюсь, позволит проанализировать успехи и проблемы государственно-конфессиональных отношений на рубеже двух столетий: недавно ушедшего трагического двадцатого и следующего двадцать первого, принесшего с собой новые серьезные вызовы и угрозы.

Обращаясь мысленным взором в прошлое — а для меня это шестьдесят лет работы в государственных учреждениях: главном информационном центре страны — агентстве ТАСС, в Администрации Президента РФ и, наконец, в академическом институте системы РАН, — вспоминаю о том, как и почему появились законы 1990 г., как и для чего был создан президентский Совет, сформированный почти день в день 20 лет тому назад. И хотел бы, но, к сожалению, не могу выразить уверенность в безоблачном будущем межрелигиозного и межэтнического мира.

---

[1] **Красиков Анатолий Андреевич — главный научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества, доктор философских наук, профессор.**

На тернистом пути к свободе

Мое поколение вошло в трудовую жизнь вскоре смерти Сталина и в канун прихода к власти Хрущева. Религия была тогда оттеснена на обочину жизни общества, которое в массе своей воспринимало ее как «опиум народа». Мы жили иллюзиями «основного экономического закона социализма» (он был изложен в «Экономических проблемах социализма в СССР» — псевдонаучном произведении «великого вождя и учителя», опубликованном за несколько недель до смерти диктатора). По словам его изобретателя, этот закон заключался в «обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества»[2]. Реальностью же было нищенское существование народа и не прекращавшееся ни на один день преследование как действительных, так и придуманных противников режима личной власти диктатора с использованием для его оправдания печально знаменитой 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР («антисоветская деятельность и пропаганда»).

В День памяти жертв политических репрессий 30 октября 2007 г. Президент Путин посетил мемориальный комплекс «Бутовский полигон» на юге Москвы, возведенный на территории полигона, где в 1937–1938 гг. было расстреляно более 20 тысяч человек. Обращаясь к Патриарху Алексию II, он сказал: «Трагедии такого рода повторялись в истории человечества неоднократно. И все это случалось, когда привлекательную, на первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей — человеческой жизни, ценности прав и свобод человека». После чего добавил: «37-й год, хотя он и считается пиком репрессий, был подготовлен предыдущими годами жестокости… Достаточно вспомнить расстрел заложников в годы гражданской войны, уничтожение целых сословий — духовенства, российского крестьянства, казачества. Сосланы, уничтожены, расстреляны были миллионы человек. Причем прежде всего люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать.

[2] Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М. : Писатель, 1997. С. 182.

Уничтожались наиболее эффективные люди, цвет нации… Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе»[3].

Полувеком ранее инстинктивно ощутил ее и молодой журналист-тассовец, вчерашний студент МГИМО, который весной 1957 г. оказался в своей первой зарубежной командировке как стажер (а затем руководитель) корпункта ТАСС в Италии. И получил неограниченную возможность узнать то, о чем до сих пор мог только догадываться на основе прочитанных книг и передач иностранных радиостанций. В свободное от работы время он знакомился с достопримечательностями «вечного города». Посещал всемирно известные храмы, включая грандиозную базилику святого Петра, в крипте которой в 1939 г. во время раскопок была обнаружена усыпальница верховного апостола; церковь св. Климента, где похоронен Кирилл, участвовавший вместе со своим братом Мефодием в создании восточнославянской письменности; катакомбы — подземные лабиринты, места захоронения древнеримских христиан. Впервые взял в руки Библию, православный катехизис, другие книги религиозного содержания.

И надо же такому случиться — как раз в год моего первого выезда за пределы СССР в итальянском городе Сериате, в предгорьях Альп, создается центр «Христианская Россия». Основатель центра 34-летний священник Романо Скальфи задался целью «знакомить католиков с культурными традициями Святой Руси» и помогать христианам страны государственного атеизма, переправляя через железный занавес религиозную литературу. Никто у нас тогда даже представить себе не мог, что по историческим меркам скоро наступит время, когда Сериате станет местом встреч богословов первого и «Третьего Рима», а в Москве по совместной инициативе «Христианской России» и священноначалия РПЦ откроется духовная библиотека «Покровка»[4].

Любопытным сувениром, привезенным мной в Москву после первого года работы в Риме, стало купленное у букинистов

[3] Известия. 2007. 31 октября. URL: http://www.newsru.com/arch/russia/30oct2007/butovo.html

[4] URL: http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=60466

последнее издание «Индекса запрещенных книг» РКЦ. На его обложке стояла дата: 1948 год. А в предисловии уточнялось: списки печатных изданий, чтение и распространение которых церковью запрещено, начали публиковаться еще в XVI в. и затем периодически пополнялись новыми названиями. Подобные «индексы», только противоположного свойства, существовали и в СССР. С той разницей, что средневековый документ, защищавший РКЦ от еретиков, давно утратил устрашающую силу, в то время как в нашей стране хранение и распространение бесчисленного множества книг считалось уголовным преступлением и подлежало суровому наказанию.

При моем возвращении на родину таможня пропустила католический «индекс», поставив на нем номерную печать «открытый угол», которая разрешала провоз некоторых печатных изданий «в научно-практических» целях. Дежурный цензор принял меня за воинствующего атеиста, увидев в книге имена Вольтера и Дарвина. А вот другие религиозные издания пришлось в чемодан не класть. Из предосторожности, которая оказалась нелишней, я не взял их с собой, а отправил по почте, причем не на домашний адрес, а в ТАСС. Бандероль шла до Москвы несколько месяцев и добралась до получателя после того, как прошла цензуру Главлита. Проверяющие поставили на книге печать в виде шестигранника с соответствующим номером, означавшую, что речь идет о публикации, не дозволенной к выносу за пределы служебного «спецхрана». К счастью, сотрудники тассовского служебного спецхрана выдали мне их на руки. От них же я получил напечатанный в Москве «для служебного пользования» и разосланный «по списку» с указанием номера каждого экземпляра перевод романа английского писателя Джорджа Оруэлла «1984». Первое издание этой антиутопии вышло в свет на родине автора еще в 1949 г., и можно лишь удивляться его дальновидности.

«Мои университеты» по специальности религиоведение продолжились в годы Второго Ватиканского (XXI Вселенского по католической хронологии) собора, который мне было поручено освещать для печати от первой до последней его сессии с 1962 по 1965 г.

По моей просьбе «для освоения церковной терминологии» в корпункт ТАСС стал приходить «Журнал Московской Патриархии», купить или получить который в библиотеке простые советские люди не могли[5]. Так я познакомился с трудами православных богословов. Моими постоянными консультантами (и добрыми друзьями) до конца своих дней были сотрудники ОВЦС А.С. Буевский и протопресвитер Виталий Боровой, официальный наблюдатель РПЦ на соборе в Ватикане.

Одним из учителей и близких друзей советского журналиста стал Лорис Ф. Каповилла, личный секретарь инициатора собора, о котором будущий Патриарх Кирилл напишет в обращении к участникам конференции, состоявшейся в Институте Европы РАН в 2000 г.: «Иоанн XXIII стал движущей и вдохновляющей силой преобразований, влияние которых не ограничилось рамками внутренней жизни Римско-католической церкви, но отразилось на всем комплексе межхристианских, межрелигиозных и международных отношений. Особенно хотелось бы отметить те позитивные результаты, которые Второй Ватиканский Собор, под руководством Папы Иоанна XXIII, принес в сфере отношений между католиками и христианами иных конфессий. Это был решительный поворот от конфронтации к диалогу и сотрудничеству… Будем же помнить, что часто от всех нас, каждого на своем месте, зависит то, чтобы великие деяния великих людей не уходили в безвозвратное прошлое»[6].

В середине 70-х гг. делегация Святого Престола (официальное наименование Государства Град Ватикан) участвовала в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. От имени Папы Заключительный акт этого международного форума подписал 1 августа 1975 г. активный проводник «восточной политики» Ватикана кардинал Агостино Казароли. Он с самого начала добивался включения в этот документ обязательства всех государств-подписантов соблюдать, наряду с другими правами человека,

[5] См.: Красиков А.А. Ватиканский репортаж. М. : Советская Россия, 1990. С. 11–58.

[6] Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. М. : Интердиалект, 2002. С. 21–22.

свободу совести и религиозную свободу. Для СССР тогда самым важным представлялось подтверждение нерушимости границ, и, будучи аккредитован на всех сессиях СБСЕ, помню тот момент, когда наша делегация получила разрешение центра согласиться в порядке компромисса на упоминание в Заключительном акте обоих этих обязательств, помещенных в так называемую «третью корзину» этого документа (первые две касались политического и экономического сотрудничества стран — участниц совещания). Впрочем, как отметил в книге воспоминаний мой однокурсник по учебе в МГИМО бывший заместитель министра иностранных дел РФ Юрий Дерябин, уже вскоре после подписания Заключительного акта стало ясно, что у нас и не думали выполнять обязанности по «третьей корзине». На одном из заседаний Политбюро прозвучали слова: «Вырезать бы у этой проклятой корзины дно!» «В это время, — пишет соавтор документа, — в Советском Союзе диссидентов сажали в лагеря и «психушки», преследованиям подвергались такие люди, как Андрей Сахаров и Сергей Ковалев»[7].

Об изменении числа зарегистрированных религиозных структур Русской Православной Церкви по СССР в целом и по некоторым союзным республикам за 35 лет между первым годом после смерти Сталина и последним годом перед принятием законов о свободе совести свидетельствуют цифры, заимствованные из статистических отчетов Совета по делам религий при Совете Министров СССР:

	1954 г.	**1958 г.**	**1964 г.**	**1969 г.**	**1974 г.**	**1979 г.**	**1984 г.**
Всего по СССР	13376	13333	7577	7294	7062	6925	6806
В т.ч. Украина	8517	8468	4587	4468	4291	4175	4049
В т.ч. РСФСР	2922	2920	1995	1906	1874	1865	1866

Казалось, атеистический режим был близок к «окончательному решению» религиозного вопроса в СССР. Однако никто не мог влезть в головы церковных деятелей, которые, по выражению

[7] Дерябин Ю.С. Легко ли быть послом? Записки о жизни и карьере дипломата. М. : Весь мир, 2000. С. 211.

будущего Патриарха Алексия II, следовали правилу «брать на свою совесть меньший грех, дабы избежать греха большего» и вели церковь к грядущему возрождению. По свидетельству французского православного публициста О. Клемана, Патриарх Константинопольский Афинагор, с которым он беседовал еще в 1968 г., сказал: «Я люблю святую Русь, ту Россию, которая сегодня покрыта тайной, но однажды в будущем вновь приступит к выполнению своей духовной миссии на сцене истории... Русские христиане победили коммунизм в своей стране. Я говорю не о социальной системе, но об атеистическом тоталитаризме. Они победили, потому что страдают и научились страдать. Внешне этого пока не видно. Но атеистическая идеология смертельно ранена. В этой труднейшей переходной ситуации некоторым людям на вершине Русской Церкви приходится приносить себя в жертву. Поверьте мне, мучеников в России предостаточно»[8].

Долгие годы дамоклов меч висел над священником Александром Менем, к которому властям, казалось бы, трудно было придраться: он избегал высказываться по политическим вопросам, поставив во главу угла проповедь «открытого христианства». О. Александр не разоблачал ничто и никого, он просто призывал россиян «оставить раз и навсегда модель Бога, Который за ниточку дергает человеческий род и управляет нами, как марионетками». «Надо понять, — говорил протоиерей, — что человек должен сеять добро». И неоднократно повторял слова блаженного Августина, христианского святого, жившего в Африке в IV–V вв.: «В главном — единство, в спорном — свобода, во всем — любовь». Борьбу со злом, подчеркивал он, каждый должен вести, «начиная с самого себя». Мень привел в Церковь огромное число людей, и этого не могли простить ему враги религиозной свободы. Буквально накануне принятия законов, юбилей которых мы сегодня отмечаем, ранним утром 9 сентября 1990 г., он был убит топором на лесной дорожке между домом в одном из подмосковных поселков и железнодорожной станцией, откуда

[8] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель, 1993. С. 631.

должен был выехать на службу в свой храм. Преступление осталось нераскрытым.

Смена курса

Предшествовавшее горбачевской перестройке десятилетие прошло под знаком застоя. Экономика страны пробуксовывала по причинам, останавливаться на которых мы не будем, так как они выходят за пределы темы нашей сегодняшней конференции. Полки продмагов от года к году пустели, зато в 1982 г. ЦК КПСС обрадовал советских людей Продовольственной программой, обещавшей златые горы еды. Один известный православный богослов и публицист напишет позднее в своем блоге: «В то время шутили, что нарастание дефицитов в советской экономике можно было заметить по фамилиям председателей Совета по делам религий. При Сталине-Хрущеве Карпов, при Брежневе Куроедов, в начале 80-х Харчев и в эпоху пустых перестроечных прилавков Христораднов». Между тем полки книжных магазинов ломились под весом публикаций, пропагандировавших «единственно правильное» материалистическое мировоззрение.

Ничего хорошего не просматривалось и на международном горизонте. В Европе разгорелся спор о новых советских ракетах СС-20[9], в Азии началась печальной памяти афганская война, о которой Е.М. Примаков впоследствии напишет: «Незабываем героический подвиг наших ребят, сражавшихся в Афганистане. Но это не должно уводить от трезвого анализа и того, как принималось решение о вводе войск, и того, как они там застряли на долгое-долгое время»[10]. Вашингтонские «ястребы» использовали создавшуюся ситуацию для обвинения СССР в агрессивности и вступили в

[9] Эту тему с беспрецедентной откровенностью раскрыл советский дипломат, посол по особым поручениям руководитель делегации СССР на стокгольмской конференции по разоружению, первый комсорг нашего курса во время учебы в МГИМО Олег Гриневский, не побоявшийся изложить неудобную правду партбюрократам на заседании Политбюро ЦК КПСС (Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М. : Олма, 2004. 623 с.)

[10] Из множества публикаций об этой войне я особо выделил бы книги ветерана Службы внешней разведки, бывшего резидента КГБ А.А. Жемчугова (Кому мы обязаны «Афганом». М. : Вече, 2013. 367 с.) и бывшего заместителя министра

сговор с псевдоисламскими террористами, в том числе с будущим злейшим врагом США Бен Ладеном и его «Аль-Каидой». Рейган объявил нашу страну «империей зла» и дал зеленый свет реализации программы СОИ. Мне довелось присутствовать на заседании Папской академии наук, на котором по благословению Папы Иоанна Павла II был представлен доклад о катастрофических последствиях ядерного конфликта в случае его развязывания двумя сверхдержавами. 15 декабря 1981 г. представители ПАН встретились с высшими руководителями СССР и США, причем Рейган отказался признать, что в такой войне не может быть победителя[11]. Московский Патриархат, со своей стороны, откликнулся на все более реальную угрозу катастрофы проведением в мае 1982 г. всемирной миротворческой конференции под девизом «За спасение священного дара жизни»[12].

Приближался вынесенный в заголовок книги Оруэлла 1984 год. К этому моменту в нашу реальную действительность уже вошли использованные в романе термины «холодная война», «двоемыслие», «минправды», «новояз», «большой брат». А в мир иной начали один за другим уходить давно перешагнувшие через порог выхода на пенсию и тяжело больные генсеки. Пробывший у власти 18 лет и 27 дней Л.И. Брежнев умер в ноябре 1982 г. (о его смерти было объявлено с опозданием на сутки, после того как некролог подписали все, кто имел право поставить под ним свою подпись). Сменивший его Ю.В. Андропов с лета следующего года почти не покидал постели, в последний раз провел заседание Политбюро 1 сентября 1983 г. и скончался в феврале 1984 г. Следующему генсеку К.У. Черненко было суждено пробыть на этом посту чуть больше года, и почти все это время он находился на больничной койке. При нем было предпринято несколько неудавшихся попыток

обороны России, Героя Советского Союза, генерал-полковника Б.В. Громова (Ограниченный контингент. М. : Прогресс, 1994. 354 с.)

[11] Подробнее об этом см.: Красиков А.А. Ватиканский репортаж. М. : Советская Россия, 1990. С. 91–96.

[12] Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы. М. : Издание Московской Патриархии, 1983. 232 с.

реабилитировать Сталина, но при нем же была напечатана антисталинская повесть Бориса Васильева «Завтра была война».

Система ротации на вершине власти геронтократов — претендентов на захоронение у стен Кремля явно себя дискредитировала, и к решению проблемы руководства страной подключились ученые. Незадолго до явно приближавшейся кончины Черненко руководители академических институтов Е.М. Примаков и Т.Т. Тимофеев, с одной стороны, еще один мой однокурсник (и тезка) Ан.А. Громыко и А.Н. Яковлев, с другой, конфиденциально обсудили между собой перспективы выдвижения более энергичного политического деятеля, готового вывести страну из деградации. В итоге все они остановились на имени самого молодого члена Политбюро М.С. Горбачева. Было условлено, что с ним самим на эту тему поговорит хорошо знавший его Яковлев, а Громыко-младший прозондирует настроения пользовавшегося уважением в СССР и за рубежом отца. Министр иностранных дел (с 1957 г.) и член Политбюро (с 1973 г.) ответил сыну, что не имеет ни малейших намерений претендовать на пост генсека, а узнав о позиции ученых, обещал не только поддержать, но и лично выдвинуть кандидатуру Горбачева. Что он и сделал 30 лет назад, в марте 1985 г.[13]

Как бы ни относиться к фигуре последнего советского лидера, именно он взял на себя ответственность за достижение компромисса с Западом, позволившее остановить сползание к ракетно-ядерному апокалипсису. Многие считают сегодня заплаченную за это цену слишком высокой, как если бы мы ничего от снижения военной угрозы не выиграли. Факт, однако, остается фактом: и международный, и гражданский мир в России и за ее пределами были сохранены, а это значит, что остались живыми миллионы людей — и у нас, и за рубежами нашей страны. И на этом Горбачев не остановился. Вторым по значимости прорывом к нормальной человеческой жизни стала провозглашенная и реально проведенная им в жизнь гласность. Открыв двери Гулага материального, который

[13] Громыко Ан.А. Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына. М. : Научная книга, 2009. С. 139–165.

был ярко описан лишенным в 1974 г. советского гражданства и высланным за рубеж Солженицыным, последний руководитель СССР разрушил Гулаг духовный, чье строительство началось еще в 1917 г. (26 октября по старому стилю была закрыта кадетская газета «Речь», а летом 1918 г. — все оппозиционные газеты, включая горьковскую «Новую жизнь»).

Из открытых (или хотя бы приоткрытых) Горбачевым архивов мы узнали имена людей и названия структур, породивших тотальную советскую цензуру. 6 июня 1922 г. декретом Совнаркома при Наркомпросе было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). В 1923 г. жена Ленина Н.К. Крупская подписала инструкцию, согласно которой изымаемые из открытого доступа книги «должны храниться в закрытых шкафах и выдаваться исключительно для научных и литературных работ». Высшей мерой наказания по приговору цензоров становится уничтожение книг, и к ней присуждается вся религиозная литература. А в нормативные документы включается фраза: «Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги»[14]. С отменой цензуры на головы думающей части общества обрушилась лавина имен дореволюционных и послереволюционных писателей (сначала в репринтном варианте, чуть позже — в новых публикациях). В одночасье стали доступны Библия и книги выдающихся русских и зарубежных богословов прошлого.

Встретившись перед празднованием 1000-летия крещения Руси с Патриархом Пименом и членами Священного синода РПЦ, Горбачев сказал им: «Верующие — это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. Перестройка, демократизация, гласность касаются и их, причем сполна, без всяких ограничений. В особенности это относится к сфере нравственности, где общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу. Точек соприкосновения для заинтересованного и, надеюсь, плодотворного

[14] URL: http://lib.ru/POLITOLOG/s_specchran.txt_Ascii.txt

диалога у нас очень много. У нас общая история, одно Отечество и одно будущее». После чего сообщил о решении приступить к разработке закона о свободе совести. Мне довелось стать свидетелем этой встречи в Кремле (я присутствовал на ней в качестве зам. директора ТАСС, отвечавшего за освещение юбилейных торжеств), и помню, какими многозначительными взглядами обменялись собеседники генсека ЦК КПСС. Они поняли, что в жизни Церкви и государства грядут перемены поистине эпохального характера.

Инициировав сверху процесс поистине исторических перемен, направленных на демонтаж тоталитарного режима государственного атеизма, Горбачев, однако, постоянно проявлял колебания и непоследовательность. В своей программной книге он назвал идейным источником перестройки обращение к Ленину, который, как мы сейчас знаем из рассекреченных архивных документов, призывал к физической расправе над служителями церкви, после чего снова вернулся к этому тезису, заявив, что «нами движут идеи Октября»[15]. Даже ближайшие сотрудники генсека отметили склонность инициатора перестройки к длинным и бессодержательным речам и к противоречивым действиям, которые демонстрировали отсутствие сколько-нибудь четкой программы реформ. По убеждению А.С. Черняева, его первого помощника, «Горбачев переоценил свои возможности довести начатое дело до очевидного успеха. Он был инициатором. В этом его подвиг. Но ему не хватило какого-то внутреннего импульса ограничить «срок» своего подвига и вовремя отойти в сторону, когда стало ясно, что процессы, вызванные им самим к жизни, перехлестывают через него и начинают топить»[16]. А выдвинувший Горбачева на вершину власти А.А. Громыко, не считая свой поступок ошибкой, в то же время с сожалением констатировал: «Не по Сеньке оказалась шапка»[17].

[15] Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М. : Политиздат, 1987. С. 20 и 268.
[16] Полный текст дневника А.С. Черняева размещен в Интернете.
[17] Громыко Ан.А. Указ. соч. С. 244.

Принятие законов и их воплощение в жизнь

Последние месяцы перестройки прошли под знаком острого соперничества между Горбачевым и другим выходцем из провинциальной партийной номенклатуры, его ровесником Ельциным. В 1990 г. претендент на первую роль в советской политике выпустил собственную книгу (еще одно достижение гласности!), в которой подверг действующего лидера уничтожающей критике. Сообщив, что высказал около двадцати критических замечаний при обсуждении на заседании Политбюро проекта доклада генсека о 70-летии Октября, он добавил: «Концепция перестройки оказалась непродуманной. В большой степени она выглядела как набор новых звучных лозунгов и призывов… Когда я читал книгу «Перестройка и новое мышление», у меня не сложилось впечатления теоретической цельности этой работы… Есть только лозунги. Сначала пустопорожность наших заседаний была не так заметна, но чем дальше, тем яснее становилось, что наша деятельность зачастую бессмысленна. Горбачев все больше любовался собой, своей речью — округло говорить он любит и умеет, было видно, что власть его захватывает, он теряет чувство реальности».

Будущий Президент Российской Федерации затронул и тему государственно-конфессиональных отношений. Он констатировал, что «с большим трудом и только сейчас церковь начала приходить в себя после жесточайших ударов, наносимых по ней многие десятилетия». «Сегодня, — продолжал Ельцин, — церковь начала выздоравливать. И я уверен, наступит момент, когда церковь придет на помощь обществу со своими вечными общечеловеческими ценностями»[18]. В мае 1990 г. Ельцин был избран Председателем

[18] Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. Л. : Советский писатель, 1990. С. 11–12, 17, 176. В своей первой книге будущий Президент РФ рассказывает и о другом любопытном эпизоде своей биографии. Выходец, как и Горбачев, из деревенской семьи, он едва не погиб, когда подвыпивший батюшка уронил новорожденного в крестильню. Родители сначала не поняли, в чем дело, а потом мама подскочила, поймала «где-то на дне» и вытащила. «Не могу сказать, — пишет Ельцин, — что после этого у меня сложилось какое-то определенное отношение к религии. Но тем не менее такой курьезный факт был. Кстати, батюшка не расстроился. Сказал: ну, раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий и нарекается у нас Борисом».

Верховного Совета Российской Федерации, а осень того же года принесла с собой сразу два закона: общесоюзный «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября) и российский «О свободе вероисповеданий» (он был принят 25 октября). Первый из них так и остался фактически невостребованным: избранный 12 июня 1991 г. Президентом РФ Ельцин взял курс на развал СССР, который и стал реальностью в декабре[19]. Второй, почти идентичный первому, декларировал право каждого свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства. Как следовало из текста закона, его основной целью была защита прав человека, которые принадлежат каждому от рождения. Регистрация религиозных организаций (вернее, их уставов) приобретала заявительный характер. Особо подчеркивалось, что «государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения».

Все это не означало, конечно, что как сам вступивший в силу российский закон, так и основанная на его положениях правоприменительная практика были лишены недостатков. Закон готовился в спешке, в условиях развернувшегося противостояния между союзным центром и Россией, и многие его формулировки требовали дополнительной проработки и уточнения. Начиная с названия, сводившего свободу совести к защите прав верующих, хотя на самом деле это понятие не в меньшей степени касалось нерелигиозной части граждан страны. За внесение в закон поправок, не менявших его существа, выступило и большинство составителей документа[20].

Политическая оппозиция попыталась перехватить у высшего руководства страны симпатии РПЦ и с этой целью развернула кампанию за ограничение свободы деятельности неправославных общин

[19] См.: Распад СССР. Документы. М. : ИВИ РАН, 2006. 286 с.

[20] Подробный анализ государственно-конфессиональных отношений в первом 20-летии свободы представлен в коллективной монографии «Двадцать лет религиозной свободы в России» (М. : РОССПЭН, 2009. 399 с.)

верующих. Первой огонь по закону открыла газета «Правда». Она выступила с утверждением, будто на Россию вот-вот обрушатся 200 тысяч христианских проповедников из США, которые создадут столько же новых религиозных общин. Ту же цифру повторила «Советская Россия». Очень скоро, однако, стало ясно, что это утверждение, мягко выражаясь, преувеличено. Хотя иностранные миссионеры действительно приезжали в нашу страну и через переводчиков пытались рассуждать, чаще всего наивно и неумело, о необходимости возрождения христианской духовности.

20 апреля 1993 г. по инициативе сторонников свободы совести была проведена встреча Ельцина с руководителями различных общин верующих. Он сразу же предостерег от попыток подключить к борьбе с конкурентами государство, как это и предлагали «Правда» и «Советская Россия». С других позиций выступил В.Е. Логвиненко, который возглавлял Совет церквей евангельских христиан-баптистов с 1979 г., то есть со времен Брежнева. Он высказался за запрет деятельности зарубежных миссионеров на территории России. Баптистского лидера активно поддержал другой ветеран системы государственно-конфессиональных отношений, созданной в годы советской власти, муфтий из Уфы Талгат Таджуддин. За принятие мер запретительного характера выступил и председатель профильного Комитета Верховного Совета В.С. Полосин, позднее перешедший в ислам.

Более нюансированную позицию занял взявший слово одним из последних Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он тоже выразил озабоченность отсутствием какой-либо регламентации приезда и деятельности религиозных миссионеров из-за рубежа, однако упор сделал на другом, а именно на необходимости постепенного возмещения государством того ущерба, который оно нанесло религиозным организациям страны в годы советской власти. Эта позиция и была поддержана Президентом. Подытоживая состоявшийся обмен мнениями, он заявил, что государство готово оказывать помощь общинам верующих, не вмешиваясь при этом в их внутренние дела. Ровно три дня спустя, 23 апреля 1993 г., Ельцин подписал распоряжение «О передаче религиозным организациям

культовых зданий и иного имущества». Соответствующие поручения были даны Правительству, которое в следующем году создало специальную Комиссию по вопросам религиозных объединений, куда вошли представители различных министерств и ведомств. Перед Комиссией была поставлена задача готовить предложения по урегулированию вопросов материального характера, поднимаемых религиозными объединениями.

В дискуссию о государственно-конфессиональных отношениях включился и Верховный Совет России, который приступил к подготовке поправок к закону 1990 г. Работа эта, проходившая под знаком конфронтации с курсом Президента Ельцина, продвигалась быстро, и к лету того же 1993 г. был подготовлен законопроект, который изымал из закона 1990 г. статью, провозглашавшую юридическое равенство религиозных объединений. Одновременно в закон предлагалось включить положения, ограничивавшие свободу вероисповедания иностранных граждан. Была также добавлена статья о неодинаковом отношении государства к различным религиозным объединениям. Возникший тогда спор Президента и Верховного Совета во главе с Р.И. Хасбулатовым о судьбах реформ и разделении властей в России задержал разработку окончательного текста закона. Документ этот оказался заложником гораздо более широкого комплекса проблем, поставивших Россию на грань гражданской войны. Его последний вариант был принят при свечах в блокированном сторонниками Ельцина и обесточенном ими здании Белого Дома, подписан А.В. Руцким, но так и остался клочком бумаги. Отвечая в этом году на вопрос о главной опасности для общества, Патриарх Алексий II сказал: «Опасность пролития крови. Кровь всегда разделяет. А второе — распад России на удельные княжества»[21].

Одобренная на референдуме в декабре 1993 г. Конституция РФ открыла новый этап в усилиях по созданию в нашей стране открытого гражданского общества. 1994 г. прошел под знаком своеобразной передышки. Двухпалатное Федеральное Собрание (Государственная

[21] Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М. : Издательский совет РПЦ, 2004. С. 229.

Дума и Совет Федерации), которое после бурной осени 1993 г. и принятия новой Конституции заменило прежний Верховный Совет, училось жить в условиях изменившегося распределения функций между основными ветвями власти в пользу Президента. Это дало Правительству возможность заняться разработкой собственного проекта закона о внесении поправок в закон 1990 г. Что касается президентской Администрации, в ней сформировались две «группы давления», занявшие диаметрально противоположные позиции по вопросу о подходах к реализации свободы совести.

В этих условиях Б.Н. Ельцин согласился с разработанным группой юристов при моем участии предложением о создании специального консультативного органа — Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, куда вошли бы духовные руководители большинства верующих россиян. Нам представлялось жизненно важным собрать вместе представителей всех наиболее распространенных в России вероисповеданий на высоком уровне с тем, чтобы они могли готовить свои рекомендации как по проблемам церковно-государственных взаимоотношений, так и по другим вопросам внутренней и внешней политики России. Созданием Совета, по нашему мнению, решались бы сразу три задачи: а) обеспечение реальной практической возможности многостороннего диалога религиозных структур с руководством государства, б) проведение встреч религиозных деятелей за одним столом с тем, чтобы они, глядя друг другу в глаза, обретали навыки терпимости и опыт договоренности о сосуществовании и сотрудничестве всех верующих и неверующих россиян, в) оказание квалифицированной помощи составителям новых законодательных актов, призванных улучшить действующий закон «О свободе вероисповеданий».

В Совет, персональный состав которого был утвержден Президентом, вошли члены Священного синода РПЦ митрополиты Кирилл и Ювеналий, руководители двух самостоятельных структур старообрядцев, два мусульманских муфтия, руководители российских католиков, Союза церквей евангельских христиан-баптистов, Униона (союза) объединений церкви

адвентистов седьмого дня, епископ пятидесятников, суперинтендант Евангелическо-лютеранской церкви, главный раввин России, хамба лама буддистов. В него были введены также помощник Президента Л.Е. Суханов для постоянного контакта с Б.Н. Ельциным и автор этих строк — ответственный секретарь, призванный обеспечивать решение организационно-технических вопросов через соответствующие структурные подразделения Администрации. Совет мог приглашать на свои заседания представителей религиозных объединений, не входящих в его состав, а также сотрудников федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений, научных учреждений и организаций.

Повседневная работа с религиозными организациями проходила в обстановке «разномыслий» в Администрации Президента и в других государственных структурах. Так родилась идея включить в состав Совета большую группу представителей различных государственных структур, что в корне противоречило нашей первоначальной задумке. Противостоять реализации этой идеи мне было сложно, тем более что приближалось наступление (в августе) моего 65-летнего возраста, предельного для пребывания на государственной службе. В начале февраля 1996 г. я передал через Л.Е. Суханова заявление главе государства с просьбой об отставке, но меня попросили остаться на работе до приближавшихся президентских выборов. В августе я покинул Администрацию и в порядке перевода был принят на работу в Институт Европы РАН в качестве руководителя Центра по изучению проблем религии и общества. А полгода спустя по благословению председателя ОВЦС митрополита Кирилла согласился на избрание президентом Ассоциации религиозной свободы, в которую вхожу и в настоящее время. Но это уже другая история — история Русского мира — «цивилизации более широкой, чем Российская Федерация»[22]. Я же рад, что созданный 20 лет назад Совет по взаимодействию активно функционирует по сей день.

[22] Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Русский мир — особая цивилизация. М. : Патриархия.ru, 8 сентября 2014 г.

С.И. Иваненко[1]

Большое спасибо, уважаемые коллеги. Я позволю себе краткую реплику, связанную с тем, как более активно и действенно мог бы реализовываться потенциал религиозных организаций в борьбе с наркоманией. Проблема это острая, у нас, по данным специалистов, примерно полтора миллиона граждан систематически употребляют наркотики. И за прошедшие годы, когда религиозные организации получили возможность активно заниматься социальной деятельностью, благотворительностью и в том числе противодействовать наркомании, ими были достигнуты значительные результаты.

Но надо сказать, что результаты эти неоднозначны. Русская Православная Церковь в 2010 г. заключила соглашение с Государственным антинаркотическим комитетом. И этот факт, а также общий потенциал, авторитет Русской Православной Церкви, он приводит к тому, что антинаркотические центры Русской Православной Церкви развиваются успешно. Они не встречают какого-либо противодействия со стороны органов власти, напротив, получают систематическую поддержку. Сейчас, по последним данным, у нас 63 таких антинаркотических центра, общая их вместимость примерно тысяча человек, и до конца года будет открыто еще 15 антинаркотических центров Русской Православной Церкви.

Что касается других религиозных организаций, то многие из них так же активно включились в борьбу с наркоманией, в том числе в создание соответствующих антинаркотических центров, реабилитационных центров. В частности, епископ Константин Бендас упоминал в одном из своих выступлений, что в их Объединенном союзе христиан веры евангельской (пятидесятников) до 500 таких центров, и их общая вместимость — до 30 тысяч человек.

[1] **Иваненко Сергей Игоревич — доктор философских наук, религиовед.**

Но поскольку нет соответствующего соглашения с Государственным антинаркотическим комитетом у протестантов, там много трудностей. И как мне представляется, тот потенциал, которым обладают в том числе протестантские религиозные организации, он недостаточно полно и эффективно реализуется в этой достаточно острой, драматичной сфере, которой является борьба с наркоманией.

И я не могу не вспомнить прозвучавшие здесь мысли отца Всеволода Чаплина о том, что надо заглянуть в следующие 25 лет реализации нашего законодательства о свободе совести и деятельности религиозных объединений. Мне бы хотелось, чтобы в следующие 25 лет те религиозные организации, руководители и представители которых вошли в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениям при Президенте Российской Федерации, получили возможность беспрепятственно заключать различные соглашения о сотрудничестве с органами государственной власти, в том числе и в сфере противодействия наркомании, чтобы сам факт, что какая-то религиозная организация является участником работы Совета по взаимодействию с религиозными объединениям при Президенте России, был уже достаточной гарантией того, что это авторитетная, законопослушная и социально активная организация для органов государственной власти.

Большое спасибо за внимание!

Ш.Р. Кашаф[1]

Императив примата свободы совести и вероисповедания в условиях формирования правовой защищенности верующих-мусульман в России

Уважаемые организаторы и участники конференции! Позвольте от имени председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, муфтия шейха Равиля Гайнутдина и его первого заместителя Дамира-хазрата Мухетдинова, который, как планировалось, должен был участвовать в конференции, но в связи с тем, что они оба находятся в отъезде по служебной необходимости, приветствовать вас традиционным мусульманским приветствием Ассаляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатуху — Мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

Четверть века назад наша страна предприняла важный исторический шаг, признав неотъемлемое право граждан на свободу совести и вероисповедания. В результате этого решения миллионы мусульман Российской Федерации, как и другие граждане страны, идентифицирующие себя с той или иной религиозной группой, уже второе поколение подряд могут свободно исповедовать свою религию, не подвергаясь при этом дискриминации со стороны государства по причине своих религиозных убеждений. Тогда как каждый третий человек в мире, согласно данным за 2012 г. представителя

[1] **Кашаф Шамиль Равильевич — начальник Отдела по взаимодействию с государственными, общественными организациями и религиозными объединениями Духовного управления мусульман Российской Федерации.**

Святого Престола при ООН архиепископа Сильвано Томази, не может свободно исповедовать свою религию[2].

Напротив, духовный лидер российских мусульман муфтий Равиль Гайнутдин в своих публичных выступлениях неоднократно подчеркивал, что религия ислам никогда за всю историю России не имела такого высокого правового статуса и не была защищена федеральным законом, как на сегодняшнем этапе. Ислам в России, как следует из дискурса главы российского государства В. В. Путина последнего времени, является неотъемлемой, органичной частью духовного пространства России и ее истории. Ислам в нашей стране трактуется высшей политической элитой не иначе, как яркий элемент российского культурного кода[3].

С этим теперь трудно не согласиться, хотя в советскую эпоху на изучение исламского наследия и настоящей жизни мусульманского сообщества на бывшем российском и советском пространстве существовал негласный запрет[4]. И даже несколько лет назад в публичном пространстве в целом ряде научно-исследовательских работ можно было встретить формулировки, описывавшие ислам в духе представителей государственной элиты России начала XX в. и связанных с ними научных кругов, которые «не могли рассматривать ислам и исламский мир иначе как фактор дестабилизации сложившегося статус-кво»[5].

---

[2] Ковалева А. Более 2.2 млрд человек во всем мире не могут свободно исповедовать свою религию // Седмица.ру : сайт церковно-научного центра «Православная энциклопедия». 2012. 5 марта. URL: http://www.sedmitza.ru/text/2835585.html (дата обращения: 24.05.2015).

[3] Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России // Президент России : Официальный сайт. 2013. 22 октября. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19473 (дата обращения: 24.05.2015).

[4] Алексеев И.Л. В поисках «хорошего Ислама»: Ислам и исламоведение между диалогом культур и «столкновением цивилизаций» // Ислам в современном мире. 2006. № 5–6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?394 (дата обращения: 24.05.2015).

[5] Алексеев И.Л. Ислам, мусульманское общественное движение и проблемы управления мусульманским населением внутренних губерний России в начале XX в. в ракурсе российской административной элиты // IslamRF.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.islamrf.ru/news/culture/history/1608 (дата обращения: 24.05.2015).

Сегодня наша реальная жизнь фактически оставляет все меньше аргументов говорить о российском мусульманстве как о зависимой и подчиненной социокультурной группе. Легитимно существующие институты мусульманского сообщества вносят существенный вклад в деятельность равноположенных субъектов формирования российской государственной идентичности. Мусульмане активно участвуют в реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, обогащают в соработничестве с приверженцами других традиционных религий культурно-цивилизационный синтез народов поликонфессиональной и многонациональной страны. «Для всех народов России их страна — это их родной дом, другого нет, — подчеркивается во вступительном слове Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. — А потому каждый народ должен чувствовать себя по-настоящему дома, в безопасности, в доброжелательном окружении многонационального общества»[6].

Несомненно, сегодня РПЦ, занимающая доминирующее положение среди других российских институционализированных конфессий, все больше и больше входит в политический процесс на положении субъекта политического целеполагания, а ее высшие иерархи отчетливо и масштабно артикулируют в публичной сфере позицию самой крупной автокефальной поместной православной церкви в мире. Мусульманские централизованные религиозные организации, представляющие традиционный ислам в России, который не располагает жестко институционализированной иерархичной структурой, но при этом, в отличие от большинства европейских стран, отмечен институционализированным взаимодействием с государством, в последние годы также высказывают свою обеспокоенность выявляющейся в крайне обостренной форме проблемой поиска путей сохранения цивилизационной,

[6] Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского патриархата Русской православной церкви. 11 ноября 2014 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html (дата обращения: 24.01.2015).

национальной и религиозной идентичности, укрепления традиционных социальных институтов. И голос духовных лидеров российских мусульман по ключевым темам общероссийской повестки все чаще звучит в унисон с мнением православных архипастырей, дополняя друг друга.

Об абсолютной совместимости позиций двух ведущих авраамических традиций в России по многим принципиальным вопросам, которые были заявлены в программах XXIII Международных Рождественских образовательных чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» (21 января 2015 г., Москва) и X Международного мусульманского форума (10–12 декабря 2014 г., Москва), свидетельствуют основные тезисы докладов на пленарных заседаниях Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и главы Духовного управления мусульман Российской Федерации, председателя Совета муфтиев России, муфтия шейха Равиля Гайнутдина.

В понимании Патриарха Кирилла у российского общества, оказавшегося в очередной раз перед лицом мировоззренческой дилеммы, когда сохранению верности российским идеалам и ценностям, сбережению главного богатства страны, именуемого главой РПЦ как «благословенное духовное единство наших народов», противостоит соблазн «"сдать" свой духовный суверенитет силам иного полюса, отказаться от своей национальной и культурной идентичности, лишь бы сохранить возможность удовлетворять свои материальные потребности, лишь бы избежать неких санкций и ограничений»[7], есть единственно возможный цивилизационный выбор.

Следуя такому ценностно-мировоззренческому императиву, как представляется муфтию Равилю Гайнутдину, возможно и даже необходимо противопоставить «идеологическое, а в случае реальной угрозы безопасности личности, семье, Родине — и физическое

[7] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений // Официальный сайт Московского патриархата Русской православной церкви. 21 января 2015 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html (дата обращения: 24.05.2015).

противодействие» нападающему на традиционные ценности россиян ультралиберализму, для которого в современной его интерпретации все более присущи черты индивидуализма, эгоцентризма, ориентация на материальный мир, проповедничество стяжательства и обогащения во имя личных целей, стирание культурного разнообразия и унификация человечества, поразивший его кризис духовности[8].

Такой подход духовных лидеров позволяет говорить о наличие той объединительной основы, на которой сегодня выстраивается защита нации, ее духовная безопасность, скрепляемая союзом православия, ислама и других традиционных для России конфессий и деноминаций во взаимодействии с органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Неслучайно, что оба крупных религиозно-общественных форума, обратившихся к актуальным глобальным вызовам современности, привлекли к себе внимание высшей политической элиты России. Пожелания успешной работы его участникам и почетным гостям выразили Президент Российской Федерации В.В. Путин и руководитель Администрации Президента С.Б. Иванов, направившие свои приветствия соответственно в адрес организаторов Рождественских чтений[9] и международной встречи мусульман[10].

Сам факт проведения крупного мусульманского религиозно-общественного форума органично вписывается и в комплекс основных задач в области международного сотрудничества, которые следует решать при реализации национальной политики страны. Так, в принятой Указом Президента РФ от 19 декабря

[8] Муфтий Равиль Гайнутдин: Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014. 10 декабря. URL: http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803 (дата обращения: 24.05.2015).

[9] Приветствие Президента РФ В.В. Путина участникам XXIII Международных Рождественских чтений // Официальный сайт Московского патриархата. 2015. 21 января. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3958464.html (дата обращения: 24.01.2015).

[10] Сергей Иванов: Результаты X Международного мусульманского форума послужат укреплению мира // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014. 17 декабря. URL: http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8828 (дата обращения: 24.05.2015).

2012 г. № 1666 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в числе приоритетных задач называются: «использование ресурса общественной дипломатии… как средства установления межцивилизационного диалога»; наращивание сотрудничества с международными организациями в целях недопущения различных форм дискриминации, в том числе по признакам религиозной принадлежности; обеспечение во взаимодействии с ними отношений партнерства, направленных на «поддержание инициатив институтов гражданского общества во взаимодействии с Русской православной церковью и другими традиционными конфессиями страны в сфере национальной политики»[11].

О том, что современное законодательство светского государства не вступает в противоречие законам шариата, а, наоборот, помогает российским мусульманам на практике реализовывать свою жизнь в соответствии с их религиозными убеждениями, заявляют и авторитетные специалисты-исламоведы. Так, по мнению одного из разработчиков проекта единой социальной доктрины российских мусульман, заместителя директора Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования Али Вячеслава Полосина, такой свободы, как в Российской Федерации, которая в настоящее время дает огромную свободу мусульманам в исповедовании своей религии, «вообще трудно в мире где-то найти»[12].

Немаловажно, что работа над совершенствованием законодательной базы, регулирующей деятельность религиозных организаций, действующих в стране, не останавливалась на протяжении прошедших 25 лет. С большим воодушевлением последователи ислама в России восприняли принятие Федерального закона от

[11] Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : Официальный сайт. 2012. 19 декабря. URL: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 24.05.2015).

[12] На пленарном заседании в Махачкале обсудили нормы ислама и законы светского государства // РИА Дагестан : сайт. 2013. 29 сентября. URL: http://www.riadagestan.ru/news/society/na_plenarnom_zasedanii_v_makhachkale_obsudili_normy_islama_i_zakony_svetskogo_gosudarstva (дата обращения: 24.05.2015).

30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Благодаря этому законодательному акту Духовное управление мусульман РФ получило правовую основу для возвращения верующим нескольких культовых сооружений, имеющих историческое значение для уммы.

Последнее время было отмечено результатами плодотворного обсуждения поправок в Уголовный кодекс в связи со случаями оскорбления чувств верующих. В Государственной Думе ФС РФ состоялся «круглый стол» с участием представителей Минобрнауки России, на котором были рассмотрены изменения в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Этому событию предшествовало открытое письмо председателя Духовного управления мусульман РФ и Совета муфтиев России Р. Гайнутдина, члена Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, с просьбой, обращенной к главе государства В.В. Путину, защитить право российских мусульманок носить хиджаб в образовательных учреждениях[13].

С подписанием Федерального закона от 6 апреля 2015 г. № 80-ФЗ были внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 26.03.2000 № 45-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в некоторые другие законодательные акты. В их обсуждении смогли активное участие принять ответственные сотрудники ДУМ РФ[14], а суть принятых поправок была оперативно и доходчиво донесена до сознания верующих мусульман высококвалифицированными экспертами, консультирующими

[13] Муфтий Гайнутдин направил Владимиру Путину письмо в защиту платка // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 3 февраля. URL: http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8956 (дата обращения: 24.05.2015).

[14] Дамир Мухетдинов принял участие в заседании Комиссии Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 18 февраля. URL: http://dumrf.ru/regions/77/event/9015 (дата обращения: 24.05.2015).

Духовное управление по вопросам совершенствования российского законодательства[15].

Следует особо отметить, что Духовным управлением мусульман Российской Федерации и Советом муфтиев России уделяется достаточно много внимания теме правового просвещения как духовенства на местах с целью соответствия деятельности местных и централизованных религиозных организаций российскому законодательству, так и эффективной, грамотной защите прав мусульман. С этой целью Издательским домом «Медина», активно реализующим свои проекты под эгидой ДУМ РФ, выпускаются книги известных российских религиоведов[16] и исламоведов[17]. Для преподавания на проводимые нами курсы повышения квалификации мусульманского духовенства приглашаются представители федеральных органов власти, министерств и ведомств.

В 2015 г. впервые в практике проведения курсов переподготовки российских имамов в качестве лекторов были приглашены религиозные деятели, представляющие немусульманские религиозные организации и общины (отец Р. Богдасаров, раввин А. Гуревич, отец И. Ковалевский, священник С. Ряховский), члены сразу трех Советов при Президенте Российской Федерации — по межнациональным отношениям (Л.М. Дробижева, В.А. Михайлов), по взаимодействию с религиозными объединениями (Р. Гайнутдин, И. Ковалевский, С. Ряховский) и по развитию гражданского общества и правам человека (В. Ряховский), члены Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций и др.[18]

---

[15] Новые поправки в законодательстве о религиозных объединениях // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 11 апреля. URL: http://dumrf.ru/regions/77/event/9199 (дата обращения: 24.05.2015).

[16] См., напр.: Шахов М.О. Мусульманские религиозные объединения в Российской Федерации и закон. М.–Н. Новгород : ИД «Медина», 2012.

[17] См., напр.: Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. М. : ИД «Медина», 2015.

[18] В Москве стартовали курсы повышения квалификации для имамов // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 20 апреля. URL: http://dumrf.ru/regions/77/event/9229 (дата обращения: 24.05.2015).

Необходимо также подчеркнуть, что практика обсуждения и консультаций с представителями религиозных организаций при разработке законопроектов, тем или иным образом касающихся прав верующих, с каждым годом расширяется и укрепляется. К рассмотрению злободневных вопросов на экспертных площадках Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, Консультативного совета при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями, Комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации приглашаются представители крупнейших централизованных религиозных организаций — ДУМ РФ и Совет муфтиев России. Взаимодействие с ними дает возможность централизованным религиозным организациям мусульман донести до парламентариев и исполнительной власти свою позицию по тем или иным законодательным инициативам, а также по сложностям правоприменительной практики.

С особым удовлетворением следует отметить и тот факт, что заметно активизировалось взаимодействие ДУМ РФ с представителями духовенства четырех традиционных конфессий России (православия, ислама, иудаизма и буддизма) в формате Межрелигиозного совета России (МРС), соучредителем и инициатором создания которого в 1998 г. является Совет муфтиев России. На основе продуктивного обмена мнениями МСР вырабатывает консолидированную позицию по вопросам соблюдения прав верующих. В частности, это мы могли наблюдать 26 марта 2015 г., когда Межрелигиозный совет России, собравшийся на свое первое заседание в Москве в Государственной Думе, смог единогласно принять ряд заявлений — в связи с дискуссиями вокруг внешнего выражения религиозности, об опасности осквернения священных символов, а также инициированное Духовным управлением

мусульман РФ заявление[19], в котором дается оценка происходящим на Ближнем Востоке событиям и их освещению в российских средствах массовой информации. Последний документ содержит призыв к СМИ проявлять больше ответственности, имея дело с распространением информации о запрещенных в России международных террористических организациях, чья деятельность и наименования затрагивают чувства верующих мусульман и дискредитируют понятия «ислам» и «государство».

Ранее официальный представитель ДУМ РФ в составе МСР Дамир Мухетдинов подчеркивал особую остроту и злободневность данной проблемы на Комиссии по международному сотрудничеству Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (далее — Совет), заседавшей 19 марта 2015 г. под руководством председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона в присутствии заместителя начальника Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике М.В. Белоусова, референта Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, ответственного секретаря Совета (заместителя председателя Комиссии) С.А. Мельникова и др.[20]

Высказанная на заседании Комиссии позиция ДУМ РФ сводилась к тому, чтобы и его участники, и члены Межрелигиозного совета России также смогли разделить обеспокоенность российского мусульманства притеснениями на Ближнем Востоке не только их единоверцев, но и представителей других конфессий и с вниманием отнестись к предложению Духовного управления к российским СМИ о замещении в информационной сфере

[19] Межрелигиозный совет России принял инициированное ДУМ РФ заявление в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 27 марта. URL: http://dumrf.ru/regions/77/event/9132 (дата обращения: 24.05.2015).

[20] В ОВЦС прошло первое заседание Комиссии по международному сотрудничеству Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации // Официальный сайт Московского Патриархата Русской православной церкви. 2015. 19 марта. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4015837.html (дата обращения: 24.05.2015).

полного и сокращенного названий террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) оригинальной арабской аббревиатурой ДАИШ, не производя ее расшифровки и перевода на русский язык.

Такое вытеснение из информационного пространства растиражированных СМИ самоназваний экстремистских организаций, дискредитирующих ислам и понятие государства, а также отаббревиатурных производных типа «игиловцы», «иговцы» и др., количество упоминаний которых на телевидении и в интернете производит эффект настоящего «аббревиатурного взрыва», позволит содействовать обеспечению информационной безопасности нашей страны. Эту инициативу Духовного управления следует рассматривать и как необходимую меру по защите традиционных ценностей граждан России, все большую угрозу которым создает — и не всегда бездумное — многократное упоминание в публичной медиасфере несуществующего образования «Исламское государство», являющегося серьезным вызовом для безопасности России.

В итоге 26 марта 2015 г. инициативно подготовленный ДУМ РФ документ[21] получил одобрение всех участников расширенного заседания Межрелигиозного совета России, прошедшего под руководством председателя Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина и при поддержке межфракционной депутатской группы по защите христианских ценностей, объединяющей парламентариев от всех четырех фракций Государственной Думы Федерального Собрания.

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы неверным представлять картину правовой защищенности верующих-мусульман в России как абсолютно благостную. Из ключевых правовых и правоприменительных проблем, требующих безотлагательного разрешения, можно назвать три: запреты российскими судами мусульманской религиозной литературы; запретительные меры, принятые в

[21] Заявление в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением // Официальный сайт Межрелигиозного совета России. 2015. 26 марта. URL: http://interreligious.ru/dokumenty/terrorizm-i-islam (дата обращения: 24.05.2015).

отдельных регионах России в отношении права верующих учениц покрывать свою голову платками, находясь в общеобразовательных учебных заведениях, а также трудности с разрешением строительства новых мечетей.

Глава ДУМ РФ Равиль Гайнутдин неоднократно высказывался с предложением о корректировке процедуры внесения новых позиций в Федеральный список экстремистских материалов, подчеркивая, что большая часть возникающих сегодня казусов судебной системы происходит из-за низкого качества экспертизы текстов. В результате недобросовестной работы отдельных специалистов, привлекаемых для экспертной оценки переводов на русский язык классических образцов мусульманского богословия, а также сочинений современных российских богословов, десятки книг на мусульманскую религиозную тематику районными судами — спешно и с грубыми нарушениями норм процессуального права при принятии решения — вносятся в Федеральный список экстремистских материалов, а затем, после принесения соответствующих протестов, из него исключаются[22].

Очевидно, что неправомерные судебные решения, делающие классические труды мусульманских богословов средневековья, ценимые и почитаемые во всем исламском мире, и даже тексты перевода Священного Корана не просто вне закона, но и подлежащими к уничтожению вместе с арабскими оригиналами, не только будоражат все мусульманское сообщество России, но и провоцируют в дальнейшем повальные запреты вероучительных текстов всех религий. По мнению руководства ДУМ РФ, создание подобных прецедентов может неминуемо вызвать «падение авторитета государства в глазах практикующих верующих»[23]. Отметим, что высшее руководство страны также находит малоэффективность практики запрета религиозной литературы, актуализируя решение проблемы, связанной с переводом на русский язык богословских и популярных изданий зарубежных авторов, обеспечения научного

[22] Оренбургский областной суд оправдал большую часть мусульманских книг, ранее признанных экстремистскими // Мусульмане России : Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 27 февраля. URL: http://www.dumrf.ru/regions//event/9041 (дата обращения: 24.05.2015).

[23] Там же.

перевода на русский язык ключевых мусульманских вероучительных текстов[24].

Мы надеемся, что образованная Российская ассоциация защиты религиозной свободы станет одной из эффективных площадок, на которой проблема неправомерных запретов мусульманской литературы будет обсуждаться и реально разрешаться.

Касательно запретов на ношение платка ученицами в школах следует указать, что данная проблема характерна для отдельно взятых субъектов нашей Федерации, а не для всей страны в целом. Стремление девушек, соблюдающих религиозные предписания, к целомудренному образу жизни вызывает понимание у верующих других религий, оно было поддержано и соответствующим заявлением[25] членов Межрелигиозного совета России.

Тем не менее в некоторых субъектах решения существующей проблемы пока не найдено, как в случае с мордовским делом о хиджабах, в котором, по утверждению экспертов Информационно-аналитического центра «СОВА», очевидно просматривается «политическая составляющая конфликта и обсуждения дела о хиджабах как средства политического давления на часть мусульманского сообщества и стремление противопоставить одни группы другим»[26].

Другим явно «больным местом» российской правовой и бюрократической системы, указывающим на превращение отдельных решений региональной власти в произвол на местах, можно назвать вопрос строительства мечетей. Как подчеркивает в своих речах Р. Гайнутдин, «с каждым годом и сложнее получить земельные участки, и согласовать строительство с местными властями»[27].

---

[24] Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России // Президент России : Официальный сайт. 2013. 22 октября. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19474 (дата обращения: 24.05.2015).

[25] Заявление в связи с дискуссиями вокруг внешнего выражения религиозности // Официальный сайт Межрелигиозного совета России. 2015. 26 марта. URL: http://interreligious.ru/dokumenty/vyrazhenie-religioznosti (дата обращения: 24.05.2015).

[26] Лункин Р. Дело о хиджабах в Мордовии // Информационно-аналитический центр СОВА : сайт. 2015. 5 марта. URL: http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/03/d31436 (дата обращения: 24.05.2015).

[27] Выступление председателя СМР муфтия шейха Равиля Гайнутдина на II Всероссийском мусульманском совещании «Мусульмане России и

Но и здесь корень проблемы кроется скорее в практике правоприменения, чем в самом законе, который гарантирует мусульманам право на возведение культовых сооружений по мере необходимости. Нередко религиозные общины на местах, полностью выполнив предписанные юридические процедуры, тем не менее сталкиваются с правовым произволом чиновников. Такие изъяны в сфере практической реализации регулирования государственно-конфессиональных отношений вызывают ненужное напряжение в регионах проживания мусульман и конфликтные ситуации с местным населением.

Реплика на нашей конференции уважаемого раввина и вице-президента Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России Зиновия Когана, признаться, изумляет: ему с трудом приходится отыскивать в столице России верующих и просто соблюдающих традиции евреев, а московские синагоги пустеют. У столичных имамов сегодня такой напасти нет. Напротив, в последнее время в Москве можно увидеть картину, когда более 100 тыс. молящихся одновременно совершают праздничный намаз, расположившись внутри и снаружи Московской Соборной мечети. Сто тысяч и более сидящих на асфальте последователей ислама внимают каждому слову проповеди духовного лидера мусульман России муфтия Равиля Гайнутдина и укрепляют свою веру — такого масштаба не встретишь ни в одном другом российском мегаполисе или столичном городе других регионов страны.

В известном смысле занимающие перед мечетью весь Выползов переулок и прилегающие улицы молящиеся доставляют временные неудобства горожанам, но это не козни российских мусульман. Слава богу, сейчас эта проблема отчасти может быть разрешена при доброй воле Правительства Москвы и лично мэра столицы Сергея Собянина. ДУМ РФ ожидает решения о выделении на территории так называемой «Новой Москвы» площадки для строительства мусульманского храма.

гражданское общество» // Совет муфтиев России : Официальный сайт. 2015. 28 мая. URL: http://www.muslim.ru/articles/279/8233/?sphrase_id=496 (дата обращения: 24.05.2015).

Но главное, осенью 2015 г. в историческом центре российской столицы близится к завершению реконструкция и строительство нового комплекса Московской Соборной мечети, возводимой благодаря тысячам добровольных жертвователей мусульман России и в основном пожертвованиям главного благотворителя и финансовой помощи благотворительного фонда Сулеймана Керимова. С вводом в строй это культовое сооружение обретет свою вторую жизнь. В ее молельных залах сможет одномоментно с комфортом разместиться более 10 тысяч молящихся, что по европейским меркам выводит Московскую Соборную мечеть в разряд самых больших.

Прежняя мечеть, построенная еще в 1904 г. на средства татарского купца и мецената Салиха Ерзина, исправно прослужила своим прихожанам вплоть до своего столетия, пока время не поколебало силу камня. По словам В. Путина, главная мечеть России по праву считается одним из важнейших духовных центров мусульманской общины нашего государства, она всегда была хорошо известна в стране и за ее пределами своей многолетней просветительской и благотворительной деятельностью, направленной на сохранение религиозных и культурных традиций, укрепление нравственных ценностей[28].

В 2004 г. чаяния столичных мусульман были услышаны, а планы по реконструкции Московской Соборной мечети, которая не переставала проводить свои службы и в атеистический советский период, поддержаны высшим руководством страны. Данное В. Путиным политическое добро на строительство нового исламского храма в столице символично подчеркнуло, что российские мусульмане — «не гости в нашей России», они «исторически проживают на своих землях, являются гражданами страны, имеют право на свою религиозную традицию в полной мере»[29].

[28] Владимир Путин поздравил председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина и участников торжественного собрания со 100-летием Московской соборной мечети // Президент России : Официальный сайт. 2004. 26 мая. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19474 (дата обращения: 24.05.2015).

[29] Оренбургский областной суд оправдал большую часть мусульманских книг, ранее признанных экстремистскими // Мусульмане России : Официальный

Запланированная на 23 сентября 2015 г. торжественная церемония открытия преображенной Московской Соборной мечети пройдет в год 70-летия Великой Победы на самом высоком международном уровне. Как полагают в ДУМ РФ, торжества с участием Президента Российской Федерации В.В. Путина привлекут повышенное внимание также и глав многих других государств, руководителей правительств иностранных государств, высоких гостей из стран Организации исламского сотрудничества, известных религиозных, политических и общественных деятелей. С открытием накануне священного праздника Курбан-байрам крупнейшего в Европе храмового комплекса Московская Соборная мечеть станет первым исламским культовым сооружением, построенным в XXI веке в столице России. Весь мир, и не только исламский, сможет увидеть, как в соработничестве с государством российские мусульмане реализуют проекты современной храмовой архитектуры в историческом центре Москвы.

Воплощение грандиозного проекта в российской столице, равно как и строительство ДУМ Республики Башкортостан, входящим в состав Совета муфтиев России, новой Соборной мечети в Уфе, заложенной в честь 450-летия добровольного вхождения Башкирии в состав России и также готовящейся стать прекрасным монументальным архитектурным объектом, убедительно свидетельствует о результатах положительных преобразований в российском обществе.

К ним также следует отнести и те изменения в менталитете россиян, самосознании людей, основательным импульсом к которому стало провозглашение 25 лет назад в нашей стране новой религиозной политики, признавшей свободу совести неотъемлемым компонентом общечеловеческих ценностей, основных демократических прав и свобод человека. В этом событии Духовное управление мусульман Российской Федерации видит важнейшее гражданское, политическое и социальное достижение российской государственности в новейшее время.

сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 27 февраля. URL: http://www.dumrf.ru/regions//event/9041 (дата обращения: 24.05.2015).

Р.Н. Лункин[1]

Христианство в России в условиях религиозной свободы: успех социальной миссии

За последние 20–25 лет в России был достигнут высокий уровень религиозной свободы, возможно, самый беспрецедентный за всю историю страны. Христианские церкви по-разному использовали потенциал постсоветского религиозного бума, миссионерские возможности, по-разному отвечали на нужды людей. На российской почве результатом воплощения на практике принципа свободы совести и религиозного многообразия стал расцвет социального служения религиозных объединений. Прежде всего, пионерами в реализации социальных инициатив стали православные и протестанты — две крупнейшие христианские конфессии России (хотя не стоит недооценивать и значительный культурный, в первую очередь, и социальный вклад российской Католической Церкви). Социальное служение, по существу, в российских условиях стало заменой всего — и общественно-политической позиции, и инструментом превращения церкви в институт гражданского общества, и миссионерским полем, которое напрямую, но косвенно, через изменение образа церкви привлекает людей к вере. Кроме того, социальные проекты стали катализатором развития внутриобщинной демократии, «демократии снизу», и в этом христианские общины во многом идут впереди всего остального общества.

[1] **Лункин Роман Николаевич — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН (Центр по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН), кандидат философских наук.**

Православие

Приходская жизнь в рамках РПЦ в течение долгого времени как будто бы застыла на довольно формальной стадии регистрации и восстановления церковных зданий. Социальная работа осуществлялась лишь по инициативе самых активных и талантливых священников, часто в противостоянии со священноначалием, которое видело в приходской активности опасность своеволия, усиления отдельных священнослужителей, а то и просто не считало социальную работу обязательной для Церкви формой служения. Общецерковных социальных проектов фактически не было. Медленное изменение ситуации стало происходить в середине — конце 2000-х гг. Это было связано с постепенной демократизацией Церкви, осознанием того, что нужно оказывать помощь нуждающимся, приходом в РПЦ новых людей, активных прихожан-энтузиастов, молодежи, в том числе молодых, более открытых для общества, понимающих язык молодого поколения, священнослужителей. Немаловажную роль начиная с 2009 г. сыграла социальная проповедь патриарха Кирилла.

В силу природы самой Церкви православная общинность стала самой важной мотивацией для социальных проектов и благотворительности, которые в современном обществе невозможны без добровольческого движения и связанного с ним непреодолимого стремления реализовать себя в чем-либо полезном обществу. По существу, в Церкви происходит независимый процесс внутреннего изменения — общинная эволюция меняет приоритеты и этические нормы, отношение к людям внутри РПЦ и, как следствие, меняется отношение общества к Церкви, к приходам, лично к священникам. На 2015 г. число объединений РПЦ в России составляет около 16 тысяч, и их количество продолжает расти.

Действует целый ряд удачных инициатив, имеющих общероссийскую известность — это Патриарший молодежный центр при Даниловом монастыре, движение «Даниловцы» (http://danilovcy.ru/), действующее при этом центре (глава — Юрий Белановский), порталы «Милосердие.Ру», «Диакония.Ру», созданные под руководством епископа Пантелеимона (Шатова) и ставшие центром

добровольчества, молодежный лагерь «Феодоровский городок», Братство православных следопытов, Православный семейный детский дом при Свято-Троицкой Симеоновской обители милосердия пос. Саракташ (во главе с о. Николаем Стремским), Ковалевский детский дом под Нерехтой в Костромской области (о. Андрея Воронина), приют для девочек в Черноостровском женском монастыре в Малоярославце в Калужской области и т.п. На сайте «Милосердие. Ру» составлена база данных по социальным учреждениям РПЦ (http://www.miloserdie.ru/social/services), она включает в себя 2984 наименования, но среди них есть и большие проекты, и просто «телефоны доверия», комиссии, отделы, отдельный пункт раздачи вещей или же юридическая консультация. В рамках социального служения нет системы, оно неоднородно, хаотично, создание хотя бы какой-то системы началось лишь с 2010 г., когда Отдел по благотворительности и социальному служению возглавил епископ Пантелеимон Шатов (в миру о. Аркадий Шатов, возглавлявший в Москве один из самых социально активных приходов). Порталы «Милосердие.Ру» и «Диакония.Ру» фактически стали общецерковными социальными узлами связи и информации, была сделана попытка распространить добровольческое движение, созданное в Москве еп. Пантелеимоном, на всю Россию (о том, насколько это удалось сделать, судить пока рано, так как не более 1000 человек добровольцев в столице — это пока единственное крупнейшее движение в стране, все остальные примеры в регионах малочисленны и фрагментированы).

Евангелическое православие складывается на фоне преодоления стереотипов, традиций, этики, сложившихся еще в советское время, недостатка общинной жизни (радикальной реакцией на нерешенность приходского вопроса стало кочетковское движение, сформировавшееся в конце 1990-х гг. и создавшее систему «общин-семей», но оно осталось «вещью в себе», полузакрытой общинной сетью внутри РПЦ). В Москве, к примеру, можно найти целый ряд образцовых примеров социальных приходских комплексов, которые создали архимандрит Тихон (Шевкунов), отец Дмитрий Смирнов, отец Владислав Свешников, игумен Сергий

(Рыбко), протоиерей Александр Борисов и т.д. Выразителем евангелических идей, нового общинного сознания можно назвать протоиерея Алексия Уминского, настоятеля храма Троицы в Хохлах. Идеи общинного братства вокруг Христа и последующего развития на этой основе приходской жизни высказываются многими священниками, молодыми и не очень молодыми. В ходе полевых исследований, в которых принимал участие автор, многие настоятели храмов в той или иной степени ощущают недостаток христианского общинного сознания, а также подозрения, которые вызывает тот или иной православный священник-«евангелист».

В отличие от приходской активности, в монастырях были как свои препятствия на пути общественного служения, так и то, что помогало этому процессу. Монастыри в большей степени, чем приходы, были в 1990-е гг. связаны с консервативным, враждебным обществу мировоззрением, а вся жизнь монастырей была посвящена выживанию в сложных условиях возвращения и восстановления зданий, проблемы с недостатком рабочих рук, выживанием в рамках собственного подсобного хозяйства. Тем не менее, с 2000-х гг. многие монастыри, по своему определению являющиеся сплоченными мотивированными общинами, стали социально-духовными и миссионерскими центрами. Одни из самых социально ориентированных монастырей в Курской митрополии — Рыльский монастырь и Коренная пустынь. Во многом развитие монастырской жизни связано с открытой позицией главы епархии — митрополита Германа (Моралина). Однако и сами настоятели монастырей, и монахи остро осознают свою социальную миссию в обществе. В Рыльском монастыре всего около 30 насельников, учитывая тех, кто служит в скитах. Несмотря на то, что монастырь лишь недавно стал восстанавливаться из руин, он давно славится своей открытостью по отношению ко всем обездоленным. По словам настоятеля, игумена Панкратия (Заикина) (интервью с автором в марте 2010 г.), такая традиция принимать всех и помогать им сложилась при предыдущем настоятеле старце схиархимандрите Ипполите (Халине, который умер в 2002 г.). Отец Ипполит принимал всех — алкоголиков, наркоманов, бомжей, всех нуждающихся, и, помимо этого,

к нему приезжали чиновники и интеллигенция. У Рыльского монастыря есть свое огромное хозяйство — более 900 га сельскохозяйственных земель, которые обрабатывают трудники (в хозяйстве всего 4 постоянных работника). Монастырю принадлежит техника — помимо тракторов «Беларусь», есть и один американский трактор известной фирмы «John Deer», который, по признанию настоятеля игумена Панкратия (Заикина), часто заменяет всю остальную технику. По существу, монастырь дает работу части окружающего населения. По урожайности монастырские земли опережают фермерские хозяйства, но все равно не могут конкурировать с крупными агропромышленными комплексами. Многие, в том числе местные жители, сначала завидовали монастырю, но потом привыкли, тем более что монастырь бесплатно раздает зерно старикам. Отец Панкратий подчеркивает: «С окружающим населением у нас хорошие отношения, хотя на службы люди ходят мало. Но надо быть вежливыми и внимательными, и тогда к нам будет хорошее отношение». Основной подход в общении настоятеля и монахов Рыльского монастыря с людьми — понимание, а также прощать и не осуждать. В отношении знакомых бизнесменов отец Панкратий отмечает, что главное — душа, если же он будет просить денег, то дружба закончится. Детей в воскресной школе также никто не заставляет исповедоваться и причащаться. В монастыре никого не заставляют работать и ходить на службы, «а то потом будут монастырь хулить». «Мы можем насильно всех заставить придти, подогнать танки, лишить зарплаты или пенсии, если в храм не будут ходить, но так нельзя… Для нашего времени важно не осуждать, так как все мы не выполняем всех требуемых правил. Прощать и не осуждать людей — это выход», — отмечает отец Панкратий.

Ярким подтверждением необходимости общины для социального православия является работа с наркозависимыми, как с самой сложной группой социального риска. Такого рода сложные проекты сразу ставят верующих перед выбором — быть независимыми или зависеть от начальства, оставлять все по-старому или же создавать новые формы миссии и помощи нуждающимся. Выходить за привычные рамки лидеров центров для алко- и

наркозависимых заставляет сама специфика служения — наркоманов нужно изолировать от общества, где-то за городом оборудовать дом, где их содержать. Помимо этого, такое служение невозможно без людей, которые посвящают этому 24 часа в сутки, нестандартно мыслят, сами принимают решения. Именно поэтому на протяжении 90-х и 2000-х гг. в рамках РПЦ фактически не было служения по реабилитации наркозависимых и алкозависимых. В 2013 г. глава Координационного центра по противодействию наркомании Синодального отдела по благотворительности игумен Мефодий (Кондратьев) уже объявил, что в России создано более 60 церковных центров для наркозависимых (В России создано более 60 церковных реабилитационных центров для наркозависимых // Седмица.Ру. 25.06.2013. URL: http://www.sedmitza.ru/text/3836029.html). Между тем протестантских центров для наркозависимых в России около 400. Одним из крупнейших православных центров по реабилитации алко- и наркозависимых в Иркутской области является Душепопечительский центр во главе с настоятелем Храма Веры, Надежды и Любви и матери их Софьи протоиереем Владимиром Кокориным (автор брал интервью с о. Владимиром в июне 2012 г.). Отец Владимир также является руководителем Отдела Иркутской епархии по работе с наркозависимыми и другими видами зависимости. Община бывших наркозависимых была создана при Князь-Владимирском храме в 2005 г., затем у центра появилась своя загородная база в Марково, в бывшем детском лагере, при храмах священник проводит курсы для созависимых. В рамках обмена опытом отец Владимир также общается с организаторами протестантских ребцентров — баптистами и пятидесятниками, они обмениваются методиками (хотя формально отец Владимир в интервью отмечает, что «сектанты меняют наркотическую зависимость на духовную»). Отец Владимир вместе с активистами своего центра регулярно проводит антинаркотические акции, например, он обходил аптеки, которые продают запрещенные к продаже кодеиносодержащие препараты, используемые наркоманами. Однако в милицию отец Владимир не обращается — он читает проповеди продавцам и проводит

беседу с директорами аптек. В Спасской церкви существует трезвенническая православная группа, которая в том числе работает по программе 12 шагов (лидер группы — Владимир Снарский, настоятель — отец Александр Беломестных). Вокруг центра отца Владимира Кокорина фактически сложилась община прихожан и активистов, подростков, которые ездят в детский лагерь и помогают священнику в социальной работе. Община применяет новые формы миссионерства, не боится идти на межконфессиональные контакты, если есть общее поле для помощи наркозависимым.

Община также создается стихийно, когда в этом возникает насущная необходимость. Есть примеры, когда не община создает социальное служение на приходе, а, наоборот, социальные программы создают общину.

Проблемы, с которым сталкиваются приходы, когда они начинают осуществление масштабных или просто сложных с разных точек зрения проектов, можно рассмотреть на примере социальной активности Храма преп. Сергия Радонежского в Нижнем Новгороде. Проекты этого храма стали, по существу, самыми успешными и эффективными в Нижегородской митрополии. На протяжении многих лет приход остается образцом для подражания и фактически единственной общиной, которая осуществляет столь масштабное служение в Нижнем Новгороде (наряду с аналогичными проектами католиков и пятидесятников). Автору удалось лично убедиться в том, как живет приход, в октябре 2010 г. и в октябре 2013 г. во время посещения храма в ходе религиоведческой конференции, организованной НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Инициаторами большинства проектов стали настоятель — священник Игорь Балабанов и его супруга Ольга Балабанова. С 2006 г. действует община глухих и слабослышащих (Православный центр глухих «Спас»), есть также община по работе со слепыми, с 2009 г. Нижегородская областная общественная организация «Инновационный центр: в XXI век с 21 хромосомой «Сияние», в рамках которой оказывается помощь детям с синдромом Дауна и их родителям. Помимо этого, создана общественная организация «Осознание» для реабилитации нарко- и алкозависимых.

Изначально импульсом для реализации проектов стала личная энергия настоятеля и матушки, которая работала в благотворительных фондах, разбирается в фандрайзинге и хотела организовать проекты, привлекая под них средства. Приход стал базой этих проектов, но сначала отошел на второй план в силу недоверия спонсоров к религиозной организации и невозможности опереться на приход, который не является по сути общиной мотивированных людей. По словам Ольги Балабановой, «в Нижнем Новгороде по благотворительным фондам и чиновникам ходят не представители «религиозной организации храма преподобного Сергия Радонежского», а, например, общественная организация «Сияние». С НКО всегда можно составить договор и потребовать любую отчетность. Приход в этом смысле менее самостоятелен, да и с кадрами пока проблемы. Подготовка профессиональных специалистов по церковному социальному служению только началась».

Однако вскоре началось обратное влияние социальных проектов, которые развивались как бы отдельно от прихода в рамках НКО, на приходскую жизнь. Как отмечает Балабанова, приходящим людям органично находятся подопечные. Тех, кто когда-то сделал аборт и раскаялся, можно направить к детям-инвалидам или в воскресную школу. Если у родителей сын умер от героина, их можно направить помогать группе наркозависимых. Если у человека глухие родственники — познакомить с общиной глухих (см.: Как привлечь средства на приходские социальные проекты? // Диакония.Ру. URL: http://old.diaconia.ru/news/kak-privlech-sredstva-na-prikhodskie-sotsialnye-proekty/).

Довольно быстро оказалось, что просто заниматься детьми с синдромом Дауна мало — надо собирать родителей этих детей, общаться с ними, независимо от того, насколько они верующие. Так, группа таких родителей стала собираться при храме. Когда община попыталась заняться реабилитацией наркозависимых, то оказалось, что целенаправленно реабилитацией приход заниматься на деле не в состоянии, так как это требует особых навыков, отдельно оборудованного дома и участка за городом, а главное, лидеров, которые этим делом живут и готовы потратить на борьбу с этим злом

всю жизнь (обычно это бывшие наркозависимые). Просто общаться с наркозависимыми неэффективно, помимо этого, надо собирать созависимых, то есть их родственников и друзей, объяснять им, как себя вести, что делать и т.д. Так, при храме стала собираться группа созависимых. Фактически социальная работа поменяла приоритеты церковной жизни, поменяла отчасти и сам приход, его состав.

Экспериментальной площадкой для осуществления многих социальных проектов стали образованные патриархом Кириллом новые епархии в митрополиях. Безусловно, трудности новых епархий и их развитие — это отдельная проблема для обсуждения. Очень много зависит от региона и от личности епископа, но количество назначенных епископов уже само по себе создало чрезвычайное многообразие.

Большинство проектов в Братской епархии (Иркутская митрополия), к примеру, осуществляют волонтеры (координатор социальных проектов Анастасия Черепанова, автор брал интервью с ней в июле 2012 г.). Епархия образована недавно (в октябре 2011 г.), поэтому ощущается нехватка кадров. Епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан (Клюев) приветствует активное участие мирян в церковно-общественной деятельности, к проектам привлекается молодежь. Епископу удалось наладить доброжелательные отношения с администрацией Братска и с районными администрациями, которые регулярно помогают епархии устраивать различные социальные и культурные акции. Миссионерские акции, как правило, совмещаются с социальными. В епархии регулярно собирают одежду для неимущих, священники ездят по деревням и там раздают одежду нуждающимся, берут с собой сколько могут.

Епархия планирует создавать центры по реабилитации алко- и наркозависимых, для чего администрация предоставила епархии дом в одном из районов. Развивается сотрудничество с адаптационным центром для нуждающихся, епархия планирует также открыть свой собственный. Один из активно и успешно развивающихся проектов епархии — это скаутские лагеря. Епархии

администрация передала территорию и здания детского лагеря. Лагерь будет существовать на субсидии из областного бюджета как социально-образовательная база.

В качестве социально ориентированного проекта епархия развивает духовно просветительский центр «Добродетель», который получил гранты от государства. В рамках центра «Добродетель» существует молодежный клуб для думающих подростков, литературный клуб семейного чтения христианской литературы для родителей и подростков. В рамках центра действует также проект «Капелла» для поющих мирян, которые одновременно проходят процесс воцерковления. Проводятся курсы для регентов. В лагере «Лето Господне» епархия собирает семьи, где есть дети-инвалиды. Театральная лаборатория также работает на воцерковление тех семей, которые воспринимают православие только как традицию. Как отмечают представители епархии, «через театр проповедуется живое православие, помимо этого ставятся постановки на социальные темы и планируется проведение театрального фестиваля». В рамках центра действует детский фотокружок для начинающих журналистов, центр семьи, материнства и детства «Под сердцем». Выездной киноклуб показывает кино по деревням, так же как и театралы ездят с постановками по районам, проповедуя и помогая людям. Главная цель проектов поднять самосознание людей и воспитать добровольцев. Более того, епархия организует круглые столы для волонтеров и общественных организаций, координирует деятельность активистов из разных объединений.

Другим примером является Городецкая епархия (Нижегородская митрополия), где базой общественного служения стал Федоровский монастырь. В сентябре 2009 г. во время освящения Федоровского монастыря в Городце патриарх Кирилл оставил запись в книге почетных гостей о том, что главная задача монастыря — стать миссионерским и социально-культурным центром для окружающих людей, для города. Эта задача в первую очередь была поставлена перед недавно образованной (в марте 2012 г.) Городецкой епархии во главе с епископом Городецким и Ветлужским Августином (Анисимовым). Насельники монастыря

отмечают, что в первый год после образования епархии местное население мало посещало богослужения в монастыре, в церковных инициативах почти никто не участвовал (автор посещал монастырь в октябре 2013 г.). Владыка Августин, пользующийся большим уважением, нашел способ привлечь людей. Был создан Народный университет при монастыре. Он стал и культурным центром на территории Федоровского монастыря — в нем проходят выставки народного творчества, Рождественский и Пасхальный фестивали, действуют киноцентр «Начало» и музей истории Федоровского монастыря. Кинозал в монастыре (что само по себе большая редкость, для России это уникальное явление) могут посещать все желающие, туда регулярно приводят детей, в том числе из окружающих детских домов.

Протестантизм

В процессе появления самых разных социальных проектов, особенно молодежных, православные священнослужители часто брали пример с евангельских церквей. Успех социальной работы протестантов среди практически всех слоев населения также побуждал православные епархии и отдельных священников (молодое поколение) к новым творческим инициативам.

В постсоветский период протестантские церкви различных направлений — лютеране, баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты — стали частью не только религиозной картины России, но и гражданской жизни, общественно-политических дискуссий, социального служения. Евангельское движение, как часто называют все протестантские течения, церкви и миссии, к началу 2000-х гг. заняло второе место после православия по распространенности по стране и по количеству церквей практически во всех регионах России. Под словом «протестантизм» представители разных религиозных традиций понимают разные направления. Для одних протестантизм — это в основном лютеране и баптисты, для других — лютеране, а также те традиционные пятидесятники и баптисты, которые существовали на территории России еще в советское время, для третьих — это только лютеранство и

реформатство, методизм, а все остальные течения являются «неопротестантизмом». Однако со времен Реформации протестантизм не останавливался в своем развитии, в нем нет канонических и неканонических церквей. Основными протестантскими течениями в России на сегодня являются: лютеранство, методизм, баптистско-евангельское движение, пятидесятничество, адвентизм. Протестанты составляют в среднем до 20% от числа всех зарегистрированных религиозных объединений. Самым многочисленным направлением является пятидесятничество. Стоит отметить, что данные по федеральным округам неравнозначны — в Центральном, Южном и Северо-Западном округах православные лидируют по числу зарегистрированных объединений, а протестанты идут на втором месте (после РПЦ). Совершенно другая ситуация на Урале, в Сибири и в особенности на Дальнем Востоке, где зарегистрированных объединений в целом не так много, как в Европейской части России. Протестантские церкви в Уральском, Сибирском округах составляют значительную часть всех объединений, а в Дальневосточном округе их количество превышает численность православных. Исключение составляют Северо-Кавказский и Приволжский округа, где протестанты стоят на третьем месте после православных и мусульман. Проблема с использованием данных Минюста РФ состоит в том, что на определенном этапе они перестали отражать религиозное многообразие страны. Во многих регионах в 2000-е гг. произошла «зачистка» списков регистрации — были оставлены лишь более или менее «традиционные» религиозные объединения, а остальные испытывали трудности, поскольку их присутствие или рост численности нарушали официальную статистику.

В то же самое время и сами верующие потеряли доверие по отношению к представителям власти. Протестанты перестали регистрироваться, так как существовать в рамках религиозной группы можно вполне легально согласно законодательству РФ, и при этом группу сложно контролировать, ей не надо разбираться со сложной отчетностью, нанимать каждый раз бухгалтера и юриста, готовиться к проверкам Минюста РФ и прокуратуры. По

словам заместителя главы Российского Союза евангельских христиан-баптистов Евгения Бахмутского (в интервью автору в 2009 г.), церквям действительно легче существовать без регистрации, но в целом Союз поощряет регистрацию общин, так как чиновники используют динамику численности общин для оценки влияния того или иного направления. Президент Евангельского Христианского Миссионерского Союза и пастор церкви ЕХМС в Майкопе (Республика Адыгея) Александр Корнев (в интервью автору в 2012 г.)[2] отмечал, что значительная часть протестантских общин, до двух третей, предпочитает оставаться «в тени», в качестве домашних групп, чтобы не усложнять себе жизнь (отчетностью и арендой помещений, что также сложно сделать). Дома молитвы, соответственно, регистрируются на частное лицо, как в советское время. Ситуация усугубилась после принятия в 2009 г. нового Закона о некоммерческих организациях, который распространял общие правила отчетности и на религиозные объединения (впоследствии отчетность для религиозных объединений была упрощена). Общая политическая ситуация, связанная с увеличением влияния РПЦ, с ужесточением контроля за общественными объединениями с лета 2012 г., еще больше укрепила уверенность протестантов в том, что лучше существовать в рамках «домашних групп». К 2015 г. численность церквей и групп, по данным самих союзов и по данным полевых исследований, достигло 10 тысяч, а численность верующих составляет около 3 млн человек.

[2] Интервью у религиозных деятелей взяты автором в ходе полевых исследований в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», который осуществляется с 1998 г. По итогам исследований в более чем 70 регионах РФ опубликованы следующие издания: Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.-СПб. : Летний Сад, 2002 ; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. 1. М. : Логос, 2004. 327 с. ; Т. II. М. : Логос, 2003, 478 с. ; Т. III. М. : Логос, 2005, 463 с. ; Т. IV. М. : Логос, 2006. 365 с. ; Атлас современной религиозной жизни России. Т. I. М.-СПб. : Летний сад, 2005, 620 с. ; Т. II. М.-СПб. : Летний сад, 2006, 686 с. ; Т. III. М.-СПб. : Летний сад, 2009, 863 с. ; Религия и российское многообразие / науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М. : Кестонский институт, Летний сад, 2012 ; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / под ред. С.Б. Филатова. Т. I. М. : Летний сад, 2014. 620 с.

Примером активного развития церквей в российском обществе является успех национальной миссии евангельских церквей — протестанты представлены практически среди всех народов России. Миссия среди коренных народов является отдельной темой для исследования, но важно отметить присутствие протестантов в этой сфере, где они также привлекают неофитов активным социальным служением и предложением своих этических норм — особенно это заметно, когда ненецкие роды на севере Архангельской области или поселки коряков на Камчатке становятся баптистами или пятидесятниками, отказываясь от курения, алкоголя и начинают использовать заработанные средства на благо своей семьи.

Протестантские церкви на постсоветском пространстве оказались одними из главных носителей демократических ценностей, гражданского патриотизма, который выражается в честном труде на благо «малой родины», под которой евангельские церкви, как правило, понимают улицу, двор, район, свой город или же поселок. Мировоззрение протестантских общин формировалось в уникальной ситуации, когда Русская Православная Церковь относилась к демократическим переменам с подозрением либо резко отрицательно, а часть общества вдохновлялась демократическими надеждами и фактически хотела жить по европейским стандартам. Евангельское движение во многом приспосабливалось к чаяниям и разочарованиям российского общества, меняясь вместе с ним, но не теряя демократической основы. Если в Украине общественный запрос на национальную гражданскую активность привел к политизации религиозных сил, в том числе протестантизма, который выражал симпатии сначала «оранжевой революции», затем европейскому выбору Украины, то в России стабилизация политического поля привела к появлению не столько политических, сколько иных форм социальной и благотворительной деятельности евангельского движения и к росту его патриотизма.

Влияние церкви через гражданские институты стало фактически идеологией Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) — РОСХВЕ — и его руководителя

епископа Сергея Ряховского. По мнению Ряховского, протестантская активность воплощается в созидательной социальной деятельности, а не в разрушении, в попытке помочь обществу исцелиться, показать свой собственный позитивный пример, а не звать на баррикады. Концепция влияния протестантизма в России состоит также и в том, что церковные лидеры должны встречаться с чиновниками и политиками и не бояться разъяснять им нашу точку зрения по самым разным вопросам.

Самосознание протестантов направлено на то, что каждая церковь становится в той или иной степени полноценным гражданским институтом, создает вокруг себя социальные, миссионерские и культурные инициативы. Наряду с этим средние и крупные церкви основывают фонды и общественные организации, которые регистрируются как некоммерческие организации, их лидерами являются члены церквей, но формально они не связаны с церковью. Это помогает более широко развернуть деятельность, избежать конфликтов с властями и социальными учреждениями, которые, как правило, не хотят сотрудничать напрямую с евангельскими церквями (которых представители РПЦ считают «сектантами»). К концу 2000-х гг. баптисты, евангельские христиане, пятидесятники заняли важное место в некоммерческом секторе организаций, которые осуществляют разного рода социальные проекты, основанные на добровольческой деятельности.

Можно выделить несколько направлений такого рода социальной деятельности: международные благотворительные проекты, межцерковные общероссийские проекты, эффективные благотворительные фонды, антинаркотическая работа, социальные комплексы при отдельной церкви.

На целый ряд проектов собирают средства как российские церкви, так и зарубежные единоверцы из США и Европы, но в основном большинство церковных проектов финансируется за счет пожертвований российских общин (с начала 2000-х гг. помощь со стороны западных общин стала резко сокращаться, кроме того, ужесточились правила ввоза гуманитарных грузов в Россию). Постоянно действующие инициативы во всех церквях — это

подарки неимущим, малоимущим семьям, детям в детских домах и интернатах на Рождество и на Пасху (наряду с концертами, театральными номерами и чтением детских книг). Отдельные церкви осуществляют свои собственные программы, как, например, ADRA (Adventist Development and Relief Agency) — Адвентистское Агентство помощи и развития, которое особенно активно действует в Германии и Чехии, откуда в Россию также поступает помощь.

Одним из самых востребованных проектов — «Рождественская Елка Ангела» (http://www.angelproject.ru/). Его суть состоит в том, что подарки дарятся детям от имени их мам и пап, которые находятся в тюремном заключении. Налаживается переписка родителей с детьми, затем волонтеры и церкви помогают адаптироваться в обществе тем, кто вышел из заключения. Этот проект действует с 2003 г., осуществляется в 60 исправительных учреждениях Санкт-Петербурга и области, а также в Вологодской области, Красноярском крае, Архангельской области, Ставропольском крае, Республике Башкортостан и затронул около 40000 детей. По данным организаторов, в программе участвовало более 4000 человек из церквей различных регионов России.

Самой успешной и заметной является деятельность различных протестантских церквей по реабилитации наркозависимых. Причиной успеха верующих именно в этой сфере является возможность свободно работать с наркозависимыми, тогда как в социальные учреждения представителей евангельских церквей часто не пускают. Кроме того, антинаркотическая сфера слишком специфична и трудна, требует дополнительной мотивации и самоотдачи, умения найти подход к людям с уголовным прошлым, убедить их находиться в стационарном центре. Как правило, реабилитацией при церквях начинают заниматься бывшие наркозависимые, обратившиеся в протестантизм, церковь предоставляет им все условия для «духовного роста», для того, чтобы они ощущали себя лидерами, помогали тем, кто остался в зависимости. Для бывших нарко- и алкозависимых абсолютное изменение своей жизни в церкви, получение статуса людей, крещеных Святым Духом (как правило, в пятидесятничестве) и обладающих духовными дарами,

оказывается чрезвычайно сильной мотивацией и громадным контрастом с их предыдущей жизнью.

Большинство руководителей реабилитационных центров заявляют о произошедших в центре «чудесных» исцелениях наркоманов «без ломки» и без использования медикаментов. Многочисленные «исцеления» наркоманов, алкоголиков, больных СПИДом в церквях и в организованных ими реабилитационных центрах в сознании верующих (пасторов и верующих из числа бывших наркоманов или алкоголиков) не только возможны, но и предопределены. Крупнейший протестантский центр «Новая жизнь» пятидесятников находится в Кингисеппском районе Ленинградской области (руководитель — Сергей Матевосян, http://newliferus.ru/). Одним из самых известных движений, которое занимается реабилитацией с конца 1990-х гг., является служение «Исход» (ucxod.ru). В центрах служения «Исход», распространенных в основном на юге России (глава — епископ РОСХВЕ Эдуард Деремов, центр в Ростове-на-Дону), выстраивается модель духовного пути бывшего больного. Церкви и центры для реабилитации наркоманов в рамках этого служения существуют параллельно друг с другом. Большинство лидеров служения «Исход» являются бывшими наркозависимыми, прошедшими реабилитационные центры, но с середины 2000-х гг. социальная база «Исхода» значительно расширилась — церкви превратились в молодежные общины с массой студентов и рэп-группами.

С 2001 г. стал известен социальный проект «Ощути силу перемен». Основная его цель — собрать все христианские церкви в каком-либо регионе России вместе, объединить усилия в осуществлении социальных инициатив и поделиться опытом, заявить о своих проектах в светских СМИ. Инициатором проекта «Ощути силу перемен» стал президент телеканала Финляндии «Suomi TV» Ханну Хаукка и московский центр социальной помощи «Сила перемен», который формально является светским социальным учреждением, однако его руководитель Юрий Ананьев принадлежит к протестантской деноминации уэслианского направления Церкви Назареянина. Идея акции заключается в том, что в определенном

городе христианские церкви подписывают между собой договор о сотрудничестве в социальной сфере. На начальном этапе акции проводятся семинары, концерты против наркотиков, дается социальная реклама в СМИ, создаются соответствующие телепрограммы. Церкви обсуждают возможности социального служения, пробуют себя на этом поприще, развивают уже существующие связи с социальными учреждениями и т.п. После этого старта каждая община уже по-разному ощущает на себе «силу перемен» и разрабатывает свою стратегию общественного служения. В Петрозаводске акция встретила благожелательно нейтральное отношение. В Волгограде представители епархии и лично митрополит Герман открыто поддержали проведение совместных социальных акций и христианских концертов для молодежи, где рассказывалось о вреде наркотиков и алкоголизма. Этот проект встретил сильное противодействие в целом ряде регионов (Архангельск, Нижний Новгород, Липецк, Ярославль, Новосибирск, Рязань, Уфа) — со стороны епархий РПЦ поступали заявления в прокуратуру, проводились проверки, запрещалась реклама христианских социальных проектов.

Одной из острых проблем, глубоко осознаваемых протестантами, является воспитание нравственных ценностей и создание крепкой семьи. Евангельские верующие выступают за консервативные христианские этические принципы, независимо от направлений и форм служения в церквях. Многодетные семьи — это обычное явление в протестантских церквях, причем, как правило, в каждой такой семье есть приемные дети, взятые из детского дома — это также стало характерной чертой больших семей верующих. Из числа больших проектов, посвященных семье, можно выделить Альянс инициатив «Россия без сирот» (http://rossiabezsirot.ru).

Среди самых распространенных проектов, которые реализуют церкви, субботники по уборке парков и улиц перед городскими праздниками, а также разного рода социально-миссионерские акции. Например, это «дворовые евангелизации», когда верующие привлекают молодежь во дворах, приезжая с музыкальной

аппаратурой и устраивая мини-концерты, обустраивают спортивные площадки, проповедуют о вреде курения, наркомании, против абортов. Многие церкви устраивают для подростков и молодежи специальные спортивные площадки и христианские кафе при церкви. Внимание общественности, СМИ, властей привлекают самые разные и неожиданные акции церквей. К примеру, протестантская церковь «Живая вера» в Пензе (пасторы — Олег Серов и Сергей Киреев) организовывала экологическую акцию Русского географического общества «Покормите птиц», за что получила благодарность от Росприроднадзора по Пензенской области. Пензенские протестанты также регулярно проводят акции по уборке территории, очистке лесов и посадке деревьев, с 2014 г. помогают беженцам с Украины.

Евангельские церкви заняли в социальной сфере ведущую роль среди всех религиозных объединений. По данным самих протестантов, около 400 тысяч прихожан протестантских церквей участвуют в социальной деятельности как волонтеры[3]. Социально активными институтами гражданского общества является до половины всех существующих протестантских церквей и групп, то есть около 5 тысяч общин.

***

Миссионерский и социальный успех протестантизма сделал его последователей частью религиозной и в целом гражданской элиты общества. На русской почве протестанты значительно обрусели, отчасти впитав элементы православного благочестия, отчасти традиционные для России особенности отношения общества и власти, сохранив приверженность демократическим ценностям. Именно демократический патриотизм протестантских церквей, их способность сопереживать и создавать вокруг себя социальную среду взаимопомощи нашли живой отклик среди российских граждан.

В православных и в протестантских общинах происходит процесс, имеющий большое значение для выстраивания гражданских

[3] Епископ Дмитрий Благоев: «Порядка 4000 рублей государство выделяет на проведение каждого аборта, при этом ни копейки — на профилактику» // Сайт РОСХВЕ, 16.12.2013. URL: http://cef.ru/news/roshve/?id=8253

институтов. Это воспитание верующих в духе свободы и демократии в рамках конкретной общины через совместные дела, помощь окружающим, обсуждение внутрицерковных проблем, через независимые творческие проекты. В РПЦ идет внутренняя эволюция общин на низовом уровне и сознания епископов, молодых настоятелей, ведущих активистов епархий и приходов. Важную роль играют сотни, а может быть, и тысячи рядовых приходов, которые в поселках и деревнях являются единственным центром духовной, культурной жизни, хотя у них и нет больших проектов, молодежи и интеллигенции. Такие общины естественным образом становятся инструментом, скрепляющим разорванное атомизированное общество, по мере того, как священник и прихожане начинают жить одними и теми же нуждами.

Ш.А. Пшихачев[1]

День добрый, уважаемые коллеги. После многих таких аспектов, освещенных в выступлениях предыдущих ораторов, конечно, трудно что-то говорить. Единственное, что хочу сказать: конечно, новый закон, который был принят в 1990-е гг., прошел свое первое испытание, когда появились на Северном Кавказе те негативные поползновения под религиозным лозунгом, которые, к сожалению, имеют и сегодня некие последствия.

Хочу сказать, что, действительно, принятие закона способствовало тому, чтобы те, которых называли «представителями традиционных религий на Северном Кавказе», они смогли устоять, они смогли объединиться, и, таким образом, я могу отметить, что, действительно, принятие такого закона способствовало сохранению именно того традиционного восприятия ислама, которое имело место на протяжении всей истории нашего государства. При этом, конечно, мы не раз на уровне субъекта говорили о том, что сейчас Михаил Олегович сказал, что закон в какой-то степени не способствовал отстаиванию мнения большинства. Почему? Потому что, пользуясь теми демократическими нормами, которые были заложены в законе, у нас сегодня на территории РФ появилось более 83 духовных управлений мусульман, тогда когда в советское время было всего 4 духовных управления. Я это воспринимаю так, что мы, мусульмане в РФ, по-своему поняли демократию и восприняли закон о свободе совести.

Но тем не менее закон поспособствовал урегулированию государственно-церковных взаимоотношений, и сегодня мы можем говорить о большом прогрессе в государственно-церковных отношениях. Именно закон, принятый в 1997 г., способствовал этому

[1] **Пшихачев Шафиг Ауесович — генеральный представитель Координационного центра мусульман Северного Кавказа в Москве, президент Международной исламской Миссии, председатель Правления Фонда поддержки исламской науки, культуры и образования.**

прогрессу. Естественно, закон обеспечивает равные права религиозных организаций, это способствовало также объединению своих усилий традиционными религиями РФ, и мы в прошлом году отметили 15-летие межрелигиозного Совета РФ, который сегодня коллективно учитывает практические мнения и проблемы представителей традиционных религий, работают совместно и представляют некие коллективные решения, чтобы продвигаться дальше. Есть, конечно, много пробелов и в правоприменительной практике, об этом говорил уважаемый предыдущий оратор. Я хочу сейчас также отметить, что, недавно побывав в Крыму, поработав там, обнаружил большой недостаток в запрете религиозной литературы. Я очень хотел бы призвать экспертное сообщество нашей организации, экспертный совет РАРС, чтобы начал свою деятельность, потому что мы нуждаемся в правозащитной деятельности. Не хотел бы много говорить, о многом уже сказано. Спасибо большое, очень надеюсь, что РАРС будет способствовать продвижению нашего общества.

Е.М. Мирошникова[1]

О статусе соглашения между государственными организациями и религиозными объединениями

25-летие Закона о свободе совести и о религиозных объединениях предполагает подведение определенных итогов, выявление основных проблем и перспектив.

В нашей стране впервые реализуется право человека на свободу совести в условиях отсутствия государственной церкви и равенства всех религий перед законом. В результате, естественно, возникают серьезные правовые коллизии, желание разом решить сложные проблемы, подменить законность целесообразностью. Наша долгая история взаимоотношений государства и церкви (в широком понимании слова как синоним религиозной организации) не отпускает в одночасье. Для государства трудно свыкнуться с тем, чтобы не вмешиваться в деятельность религиозных объединений или отказаться от роли арбитра в истинности той или иной веры. Для религиозного объединения реальная возможность церковной свободы питает желание включаться в решение широкого круга социальных светских проектов и программ. Для общества в целом свобода оказалась тяжелым бременем. На фоне дефицита толерантности все чаще звучат призывы к установлению единой государственной идеологии. В качестве ответной реакции на глобализацию государство стремится использовать традиционные религии для сохранения своей культурной идентичности, ограничивая права других конфессий. Религия в такой ситуации

[1] **Мирошникова Елена Михайловна — профессор Тульского государственного педагогического университета имени Толстого, доктор философских наук.**

приобретает новые формы своего социального выражения, становясь как бы символом национальной и культурной идентичности. В силу названных обстоятельств особую актуальность приобретает правоприменительная практика Закона, собственно совокупность качеств и характеристик политики государства по отношению к религиозным организациям, получившей название модели государственно-церковных отношений или, что наиболее предпочтительно, государственной политики в области свободы совести[2].

Прежде всего, я хотела бы отметить важность дефиниции «свобода совести». По прошествии четверти века приходится вновь начинать с определения этого основного понятия действующего Закона. На сегодняшний день явно наметилась тенденция толковать свободу совести исключительно в рамках нравственной парадигмы и как часть религиозной свободы. Между тем за эти годы отечественное религиоведение обосновало тезис о том, что свобода совести — это свобода мировоззренческого выбора, включающее в себя нравственный дискурс. То есть свобода совести — более широкое понятие, а религиозная свобода является ее частью. Предоставление государством гражданину права на мировоззренческий выбор — исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, действовать в соответствии с убеждениями в рамках действующего закона — основная концепция принятого 25 лет назад Закона. Я считаю, что попытки уложить свободу совести в прокрустово ложе религиозной свободы приводят к спорным с правовой точки зрения изменениям и новшествам в действующее законодательство, о чем свидетельствует, например, правоприменительная практика закона о защите чувств верующих.

Не отрицая определенной схематичности модели государственно-церковных отношений, следует подчеркнуть, что она, исходя из конституционных положений и учитывая специфические особенности национального государства, вырабатывает

[2] См.: Одинцов М.И. Вероисповедная политика российского государства в современных условиях (религиоведческий и методологический подходы к осмыслению) / Международный научный семинар «Религия в современном мире». Владивосток, 17–20 июня 2014 г.

определенные правила реализации закона, стремясь не исказить суть права. Собственно, не так уж важно, какая утверждается модель. Главное — реальная деятельность государства.

Что же сложилось на практике в этой сфере? При всех несомненных достоинствах в области реализации права гражданина на свободу совести в нашей стране в настоящее время, по моему мнению, мы оказались на развилке между отделением и кооперацией. В Конституции и Законе о свободе совести записана норма отделения религиозных объединений от государства, на практике усиливается тенденция сотрудничества, кооперации государства с религиозными объединениями. Потому и неслучайна полемика о том, что такое светскость, вплоть до предложения исключить это понятие из текста закона[3].

Я являюсь сторонником принципа отделения. Но неоднократно указывала на практическую значимость для нашей страны кооперационной модели государственной политики в области свободы совести[4]. Ее сущность состоит в том, что светское государство, гарантируя свободу совести, сотрудничает с религиозными объединениями в социально-экономической сфере, сохраняя при этом баланс между индифферентностью и идентификацией.

Отделительная модель разделяет церковь и государство, ставит стену между ними. А кооперационная — эффективный путь к реализации религиозной свободы, совместной деятельности государства и церкви при решении проблем социальной заботы. При этом социальная деятельность религиозных организаций и их взаимодействие с органами власти должны иметь четкую законодательную базу. Именно правовое регулирование сотрудничества государства и религиозных организаций должно стать краеугольным камнем российской государственной политики в области свободы совести. Огромное значение для всего российского общества имеют в этой связи социальные концепции

[3] Шахов М.О. Нужно ли России именовать себя «светским государством». 6 апреля 2015 г. URL: http://www.sclj.ru/analytics/comment/detail.php?ELEMENT_ID=6081

[4] Подробнее см.: Мирошникова Е.М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы : монография. М., 2007. 187 с.

религиозных объединений, прежде всего «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» и социальная программа российских мусульман. В этих документах перечислены конкретные области сотрудничества, в том числе забота о сохранении нравственности, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия и т.д.

Достижение церквями их специфических конфессиональных целей, вне всякого сомнения, предполагает общественную деятельность. Но, на мой взгляд, это не должно означать, что религиозным организациям необходимо придать какие-то особые специфические государственно-церковные правовые нормы. Придание же им статуса субъектов публичного права уводит назад, к представлениям эпохи Просвещения о них как о союзах внутри государства. Кроме того, классификация религий на признанные и непризнанные содержит существенный дискриминационный элемент, поскольку предполагает преференции государства по отношению к определенным религиям, в то время как поступления в государственный бюджет обеспечивают все налогоплательщики, в том числе и те, кто не относится к привилегированным, а то и вообще не считает себя конфессионально ангажированным. Поэтому государству не следует перенимать опыт по классификации религий и озадачивать себя еще одной серьезнейшей проблемой. А вот на разработку легитимных договоров между государством и религиозными организациями нужно бы обратить самое серьезное внимание. Практика применения нормативных актов, регулирующих отношения в области свободы совести выявила одну из основных проблем государственно-церковных отношений, а именно необходимость усовершенствования правового статуса церкви в обществе, и поиск оптимального соотношения прав личности и прав гражданина в контексте реализации свободы совести. Причем речь идет не столько о количественном, сколько о качественном характере такого усовершенствования. Необходимо

четко определить место и роль церкви и ее институциональных организаций в публичной сфере.

В России на сегодняшний день заключено большое число соглашений (договоров) между религиозными объединениями и государственными организациями: например, с министерствами здравоохранения, образования, по борьбе с наркотиками, с российской компанией «Российские железные дороги», с университетами и т.д. С одной стороны, многочисленные договоры государства с религиозными организациями — еще одно свидетельство осуществления кооперационной модели государственно-церковных отношений, с другой — явное преобладание договоров с Русской Православной Церковью ставит под сомнение конституционный принцип равенства всех религий перед законом, да и сам феномен таких договоров в правоприменительной практике.

Следует, к сожалению, отметить, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует сколько-нибудь разработанная концепция государственно-церковного договора. Соответственно, и единой точки зрения о его природе также не существует. Поэтому, учитывая возросший в настоящее время интерес к проблеме определения природы и места договора как формы права в системе источников права, представляется полезным обращение к опыту зарубежных концепций договорного права, в том числе и к примеру кооперационной модели государственно-церковных отношений в ФРГ.

Правовая природа государственно-церковного договора включает в себя конституционное регулирование, допустимость заключения договора, обязательства сторон, легитимность, толкование, недействительность и обжалование, приостановление и отмена. Существуют два основных вида государственно-церковных договоров — кодификационные и отраслевые.

Содержание кодификационных договоров определяют следующие основные моменты: гарантии церковной свободы, определение основных направлений взаимодействия государства и религиозного объединения, государственные обязательства, общие договоренности о принципах и методах взаимодействия.

Отраслевые договоры регулируют отношения в отдельных социально-экономических сферах. Но что важно и для кодификационных, и для отраслевых договоров, так это то, что государственно-церковный договор (ГЦД) заключается ради легального обеспечения свободы церковной деятельности. Право на религиозную свободу, зафиксированное в Конституции, специально не оговаривается в государственно-церковных договорах в силу своего прямого действия. А вот реализация многообразия жизни религиозного объединения, включая и социальную работу, составляют сердцевину ГЦД.

Договоры о статусе религиозного объединения включают три основных момента: государственная гарантия свободы церковной деятельности в соответствии с общими принципами религиозной свободы; регламентация совместной деятельности государства и религиозного объединения, например, в области религиозного образования, армейских священников и т.д.

Заключение государственно-церковного договора предполагает обоюдную выгоду и для государства, и для религиозной организации. Прежде всего, соглашение о сотрудничестве приобретает силу закона. Это значит, что закрепленные в государственно-церковном договоре права и обязанности сторон, порядок их осуществления не нуждаются в дополнительном регулировании и контроле. Кроме того, при всей унифицированности принципов, права и обязанности каждой конкретной церкви при осуществлении деятельности в определенной публичной сфере различны, хотя и осуществляются в соответствии с общими принципами свободы совести. Соответственно, заключаемые с учетом соответствующей специфики каждой из церквей ГЦД содержат обязательные нормы и правила, единые для всех религиозных объединений.

Заключение государственно-церковных договоров в России способствовало бы укреплению правовой системы в целом государства и легитимности возрастающего публичного статуса религии. При этом закрепление прав и обязанностей конкретной религиозной организации и государства в рамках соответствующего ГЦД, отвечающего нормам федерального законодательства,

гарантирующего равные возможности для однородных субъектов, обеспечило бы легитимное ограничение их прав при соблюдении принципа толерантности и единства закона.

Учитывая ненормативный характер соглашения, отсутствие в российском законодательстве правовых норм, раскрывающих его статус, содержание и специфику как правового регулятора государственно-церковных отношений, необходимо принять нормативный акт (например, федеральный закон), устанавливающий существенные условия такого рода договоров в целом, порядок их заключения, исполнения и прекращения, критерии определения субъектного состава договора, а также компетенцию государственных органов управления по вопросу договорного регулирования государственно-церковных отношений. Однако возможно и внесение соответствующих изменений в уже имеющийся Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» без принятия нового закона. В целях конкретизации указанных нормативных положений Правительство РФ могло бы утвердить примерный (типовой) государственно-церковный договор, перечень документов, необходимых для предоставления религиозными организациями для его заключения и регистрации в уполномоченном органе (например, в Министерстве юстиции РФ)[5].

Вместе с тем подробные детали о статусе соглашения как частном проявлении государственно-церковных отношений лишь еще четче обозначили основную, на мой взгляд, проблему правового регулирования свободы совести в нашей стране. Развилка между конституционной нормой отделения и реальной практикой сотрудничества будет порождать все новые проблемы, подрывающие стабильность и влияние государственного управления в целом. В России сложилась, по сути, кооперационная модель, но со своими особенностями: Российская Федерация — светское государство, все религии равны перед законом, отсутствует государственная церковь, а договорные отношения являются правовой основой

[5] Мирошников В.В. Мировой опыт в укреплении толерантности: государственно-церковный договор/религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения. М., 2006. С. 273–274.

для совместной деятельности в области социальной политики, без придания особого юридического статуса религиозным объединениям. Строгого отделения не получается. Может быть, это установка для будущего. Но сейчас следовало бы сопоставить теорию и практику и четко определиться: или отделение, или кооперация. То есть оставлять конституционную норму отделения или нет. Если же все-таки продолжать курс на строгое отделение без изменения конституционной нормы, то тогда необходим пересмотр масштабов и форм социальной активности религиозных объединений, серьезного сокращения совместных с государством проектов.

Совершенно очевидно, что назрела насущная потребность глубокого профессионального анализа государственной политики в области свободы совести и определения ее перспектив.

М.М. Мчедлова[1]

Государство и религиозные организации: приоритетные сферы сотрудничества[2]

Государственно-конфессиональные отношения отражают формы присутствия религии и религиозных организаций в политической структуре общества, вплоть до конституционно оформленных. При этом необходимо подчеркнуть, отсутствие прямой зависимости между наличием в политической структуре религиозных организаций и уровнем религиозности, что заставляет не только переосмысливать традиционные подходы к роли религии в современном обществе, но и включать в анализ социально-политического процесса современности религиозный и шире социокультурный фактор в различных смысловых и концептуальных параметрах[3]. Специфика государственно-конфессиональных отношений в России должна отражать сущностные параметры социальной ткани нашей страны, логику и философию как государственной политики по отношению к религиозным организациям, а также место и роль религиозных организаций в структуре

---

[1] **Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН.**

[2] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2016) № 14-28-00218.

[3] Об этом см.: Мчедлова М.М. Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности. М. : РУДН, 2011 ; Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв.ред. И.С. Семененко ; Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.] ; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова ; Институт социологии РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2015.

гражданской организации жизни. Нормативно оформляемые и законодательно закрепляемые такие взаимоотношения ставят вопрос о соотношении подвижного и консервативного в развитии, в государственном строительстве, в диалоге между светским и религиозным сегментами общества. Повышение значимости религиозного фактора и религиозных идентичностей в современных социальных и политических практиках, инкорпорирование религиозных смыслов в сферы публичной и международной политики коррелирует с необходимостью оптимизации управленческих стратегий и технологий для обеспечения ценностного единства и стабилизации социальной системы, что определяет потребность в совершенствовании механизмов и практик государственно-конфессиональных отношений. Принимая во внимание поликонфессиональный характер российского общества, риски современных тенденций и актуализировавшиеся противоречия между светским и религиозным, исследование различных сторон воздействия религиозного фактора на социально-политический процесс в российском обществе, прежде всего в ценностно-нормативном и институциональном контекстах, представляется востребованным для обеспечения социальной консолидации и укрепления российской идентичности.

Качественные трансформации социально-политической ткани, актуализация новых параметров присутствия религиозного фактора, возникающие новые противоречия акцентируют новые социальные потребности и вызовы, на которые нужно реагировать в первую очередь и которые требуют культурного, политического и юридического ответа, чтобы вероятная реакция была не деструктивная, а нормативная, управленческая и опережающая. Из всего спектра новых проявлений религиозного фактора в политике, целесообразным представляется сделать акцент на следующих: каково влияние религии и веры на жизнь человека и общества, соотношение светского и религиозного, общественно одобряемые формы сотрудничества государства и религиозных организаций, а также дискуссия о пересмотре концептуального и идеологического

наполнения парадигмы прав и свобод человека как светской по своей природе[4].

Вопрос, каково современное влияние религии и религиозной веры на жизнь человека и общества, вероятно, является ключевым. Формирование смыслообразующего с помощью религиозных интенций духовного, социального и политического контекста отражает как значимость онтологической идентичности как религиозной, так и потребность духовных исканий и поиска высших ценностной в современном дегуманизированном мире. Согласно данным опроса ИС РАН (апрель 2015 г.), религия и религиозная вера выполняют две основные функции: нравственно-регулятивную (удерживает от дурных поступков, помогает стать высоконравственным человеком), так считает 37% россиян, и утешительно-компенсаторную (утешает в беде и помогает пережить ее), так считает еще 38% наших сограждан. Причем даже атеисты, очень скептично настроенные к влиянию веры и религии на жизнь человека и общества, отдают этим двум функциям предпочтение (14 и 16% соответственно) Это одна сторона, и неслучайно религиозные организации настаивают, что их основная сфера, особенно в партнерстве с государством, — это нравственно-моральная сфера и благотворительная деятельность. С другой стороны, по мнению каждого пятого россиянина, религия и религиозная вера рассматривается как способ сохранения национальных традиций и культуры, как способ обеспечения возрождения национального духа и духовного-нравственного возрождения общества. И это вторая большая сфера возможного социального партнерства или углубления сотрудничества между государством и религиозным организациями: сфера сохранения идентичности, традиций, цивилизационного статуса России.

Нельзя также оставить в стороне и персональную проекцию рассматриваемой проблемы. Для 19% наших сограждан религия и

[4] Здесь и далее приведены данные общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N=4000), проведенного в апреле 2015 г.

религиозная вера наделяет человеческую жизнь смыслом, что отражает как поиски трансцеденции, так и онтологизацию религиозных параметров индивидуальной идентичности.

Вопрос о пересмотре границ принципа светскости: является ли данный политико-правовой принцип предельным или сегодня возникают какие-то точки пересечения религиозного и светского, что предполагает поиск новых политических и юридических форм их взаимоотношений. Следует солидаризироваться с мнением отца Всеволода Чаплина о том, что необходимо новое переосмысление отношений между идентификационными нормами, религиозными нормами и нормативными установлениями.

Если обратиться к данным опроса, то оказывается, что сторонниками крайнего принципа светскости являются всего 30% россиян, которые считают, что религиозные организации должны работать только в сфере удовлетворения религиозных потребностей верующих или вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь. Остальные, включая даже атеистов, считают, религиозные организации играют социально значимую роль в различных сферах общественной жизни, и, соответственно, органам государственной власти необходимо сотрудничать с религиозными организациями в определенных сферах — от традиционных и заканчивая связанными с поддержанием культурной самобытности. Причем плодотворное участие религиозных организаций в общественной жизни непосредственно связано с возможностью конструктивного сотрудничества приверженцев различных религий и мировоззрений, что напрямую зависит от ориентаций и настроений приверженцев основных российских конфессий, прежде всего православных и мусульман.

Среди сфер общественной жизни, в которых деятельность религиозных организаций могла быть наиболее позитивной, респонденты православной и мусульманской групп на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей, причем у мусульман данный показатель наиболее высокий (45 и 41% соответственно).

На втором месте в данных группах — милосердие и благотворительность (30%), на третьем — сохранение культурного наследия (23%), причем показатели в обеих группах одинаковые. Далее и у православных, и у мусульман следуют имеющие близкие значения — разрешение межнациональных разногласий, нейтрализация агрессивных настроений и пропаганды насилия, смягчение жестких форм социального протеста, культурное творчество (в пределах 10–20%). На самом последнем месте — позитивное воздействие на политическую жизнь (хотя при этом у мусульман процент здесь в три раза выше). Таким образом, нельзя не увидеть, что шкала предпочтительных сфер социальной и культурной деятельности у православных и мусульман практически совпадает. Интересными представляются предпочтения атеистов: на первое место выходит сфера милосердия и благотворительности (15%), на второе — сохранение культурного наследия (11%), на третье — духовно-нравственное воспитание (10%). Далее следуют возможности религиозных организаций в нейтрализации агрессивных настроений и пропаганды, смягчение жестких форм социального протеста, разрешение межнациональных разногласий, культурное творчество. На самом последнем месте также возможность позитивного воздействия на политическую жизнь. При этом особо следует отметить, что в отличие от православных и мусульман уровень поддержки социальной деятельности религиозных организаций у атеистов значительно ниже. Так, только сферы деятельности, занявшие первые три места, набирают 10% и более, однако в атеистической группе самый высокий процент респондентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос. Нельзя не видеть, что, несмотря на различия в количественных значениях показателей, большинство респондентов всех групп связывает позитивную социальную деятельность религиозных организаций в первую очередь с духовно-нравственной областью, милосердием и благотворительностью, сферой культуры.

Несмотря на наличие достаточно высоких показателей поддержки крайних форм светской организации общества, тем не менее большинство респондентов все же отмечают серьезную

позитивную роль социальной деятельности религиозных организаций в самых разнообразных сферах, поддерживают активную социальную роль религиозных институтов. При этом у православных и мусульман соответствующие показатели, как правило, существенно выше. Данное положение демонстрирует отражение в массовом сознании россиян новых форм присутствия религиозного фактора в обществе сквозь призму выхода религиозных организаций за «церковную ограду», а признание роли религиозных организаций в сохранении исторического наследия отражают как признание исторической роли традиционных российских религий в строительстве общества и государства, так и их важнейшую роль в сохранении исторической памяти и, как следствие, российской идентичности[5]. Вопрос о возможности и формах сотрудничества представителей различных религий (особую важность здесь имеет православно-мусульманский диалог) является проекцией проявления религии как идентификационного критерия, а также параметров выстраивания общероссийской идентичности. Обращаясь к возможности сотрудничества приверженцев различных религиозных традиций в России, следует еще раз подчеркнуть две актуализировавшиеся проблемы: социально и политически значимых форм деятельности религиозных организаций и соотношения светского и религиозного.

С другой стороны, а в какие же сферы сограждане не хотели бы, чтобы вмешивались религиозные организации? Несмотря на существующие очень болезненные дискуссии, на информационные поводы агрессивного выступления против какого бы то ни было присутствия религиозных организаций и религии в публичном пространстве, единственной сферой, где могла бы сыграть отрицательное воздействие религиозная организация, являются экстремистские действия (около четверти наших сограждан). Во всех остальных, даже таких дискуссионных, как сферы образования и

[5] В данном контексте конструктивным выглядит такая форма сотрудничества государства и религиозных организаций, как бюджетное финансирование восстановления религиозных памятников культурного значения, а также совместные усилия в разрешении межнациональных разногласий.

науки, — только от 6% до 9% (достигая самого высокого показателя у атеистов — 13%) россиян говорят о том, что там религиозные организации могут сыграть негативную функцию.

Если взглянуть более пристально, то около половины опрошенных во всех группах затруднились ответить на вопрос о негативной роли религиозных организаций в общественной жизни, причем самый высокий процент имеют здесь православные респонденты. Только весьма небольшая доля респондентов во всех религиозно-мировоззренческих группах считает, что религиозные организации могут играть в общественной жизни негативную роль. Исключение составляет только опасность **религиозного экстремизма**, на которую указало по всей совокупности около четверти опрошенных (29% мусульман, 22% православных, 24% атеистов). Одновременно уровень негативной оценки влияния религиозных организаций в области сохранения традиций и культурного наследия — от 1% в православной группе до 5% в мусульманской; защиты гражданский и политических прав — от 2% у православных до 4% во внеконфессиональной группе; законности и правопорядка — от 3% у мусульман до 5% в остальных группах; личностных взаимоотношениях — от 2% у православных и атеистов до 8% среди внеконфессионально-религиозных лиц; семейных отношений — от 1% во внеконфессиональной группе до 5% в мусульманской. Таким образом, точка зрения о негативности роли религиозных организаций в жизни общества (за отмеченным исключением, касающимся религиозного экстремизма), носит ярко выраженный периферийный характер во всех религиозно-мировоззренческих группах.

Данный вопрос, конечно, более чем дискуссионен, но он маркирует время поиска новых форм сопряжения религиозного и светского, признания социальной значимости религии и может быть свидетельством того, что крайние идеологические и политические позиции относительно форм присутствия религии в сферах общественной жизни и государственно-конфессиональных отношений неприемлемы.

Против того, чтобы элиминировать религиозные организации из сферы образования и науки выступают не только приведенные цифры, которые показывают массовые умонастроения, но и тот огромный потенциал конструктивного сотрудничества, который мы видим на различных конференциях. Можно привести пример: перед юбилеем Великой Победы была замечательная конференция «Духовный фактор Народной Победы»[6], организованная Национальным исследовательским ядерным университетом МИФИ, РПЦ (митрополитом Илларионом), Центром молодежных программ и проектов и Молодежным интеллектуальным центром «Лаборатория мысли» в МИФИ, посвященная роли церкви в Великой Отечественной войне, что просто продемонстрировало колоссальные возможности для развития диалога в поле исторической памяти, обеспечения смыслового единства российской идентичности и на данных площадках.

И еще одна более глубинная проблема: пересмотр секулярной парадигмы, понимания прав и свобод человека. Последние понятия нельзя рассматривать в отрыве от долженствования и ответственности, они должны существовать вместе, в равновесии, это является основой данной концепции и способа политического развития. Сегодня в обществе отчетливо прослеживаются такие тенденции, как крайнее толкование свободы; условность и индивидуализация истины; с другой стороны — возвращение религиозных форм мобилизации и солидарности, замещающие собой традиционные гражданские и политические. Это имплицирует поиск новых форм диалога и взаимодействия между религиозными идентичностями и светскими, определения ценностной основы для такого диалога при наличии различных мировоззренческих и иных предпочтений.

Основное онтологическое противоречие современности, остро актуализировавшееся в глобальном процессе разрушения прежних социально-политических референций, есть противоречие между

[6] В МИФИ прошла конференция «Духовный фактор народной Победы». 06.05.2015 // Официальный сайт Московского патриархата РПЦ [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4069457.html

моралью, правом, свободой и справедливостью, способы разрешения которого являются предметом дискуссий, в том числе и интеллектуальных. Эти процессы, получившие реальное выражение в трагических событиях в Париже 7 января 2015 г. и массовых выступлениях после них, свидетельствуют о пересмотре политического метанарратива Модерна, его основной несущей конструкции — демократии, имплицирующей политические и юридические коллизии. Особенно ярко это манифестируется в дискуссии о приоритете чувств верующих или светских демократических свобод. В Заявлении Межрелигиозного совета России «О свободе слова и оскорблении чувств» верующих констатируется, что «свобода самовыражения не должна ущемлять права других людей, унижать честь и достоинство верующих, оскорбляя то, что является для них самым сокровенным и дорогим. Индивидуальная свобода должна подчиняться принципам справедливости, человечности и общего блага»[7].

Когда речь идет о свободах и правах человека и о том, какими характеристиками наделяется в представлениях россиян демократическое общество, то оказывается, что за 17 лет произошла существенная трансформация в понимании значимости основополагающих характеристик: если в 1998 г. о свободе вероисповедания говорили 24% как о необходимом атрибуте, то сегодня на необходимости данной свободы настаивает всего 14%. В 1998 г. свобода печати была абсолютной характеристикой демократического общества для 48% россиян, то в 2015 г. этот показатель упал практически в 2 раза, и свобода печати как необходимая характеристика важна только для 26%. Однако, если о равенстве всех граждан перед законом в 1998 г. говорили 54% россиян, то сегодня уже 70%. То есть произошла трансформация значимости прав и свобод человека, когда, казалось бы, неоспоримые демократические институции потеряли практически половину своей значимости

[7] Заявление Межрелигиозного совета России «О свободе слова и оскорблении чувств верующих» // Официальный сайт Московского патриархата РПЦ. 26.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3966511.html

(та же тенденция прослеживается и по другим показателям), а приоритет равенства всех перед законом стал основным мотивом целеполагания.

Одновременно вопрос о свободе печати и вероисповедания начинает играть новыми гранями в связи с публичными посягательствами на символы религиозной веры, оскорблениями чувств верующих. 85% (87% православных, 91% мусульман, 68% атеистов) наших сограждан считают, что никогда не может быть оправдания оскорблению чувств верующих. Оскорбление религиозных чувств относится к числу наиболее осуждаемых поступков, выходя по уровню неприятия на третье место — у православных после употребления наркотиков и жестокого обращения с животными, у мусульман — после однополых браков и гомосексуализма. Исходя из подобных предпочтений, можно сделать вывод, что вероятная сфера регулирования взаимоотношений между религией и правами и свободами человека должна находиться именно в нормативной плоскости, что позволит снизить риски и нивелировать конфликтность обнажившихся противоречий.

Сегодняшняя ситуация показывает, что неуниверсальность политико-правового принципа светскости имплицирует напряженный социально-политический контекст. Несмотря на повышенную болезненность современных дискуссий о роли религиозного фактора в социально-политическом процессе, в России религиозный фактор может выступать фактором социальной стабилизации в отмеченных сферах, что предопределяет поиск новых форм взаимоотношений государства и религиозных организаций, исходя из вызовов современности и потребностей общества.

Д.В. Пахомов[1]

Межрелигиозное согласие в России — анализ угроз дестабилизации в связи с последними событиями на Ближнем Востоке

1. Геополитический контекст

Актуальная стратегия действующей администрации США на Большом Ближнем Востоке (под которым, помимо собственно Ближнего Востока, понимается регион Северной Африки и Иран) базируется на принципах теории управляемого хаоса, чем существенно отличается от стратегии предыдущих администраций, нацеленной на установление прямого контроля за критически важными нефтеносными регионами через военную оккупацию и управляемые режимы. Смена стратегии вызвана как необходимостью сохранить глобальное лидерство при углубляющихся диспропорциях глобальной финансовой системы, так и соображениями разработки более экономной стратегии глобального доминирования, позволяющей сократить военные, управленческие и финансовые издержки.

Основная задача США в целом в глобальной политике — эскалация глобальной нестабильности с целью снижения темпов роста стран БРИКС и стимулирования вывода капиталов с развивающихся рынков в экономику США, а также сохранение доллара в качестве доминирующей мировой валюты. В рамках этой глобальной стратегии применительно к региону Большого Ближнего Востока реализуются две локальных стратегии. Первая стратегия — управляемая дестабилизация с целью контроля за нефтяными ценами

[1] **Пахомов Дмитрий Вячеславович — директор Фонда поддержки христианских церквей «Международный фонд Христианская Солидарность», Сопредседатель Международной Ассоциации «Христианство и Ислам».**

и путями транспортировки углеводородных энергоносителей в Европу и динамично развивающиеся страны АТР (прежде всего в Китай). Вторая стратегия — контроль за ключевыми государствами региона по принципу divide et impera («разделяй и властвуй»). В период 2010–2013 гг. реализовывался первый этап дестабилизации макрорегиона, условно называемый «арабской весной». В настоящее время наблюдается переход к следующему этапу, характеризующемуся резким усилением ультрарадикальных исламистов, прежде всего группировки «Исламское государство» и ее сателлитов, и вовлечение всех ключевых государств макрорегиона в затяжную борьбу с ними. Одновременно наблюдается актуализация угрозы экспорта нестабильности за пределы макрорегиона, в частности, в Среднюю Азию и на Северный Кавказ, что формирует уже непосредственную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации.

Согласно имеющейся информации, в настоящее время действующая Администрация США реализует четкий план по провоцированию прямого вооруженного конфликта между Ираном и Саудовской Аравией, с целью ослабления (на первом этапе), а впоследствии и разделения на несколько частей (второй этап) этих крупнейших государств Ближнего Востока. Можно с уверенностью констатировать, что гибридная ирано-саудовская война — это уже наличествующая реальность!

Шиитское движение «Аль-Хути» (хусисты, «Ансар Алла»), контролирующее большую часть территории Йемена и ведущее вооруженную борьбу против стран «Арабской коалиции» во главе с Саудовской Аравией, поддерживающих правительство в изгнании покинувшего страну легитимного Президента Абд Раббо Мансура Хади, по некоторым данным, в течение нескольких лет получало значительную материальную поддержку и оружие от США, формально для борьбы с местной ячейкой Аль-Каиды.

После изгнания Президента Абд Раббо Мансура из Йемена и эскалации гражданской войны в стране, именно США фактически спровоцировали Саудовскую Аравию и ее союзников на военное противостояние с хусистами, ставя перед собой четкую

задачу втягивания шиитского Ирана в прямой конфликт со странами «Арабской Коалиции» на стороне шиитского Движения «Аль-Хути».

В случае удачной реализации данного негативного сценария в вооруженный конфликт может быть втянута и входящая в военный блок НАТО Турция, а также входящие в состав ОДКБ государства, непосредственно граничащие с нестабильными регионами. Перетекание боевых действий из одного региона в другой более чем возможно, а это уже грозит глобальной войной на просторах всего Евразийского континента.

2. Угроза экспансии ИГ в Российскую Федерацию, в Среднюю Азию и на территорию макрорегиона Большой Кавказ

В 2014 г. Россия вступила в жесткий геополитический конфликт с США, имеющий тенденцию к углублению. Президент США Барак Обама в 2014 г. провозгласил «агрессию России на Украине» одной из трех главных угроз для мирового сообщества. Активность антироссийской кампании в глобальных информационных СМИ, политическое давление на ЕС и мировое сообщество в целом, направленное на экономическую изоляцию России, а также попытки дипломатического «перехвата» союзников России указывают на глобальный характер и системность антироссийской политики США. Логика политики США предопределяет активизацию работы, направленной на дестабилизацию внутриполитической ситуации в Российской Федерации, как минимум — с целью значительного ослабления экономического, оборонного и внешнеполитического потенциалов России, как максимум — с целью свержения действующего Президента РФ и фрагментацию России на несколько государств.

Как показывает опыт «цветных революций» на постсоветском пространстве и так называемой «арабской весны» на Ближнем Востоке, основными методами внутриполитической дестабилизации являются поддержка радикальной оппозиции и разжигание межнациональных, межплеменных и межрелигиозных

конфликтов. Первый способ избирается при наличии сильных оппозиционных настроений и кризиса популярности высшего политического руководства. Второй способ оказывается предпочтительным при консолидированной политической системе и популярных верховных руководителях, но опирающихся на хрупкий или потенциально разрушаемый консенсус изначально не доверяющих друг другу национальных или религиозных групп.

Ситуация в России приближается ко второму варианту из описанных — в России наблюдается высокий рейтинг ее президента Владимира Путина, как официальные, так и несистемные оппозиционные партии слабы и не имеют большой популярности у населения. Наиболее прозападные либерально-оппозиционные круги пользуются популярностью только в Москве и Санкт-Петербурге, при этом основной круг их сторонников составляет служащие и интеллигенция, в целом не способные к активным «силовым» мероприятиям.

При этом ситуация с межнациональным и межрелигиозным миром, а также с распространением экстремистских идей в исламской упаковке в России далека от идеальной. Несмотря на купирование в большинстве случаев наиболее радикальных форм экстремистских проявлений — прежде всего террористической деятельности радикальных групп исламистского толка, уровень бытовой ксенофобии среди русского населения, равно как и проникновения экстремистских учений в исламскую среду, следует признать достаточно высоким. Этническое и религиозное разнообразие России является как преимуществом, так и уязвимостью: продвижение экстремистских националистических и религиозных идей в таком обществе значительно облегчается, а при значительном ухудшении социально-экономической обстановки с высокой вероятностью приводит к внутриполитическому взрыву. Примером такого варианта развития событий может служить история межнациональных конфликтов на пространстве СССР — постсоветском пространстве в период конца 80-х — начала 90-х гг. При этом в настоящее время, в отличие от указанного

периода, значительно большую роль приобретает не национальный, а религиозный фактор.

Немаловажен и тот факт, что как в среде сторонников радикальных исламистских идей, так и в среде русских националистов наблюдается наибольшее количество людей, готовых к активным «силовым» мероприятиям. Во всех этих средах приветствуется и активно практикуется спортивная и военная подготовка. Соответственно, участие в социальных конфликтах представителей этих сред, тем более организованных в движения, значительно повышает их остроту и возможные негативные последствия.

На территории Российской Федерации экстремисты исламистского толка наиболее активны на территории Северо-Кавказского федерального округа (Северного Кавказа). Именно на этой территории наиболее часты проявления самой радикальной формы экстремистской деятельности — терроризма. Такое положение дел обусловлено как историческими причинами (первая война в Чечне, период существования независимой «Ичкерии», контртеррористическая операция и стабилизация ситуации в Чеченской Республике с последовавшим затем уходом исламистских радикалов, в частности представителей «Имарата Кавказ», в другие регионы Северного Кавказа), так и специфическими условиями существования республик Северного Кавказа. Таковыми условиями являются демографические (высокая доля молодежи среди населения), социальные (высокое значение этно-клановых и родственных связей, в том числе при формировании органов власти и бизнес-элиты, и, как следствие, ограниченность социальных лифтов для молодежи) и культурно-исторические (традиционный уклад жизни, уважение личной силы и смелости, исторический опыт межнациональных конфликтов и конфликтов с Российской империей) особенности региона. В этих условиях исламские республики Северного Кавказа оказались восприимчивы к влиянию салафитских проповедников и пропаганде экстремистских организаций салафитского и ваххабитского толка (в том числе и уже упомянутого «Имарата Кавказ»), призывавших к джихаду, под

которым они понимали борьбу с властями Российской Федерации за построение в будущем на территории Северного Кавказа независимого исламского государства.

В преимущественно исламских регионах Северного Кавказа наблюдаются две противоположные тенденции — внешняя стабилизация ситуации, выражающаяся в формировании жестких региональных политических систем и снижении количества радикальных силовых проявлений исламского экстремизма (в том числе терактов) и скрытая экспансия экстремистских и джихадистских идей на фоне общей исламизации молодежи. Наиболее активен этот процесс в Дагестане, где смена власти и последовавшая попытка нового руководителя Рамазана Абдулатипова переформатировать систему неформальных клановых и властных квот в региональной власти в значительной степени потерпела неудачу. В настоящее время процесс скрытой экспансии экстремизма джихадистского толка конвертируется в повышение силовой экстремистской активности. Примером подобной тенденции можно назвать теракты в г. Грозном в декабре 2014 г. Таким образом, минимум вооруженной и террористической активности экстремистов, достигнутый в результате подавления прежних, существовавших еще с «чеченского» периода радикальных движений, оказывается, преодолен вследствие нарастания новых негативных тенденций в исламском сообществе Северного Кавказа.

На глубокое вовлечение молодежи республик Северного Кавказа с преимущественно исламским населением (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) в религиозную жизнь ислама накладывается значительное повышение роли интернета и социальных сетей, делающих доступными агитацию иностранных радикальных джихадистских движений, а также агитация «миссионеров» этих движений непосредственно «на местах». Также негативную роль оказывает симпатия некоторой части имамов этих республик к салафитской версии Ислама, при этом данные представители духовенства не формируют негативное отношение к экстремистским джихадистским движениям и вооруженному экстремистскому подполью.

Особая ситуация сложилась в Чеченской Республике. Благодаря жесткой позиции руководства Чечни инфильтрация проповедников экстремистских структур практически полностью пресекается республиканскими силовыми структурами, а высокий уровень внимания руководства республики и республиканского исламского духовенства к религиозному образованию населения обеспечивает высокий уровень религиозной грамотности и профилактику вовлечения в экстремистскую деятельность.

Вместе с тем экспансия экстремистов исламистского и джихадистского толка не исчерпывается Северо-Кавказским регионом. Схожим образом, посредством возможностей интернета и через агитацию миссионеров-экстремистов, происходит вовлечение в экстремистскую деятельность и в центральных регионах России. Здесь условиями, благоприятствующими такому процессу, является нелегальная миграция из государств Средней Азии и Закавказья (Азербайджан) с преимущественно мусульманским населением, влекущая формирование изолированных поселений мигрантов на производствах, строительных объектах, рынках и т.п., все более приобретающих признаки гетто. Необходимость отправления коллективной молитвы при небольшом количестве мечетей в столичных городах (Москва, Санкт-Петербург) и областных центрах центральной России, с одной стороны, формирует массовые скопления людей во время главных мусульманских праздников у мечетей, с другой — вынуждает создавать в мигрантских поселениях молитвенные дома, закрытые от внешнего мира, имамами в которых становятся либо некомпетентные в исламе лица, либо непосредственно миссионеры экстремистских организаций. Возникает парадоксальная ситуация, когда исходно малорелигиозные мигранты из государств Средней Азии со светским режимом становятся сторонниками экстремистских исламистских движений в Москве или центральных регионах России.

В настоящее время в деятельности исламистского подполья в России и на постсоветском пространстве наблюдаются значимые негативные изменения. В основном они связаны со значительным усилением группировки «Исламское государство» (ранее

известная как ИГИЛ), захватывающей новые территории в Ираке и Сирии и приобретающей черты реального государства, в частности, получающей контроль над нефтяными месторождениями и возможность финансировать свою деятельность за счет продажи нефти по сверхнизким ценам. Вторая важнейшая причина, актуальная для России, — резкое увеличение спонсорской поддержки исламистских экстремистов в России из-за рубежа. В настоящее время США заинтересованы в дестабилизации ситуации в России и на постсоветском пространстве в целом. Таким образом, деятельность по стимулированию экстремистских движений исламистского и джихадистского толка в России и на территории постсоветского пространства осуществляется в соответствии с интересами США и имеет очевидную тенденцию к активизации.

Наибольшую опасность в этой связи представляет усиление центральноазиатских исламистских движений, таких как «Исламское движение Туркестана», «Исламское движение Узбекистана», «Джамаат Ансарулла», а также формирующееся в настоящее время движение «Хорасан». В исламистских движениях Средней Азии в настоящее время наблюдается перегруппировка и переход от прежней лояльности и подчинения Талибану (и, соответственно, его лидеру Мулле Омару) к непосредственному подчинению «Исламскому Государству». Так, лидер «Исламского движения Узбекистана» Усман Гади публично присягнул на верность главарю «ИГ» Абу Бакру аль-Багдади и признал его в качестве халифа. Согласно имеющимся данным, на территории Ферганской долины (во всех трех государствах — Киргизстане, Узбекистане и Таджикистане) в целом присутствует уже около 20 тысяч боевиков.

Также поступают сведения об инфильтрации этих экстремистов, а также сторонников радикального движения Хизб ут-Тахрир из Таджикистана и Узбекистана в Центральную Россию, о возвращении на территорию РФ и стран СНГ существенной части воевавших за «Исламское государство» в Ираке и Сирии. Недавно в мировых СМИ была опубликована информация о том, что только в мае текущего 2015 г. из Турции в Таджикистан вернулись и получили полную амнистию более 170 граждан этой страны, ранее принимавших участие

в боевых действиях против правительственных войск Сирийской Арабской Республики. Здесь уместно упомянуть, что только согласно публичному заявлению директора ФСБ РФ Александра Бортникова, сделанному в ходе его визита в США, всего за ИГИЛ воюют около 1700 выходцев из России, при этом некоторые источники оценивают численность таких людей как минимум в 2 раза больше.

Отдельные эксперты не исключают переноса основной боевой активности «Исламского государства» на территорию Средней Азии или даже «ребрендинга» «Исламского государства» в пользу одной из среднеазиатских группировок.

При поддержке антироссийского руководства Украины происходит формирование радикального исламистского крымско-татарского движения в Крыму. Активизируется и пропагандистская деятельность исламистских экстремистов в этом регионе.

Таким образом, в настоящее время проходит стадия укрепления экстремистского подполья. Неизбежен переход этого подполья к активным действиям, особенно в условиях публично декларируемой заинтересованности США в смене политического режима в РФ. Участники этого подполья могут быть задействованы в самых различных мероприятиях, в том числе в массовых беспорядках и террористической деятельности.

Также особым образом стоит упомянуть о том, что настроения в националистических средах, националистическом и национал-патриотическом сегменте социальных сетей демонстрируют высокий уровень исламофобии, вызванный полным отождествлением всех верующих мусульман с агрессивными представителями Северного Кавказа и государств Средней Азии. Такое восприятие свидетельствует не только об искаженном восприятии Ислама в националистических средах и в целом среди русских, но и не в меньшей степени — о высокой степени самоизоляции кавказских землячеств, не говоря о сообществах мигрантов из государств Средней Азии и Закавказья.

Кроме того, СМИ, в том числе телевидение и федеральные газеты, чаще всего упоминают тему ислама в связи с террористическими актами на Северном Кавказе или конфликтами на Ближнем Востоке, формируя представление о мусульманах как

о потенциально склонных к терроризму и экстремизму людях. В центральных СМИ крайне мало представлена религиоведческая информация об Исламе как религии, об особенностях ее религиозных школ — даже на базовом уровне. Данная ситуация не только не способствует межрелигиозному взаимопониманию, но и формирует у психопатических личностей интерес преимущественно к экстремистским вариантам исламского вероучения, так как именно о них они получили информацию в центральных СМИ.

С учетом текущей ситуации на Украине и возможности проникновения в Россию представителей экстремистских движений националистического толка, а также явно проводимой в националистических средах «античеченской» и антиисламской кампаний, указанная ситуация — при умелой организации провокаций — может привести к крупным межнациональным столкновением и внутриполитической дестабилизации в центральных регионах РФ, в особенности в Москве и Санкт-Петербурге.

Для предотвращения подобных сценариев, а также для налаживания взаимодействия с общественно-активными сообществами, как русских националистов, так и землячеств Северного Кавказа, важную положительную роль может сыграть Русская Православная Церковь во взаимодействии с духовенством традиционного ислама.

Особым образом также стоит отметить то, что в РФ исторически сложившимся и естественным, но, к сожалению, плохо учитываемым во внутренней политике стабилизационным фактором является неоднородность религиозного состава титульных этносов в национальных республиках. В качестве примера можно привести Татарстан и Северную Осетию. По данным члена президиума Региональной татарской национально-культурной автономии г. Москвы Динары Бухаровой (опубликованы в целом ряде православных СМИ), «крещеные татары — это часть большого татарского этноса, исповедующая православное христианство, являющаяся также тюркоязычной органической частью большой русской (российской) нации. По некоторым оценкам их численность достигает до 30% от общего числа татар».

Уважаемые коллеги, благодарю за внимание!

О.А. Алешков[1]

Спасибо за предоставленное слово. Не буду вдаваться в исторический экскурс, потому что здесь было сказано и о временах большевистского безбожия, и о советском периоде, когда гонений на конфессии было не меньше.

Слава Богу, что в октябре 1990 г. был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях», и в дальнейшем в 1997 г. — сентябрьский Закон.

Ключевые особенности Закона: первое, что хотелось бы отметить, это были зафиксированы международные нормы о законе совести. Предоставлялось право юридического лица религиозным организациям с момента их регистрации; предоставлялось право религиозным организациям на благотворительность и культурно-просветительскую деятельность; право на преподавание во внутренних учебных заведениях; свободную печать религиозной литературы и ее распространение; право на совершение богослужений в воинских частях, здравоохранительных и исправительных учреждениях.

Одним из значимых шагов в Законе является желание государства допустить религиозные организации в те сферы, которые были закрыты для них в годы советской власти.

Тем не менее это никак не означает, что государство и общество освободились от всех проблем, связанных с обеспечением прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания.

Нередко как со стороны органов государственной власти, так и муниципального управления допускается отступление и нарушение действующих российских законов о свободе совести и религиозных объединениях. Какие наиболее распространенные нарушения?

---

[1] **Алешков Олег Альбертович — уполномоченный по юридическим вопросам церковного совета общины Кафедрального Собора св. Петра и Павла Евангелическо-Лютеранской Церкви европейской части России.**

• Отказ или затягивание процесса регистрации/перерегистрации религиозного объединения;

• ограничение или неправомерное воспрепятствование религиозным объединениям. Пример из жизни, трогать регионы не буду, как здесь просили — Москва, Московская область, пожалуйста: детей везли спеть в хоре в одном из соборов (не православном). Об этом узнала учитель. Директор вызывает полицию. Почему? Не понятно;

• отказы в праве на альтернативную гражданскую службу;

• выделение бюджетных средств для ремонта или строительства культовых зданий определенной конфессии;

• диффамация отдельных религиозных объединений в СМИ;

• в одной из телепрограмм устами православного протоиерея был дан ответ на вопрос слушателя «Кто такие протестанты, лютеране?». Он ответил так: «А кто самый главный протестант? Кто выразил первый протест Богу? Дьявол, вот вам и ответ, кто такие протестанты»;

• отказ или затягивание с ответом при рассмотрении заявлений религиозных организаций о возвращении зданий или о строительстве новых культовых зданий. Так, например, совсем недавно со стороны местных властей в г. Ярославле была попытка изъятия храма у лютеранской общины. И с трибун прозвучало такое: «Почему мы должны отдать лютеранам его? Почему мы должны отдать этот собор немцам?» Мы говорим: «Лютеране — это не немцы, лютеране — русские!»

По воле Божьей благодаря своевременному широкому общественному освещению данного вопроса Храм удалось отстоять.

На этой конференции уже прозвучало то, что простые люди разных конфессий находят между собой понимание быстрее и проще, чем через объяснения своих пастырей. У меня есть друг-мусульманин, волей Всевышнего он оказался в Норвегии, мы дружим 20 лет с ним. Его иногда, спрашивают его же соотечественники: «Как ты дружишь с христианином, тем более с русским?» Меня тоже иногда спрашивают: «Как ты дружишь с мусульманином, тем более чеченцем, разве для тебя ислам — это не насилие и террор». Я отвечаю: «Нет, для меня нет».

На конференции собрались достойные и уважаемые люди своих конфессий. При объявлении некоторых выступающих больше времени занимает чтение их регалий, чем само выступление. Вроде все говорят хорошо, все правильно, мирно и чинно. Но почему паства-то такая дремучая, с такими убеждениями нетерпимости, страха и ненависти к другим конфессиям?

Это все частности, конечно.

В основном современная религиозная жизнь в России обусловлена возрождением и возрастающим влиянием традиционных конфессий (православие, лютеранство, ислам).

История Лютеранской Церкви в России насчитывает почти пять веков. Лютеране давно стали частью истории России, и не только частью, но как никто другой способствовали культурному, интеллектуальному, политическому, военному развитию Государства Российского. И мы, лютеране, не пришлые в России «чужеземцы», Россия — это наша страна, с которой лютеране прошли весь путь ее светлых и темных страниц. Пользуясь правами в соответствии с Законом, наша организация плодотворно занимается социальной, благотворительной, культурно-просветительской и образовательной деятельностью. Известными российскими лютеранами были Михаил Богданович Барклай-де-Толли, Витус Ионассен Беринг, Иван Федорович Крузенштерн, Антон Антонович Дельвиг, Карл Павлович Брюллов, Петер Карл Густавович Фаберже и многие другие.

В советское время Лютеранская Церковь на территории России была практически полностью разрушена. Сумели уцелеть лишь немногочисленные разрозненные общины. Последовавшая в период возрождения церковной жизни массовая эмиграция российских немцев привела к серьезным качественным и количественным изменениям в составе прихожан.

Сегодня Евангелическо-Лютеранская Церковь России объединяет сотни общин и десятки тысяч верующих на всей территории России. Центральное Церковное Управление и резиденция Архиепископа находятся в кафедральном соборе св. Петра и Павла в Санкт-Петербурге. В Москве и Омске располагаются центры ее

региональных Церквей (епархий) — европейской части России и Урала, Сибири и Дальнего Востока соответственно.

Образовательным учреждением Евангелическо-Лютеранской Церкви России является Теологическая семинария, расположенная под Санкт-Петербургом, в деревне Новосаратовка. Руководителем Церкви является архиепископ. Он избирается Генеральным Синодом и председательствует в Генеральной Консистории — высшем исполнительном органе Церкви. Двумя региональными Церквями руководят епископы.

Помимо собственно богослужебной и миссионерско-просветительской деятельности, наша Церковь активна в следующих областях: образование, концертная и выставочная деятельность, развитие межцерковного диалога, детская и молодежная работа, работа с пожилыми людьми, диаконическое (социальное) служение, душепопечительская помощь, уход за захоронениями, строительство и восстановление церковных зданий.

Общая численность российских лютеран на сегодня — около 150 тыс. человек.

Вернусь к Закону.

Несомненно, важнейшим фактором российского законодательства в области свободы совести и вероисповедания являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

То есть налицо прямое действие и применение актов международного права, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.

Практика показывает, что граждане стали чаще обращаться в Европейский суд по правам человека, и религиозные организации — не исключение.

Данные обращения не свидетельствуют об увеличении нарушений, а говорят обо все еще существующем недоверии людей национальным судам в России.

Решения Европейского суда по правам человека не зависят от государств и обязательны для исполнения, в том числе и в Российской Федерации. К сожалению, в судебной системе РФ до сих пор существует «негласное» предпочтение национальным законам перед международным правом.

Но ради справедливости нужно отметить, что суды РФ все чаще стали обращаться не только к тексту Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и к практике Европейского суда.

Конечно, и сегодня есть ряд существенных проблем в реализации свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации.

Но в целом в нашей стране приняты Законы и созданы условия для деятельности религиозных организаций и групп.

И есть надежда, что наше государство, позиционирующее себя как демократическое общество, и в дальнейшем будет создавать условия для полного выражения каждым человеком своей духовной свободы.

С Богом!

Е.Г. Романова[1]

Спасибо большое. Коллеги, я готовилась к большому выступлению, но в связи с тем, что времени нет, так же, как Лев Семенович Симкин, буквально три момента обозначу. Все остальное вы сможете прочитать в сборнике, который будут готовить организаторы.

Тема, к которой я обратилась, это сфера образования, вернее, взаимодействие религиозных организаций и государства в этой сфере. И, как я сегодня уже успела услышать, хотя и не была на всем заседании, эта тема волнует многих, в том числе и потому, что внутри сферы образования для религиозных организаций есть многие моменты, которые не отрегулированы четко, непонятны или трактуются по-разному. В этом плане я хотела бы обратить ваше внимание на то, что первый Закон «Об образовании» в РФ, так же как и Закон «О свободе вероисповеданий», на что некоторое время назад обращал внимание Владимир Васильевич Ряховский, был принят еще до принятия Конституции в 1993 г.

Однако же Закон Российской Федерации «Об образовании» просуществовал 20 лет — с 1992 до 2012 г. Но в нем в первоначальной его редакции тоже были некоторые новеллы, которые впоследствии, много лет даже, противоречили конституционным нормам. Я веду речь в данном случае о компонентной структуре государственного образовательного стандарта, в рамках которого как раз и начиналась работа по преподаванию в регионах, в муниципальных школах различных культурологических и религиоведческих предметов.

Но подробно о том, как все происходило и как государство в первую очередь, а также религиозные организации смогли расстаться с компонентной структурой образовательного стандарта, я написала в своем материале, с которым можно будет

---

[1] **Романова Елена Геннадиевна — начальник управления Московского государственного областного университета (МГОУ), религиовед, кандидат философских наук.**

ознакомиться. Сейчас же я хотела бы обратить ваше внимание на то, что самым последним известным изменением в сфере образования, связанным именно с фактом взаимодействия с религиозными организациями, было введение с 1 сентября 2012 г. в школах модульного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) во всероссийском масштабе, до этого два года апробированного в 19 субъектах РФ. Об этом недавнем нововведении в российские школы вы тоже все много знаете. И я в своей статье описываю некоторые нюансы того, как это происходило, поскольку знаю об этом процессе не понаслышке, будучи секретарем Межведомственного координационного совета по апробации курса ОРКСЭ, созданного в Минобрнауки России в 2009 г.

Еще я хотела бы обратить ваше внимание на то, что этот модульный курс был введен во всероссийском масштабе ровно за год до того, как в свою силу вступил новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. И в этом законе появилась абсолютно новая статья, посвященная особенностям регулирования вопросов изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, а также специфике получения теологического и религиозного образования.

Большая часть того, что определяется для регулирования в названии и содержании этой статьи, было принято уже в рамках законодательных поправок к старому закону и такое же регулирование в той или иной степени получило свое оформление в этой статье.

Но самое важное для нас сейчас в этом новом законе, наверное, является то, что некоторая часть новелл приведенной статьи нового закона не была никоим образом обсуждена общественностью, как это установлено, после опубликования проекта в Интернете, потому что эта часть была внесена в законопроект в кулуарах Государственной Думы. И наверняка эти новеллы при всей их возможной желательности для конкретных религиозных организаций достаточно спорны с точки зрения их реализации именно в самой государственной системе образования. Но закон «Об образовании в Российской Федерации» новый, ему не так много лет, возможно,

я ошибаюсь, и, наверное, жизнь покажет, как будет складываться практика реализации норм данного закона в сфере взаимодействия с религиозными организациями. Ну а подробнее вы можете прочитать в моем материале. Спасибо.

Л.С. Симкин[1]

Спасибо. Я буквально три тезиса попробую высказать. Первый заключается в том, что вот я когда готовился к этой встрече, я взял синюю книжку, которую издавали в 1988 г. И одна из этих книг (другая была «Иного не дано») называлась «На пути к свободе совести». И мне кажется, что это название очень хорошо характеризовало то время, когда формировались эти два закона, о которых мы говорим.

Если же мы охарактеризуем то состояние, в котором находимся сейчас, то я боюсь, что его можно будет охарактеризовать немножко иначе: на пути, может быть, от свободы совести — в том смысле, в котором это понималось тогда. Потому что сегодня, как выяснилось, мы это понимаем совершенно иначе. Мы говорим, что это свобода «от чего», нас не устраивает термин, хотя возникало это как естественное право в период Реформации, свободы от католической церкви и так далее. Нам всем это хорошо известно.

Следующий момент. Я хотел бы вам процитировать один абзац из этого сборника: «Слишком долго в нашем обществе подчеркивался приоритет коллективных прав над правами личности. Отсутствие уважения к личности привело к тому, что стало законным право сильного, выражавшееся как право большинства. Демократия предполагает возможность для меньшинства быть услышанным». Ну догадайтесь, чьи это слова. Анатолий Андреевич, я думаю, сейчас догадается. Архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл.

Мы сегодня говорим об идентичности, о стремлении к идентичности, а об этом говорили сегодня все выступающие, включая буддистов и иудеев. И было, в частности, сказано, что дорога, по которой мы возвращаемся к нашим корням, стала дорогой в наше будущее. Так вот, если мы в будущее идем той дорогой, которой мы

[1] **Симкин Лев Семенович — доктор юридических наук.**

возвращаемся к нашим корням, то, в общем-то, мы идем не в сторону к свободе совести, а в сторону, о которой нам рассказывала Марина Михайловна. Как считают люди, в общественном мнении вдвое сократился процент тех, кто считает, что принцип свободы совести имеет какую бы то ни было ценность.

Так вот, применительно к охране прав меньшинства или большинства. Я сейчас, когда об этом думал, сидя здесь, для себя сформулировал такую вещь: защитить права большинства можно без права, можно без закона, но защитить права меньшинства можно исключительно с помощью закона. Исключительно с помощью такого закона, который является правовым законом. Насколько наши законы являются правовыми? Я думаю, что те два закона, о которых мы говорим, при том что им исполнилось 25 лет, при всех их недостатках, они были правовыми. Они были несовершенными, но правовыми. Сегодняшние наши законы более совершенны, вне всякого сомнения, однако в них все больше и больше появляется моментов внеправовых, которые связаны с излишней бюрократизацией. Чему-то удается противостоять, что-то удается отнять, но тем не менее. С правовой неопределенностью значительного числа терминов, что опять-таки не способствует защите прав меньшинств.

И, наконец, единственное, на что есть надежда. Надежда у меня есть на два момента: первое, на некое сопротивление материала правового. Потому что тогда, когда пытаются каким-то образом ограничить права меньшинств с помощью закона, забывают о том, что закон — это такая вещь, которой, ограничивая чьи-то права, вы и свои тоже ограничиваете. И когда это выясняется, начинают выступать за то, чтобы закон уже был правовым. А второе, вот эти нормы, которые вводятся, включая ту, что подписана сейчас, о нежелательных организациях, и другие нормы с недостаточной правовой определенностью — они, мне кажется, рассчитаны все-таки на правоприменение — на выборочное правоприменение. Ну, а здесь обычная наша надежда на авось, что все-таки авось не достанет и авось правоприменители будут разумны и не станут применять их почем зря. Спасибо за внимание!

В.В. Самойлов[1]

Благодарю вас, уважаемые председательствующие и коллеги, за возможность поделиться размышлениями. Много слов сказано, не хочу повторяться о важности, о динамике развития, истории формирования закона. Многие на себе испытали положительные изменения закона, также принимали активное участие в формировании его новых базисных принципов.

Прежде чем выскажу несколько тезисов, небольшое личное отступление. В 1970-е гг., когда я был совсем маленьким, моя бабушка проводила меня в церковь евангельских христиан под полами своего пальто; Дом Молитвы был тогда единственной протестантской церковью в Москве, находившейся по адресу: Маловузовский пер., 3, сейчас это Трехсвятительский переулок. С того времени все изменилось, и мы видим совершенно другие реалии, иной уровень гражданской и религиозной свободы, отражающий трансформацию общества и государства, как следствие, неизбежность изменения претерпел и закон.

Важная историческая веха — 25 лет, некий юбилей, и праздновать его мы просто обязаны, так как календарь с памятными датами — это оестествленная или овеществленная культурная память, дающая возможность за счет циклических напоминаний не утратить свои основания. Российская Ассоциация религиозных свобод (РАРС) сделала правильное действие, напомнив нам путь обретения новой свободы, этот путь проходил в многослойности политических и экономических событий. Сейчас мы фиксируем его как историю религиозной свободы в нашей стране. Как любая история, это также имеет разные интерпретации, углы и точку зрения, но ничто из них не может отменить фактов изменения закона

[1] **Самойлов Владимир Владимирович — пастор, руководитель Экспертного Совета развития Консультативного Совета глав протестантских церквей России.**

и установление более широких законодательных границ, которые были 25 лет назад.

Мой главный тезис — это какое будущее мы строим, какое будущее имеет ценность и какое будущее требует богословского оправдания. Вопрос имеет множественность уровней и обусловленностей, одна из них — это договоренность о будущем, в том числе и религиозная договоренность, некий консенсус свободы и отношений, религий между собой, а также религии, общества и государства. Вопрос религиозной свободы — это только один из аспектов будущего, но он стоит в приоритете нашей повестки. В этом вопросе очень много сложностей, и одна из них это религиозно-духовное представление о должном-истинном. Фундаментальность этого не может быть подвержена сомнению ни одной из религий, но для взгляда в будущее требует нового языка описания и интерпретации таких понятий. Тезис о будущем хочу обозначить как тезис-вопрошание. Мы много обсуждали вопросы идентичности: «кто я?», «откуда я?». Это напомнило Освальда Шопенгауэра, которого както удивил вопрос кладбищенского сторожа: «Кто ты, откуда ты, куда ты направляешься?». Встречу со сторожем на кладбище я иногда называю «кладбищенские вопросы»: «кто я, откуда я и куда я иду?»

Мы прекрасно ориентируемся в своем прошлом, хорошо представляем начало нашего пути и где мы сейчас. Часто по-разному интерпретируем все это, но все равно сходимся в основных параметрах движения. Знаем, кто мы такие в настоящем и какие законы нас обусловливают. К сожалению, мы очень редко устремляем свой взор в будущее и практически не формируем тот образ будущего, куда нам хочется и нужно идти, в равной степени это относится и к религиозной свободе. Естественно, этот разговор касается понятия «свободы», его многогранность от философского концепта до конкретной воплощенной реальности. В этом направлении стоит говорить о пути свободы и ее будущности.

Сейчас будущее стремительно меняется, его образы формируются множеством факторов — геополитикой, внутренними политическими целями, развитием технологий, экономикой, трансформацией социальных отношений, и эти изменения должны

сопровождаться законодательными инициативами, которые имеют не догоняющий характер, а опережающий характер, чтобы мы не были в тренде догоняющего развития, а выстраивали свою концепцию, в том числе и государственно-конфессиональных отношений со взглядом в будущее, находились на фронтире развития. Задаваясь вопросом: «Что есть будущее в государственно-конфессиональных отношениях и степени свободы государства, человека, конфессии?», считаю, что вопрос будущего должен быть обсуждаем у религиозных лидеров в форме молитвенного предстояния и пророческого поиска, а у экспертной аудитории — в виде построения карт будущего религиозного ландшафта. Эти подходы не противоречат друг другу, а взаимодополняют, распаковывая священные тексты и откровения в современном языке, обсуждая и картографируя возможное будущее с учетом прогрессивного времени и таких же работ в других областях развития страны.

В этом месте я соглашусь с М.О. Шаховым. Нам жизненно необходима концепция государственно-конфессиональных отношений. Работа над ней — это важная задача, на которую необходимо обратить внимание. Развивая эту мысль в деятельном залоге, говоря о возможной концепции, считаю, что она не должна носить характер религиозной конкуренции, а обязана учитывать глубину исторического развития религии на различных территориях нашей страны и формировать синергетические силовые центры в различных направлениях жизнедеятельности. При этом необходимо на уровне проектирования создать образ религиозной ситуации России в 2035 г., делая шаги изменений в 15–20-летнем горизонте событий, создавая, условно говоря, динамичную концептуальную модель отношений. Двигаясь в условном религиозном форсайте, учитывая цивилизационные изменения при нисходящем тренде глобализации, мы видим так называемый новый противоречивый тренд, связанный с глокализацией — одновременным присутствием двух процессов, и вот в этих двух процессах удержание ядра идентичности и одновременно изменение так называемой его мантии становится одной из основных задач.

Возможно, это высказывание требует отдельного пояснения. Ядро представляется основой идентичности в священных текстах на уровне смыслов и концептов, а мантия — формой, постоянно изменяющей и удерживающей смыслы.

Разговор о религиозном форсайте является частью работы экспертного и религиозного сообщества в сфере культурной политики страны. Религиозный форсайт непосредственно связан со множеством вещей, в том числе и с новой экономикой, новым экосознанием, проходящим процессом формирования предпосылок к третьей промышленной революции, к становлению новой технологической платформы, возникновению новых рынков и профессий. В центре этого поля образа будущего стоит человек, его мышление и деятельность. Здесь уместен вопрос: какой он, россиянин будущего, имеющий уникальное мышление, новый социально-технологический уклад жизни и веру? В настоящем мы ищем место или пытаемся его сформировать для жизнедеятельности общины веры, пользуясь юридическим языком, каково будущее в рамках закона для религиозных организаций и институций, просматривая необходимость этого места в его открытости и включенности в общее развитие страны. Эти философские и практические вопросы стоят на пороге нашего дальнейшего развития, формируя повестку дня настоящего со взором в будущее.

Рамочная свобода, которую мы имеем в действующем законе, позволяет нам деятельно участвовать во множестве глобальных процессов, в том числе и в формировании повестки дня государства на мировой арене. Внесение вопросов в повестку дня через руководителей государства — это важный маркер той свободы, которая есть в государстве, а также влияния религиозного фактора на движение всего общества и цивилизации.

В завершение хотелось бы сказать, что пора уже заниматься не ретроспективным развитием, а перспективным развитием. Как сказал один из классиков, «управлять можно только развитием», а не историей. Необходимо с помощью проектирования стремиться в наше общее будущее.

Спасибо!

О.А. Яковлева[1]

Проблемы реализации прав на свободу совести, религиозных убеждений и социальных прав в современном обществе. Конституционные и законодательные гарантии свободы совести и религиозных убеждений

Право на свободу совести и вероисповедания является одним из основополагающих прав человека, гарантированных непосредственно Конституцией РФ: «Статья 28. Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, включая право иметь религиозные и иные убеждения, и действовать в соответствии с ними».

Конституция РФ не только гарантирует право каждого человека на духовную жизнь, но и защищает это право от посягательств. Статья 29 Конституции РФ запрещает принуждение к отказу от религиозных и иных убеждений.

Статья 19 Конституции закрепляет положение о равенстве прав и свобод человека в независимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Конституционное право на свободу совести и вероисповедания гарантировано в ФЗ «О свободе совести и о религиозных

---

[1] **Яковлева Ольга Алексеевна — председатель Союза православных юристов.**

объединениях» (от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ). Необходимо обратить внимание на то, что и в Конституции РФ, и в ФЗ № 125 говорится, что гражданам гарантируется не только право иметь религиозные убеждения, но и действовать в соответствии с ними.

Конституция гарантирует каждому человеку возможность жить, работать, учиться, пользоваться всеми правами, не отказываясь от своих убеждений.

Российская Федерация — социальное государство

В соответствии с положениями статьи 7 Конституции РФ Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Статья 7 — одна из норм Конституции, на которых базируются основы конституционного строя Российской Федерации.

В понятие достойной жизни, безусловно, включается право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение, защиту материнства и детства, защиту частной собственности и право человека распоряжаться ею, право человека на образование и труд. Все эти права гарантированы Конституцией РФ, статьями 41, 38, 39, 43, 35, др.

Приоритет прав человека над всеми другими ценностями. Обязанность государства по обеспечению прав граждан

Место прав человека в системе ценностей государства устанавливает статья 2 Конституции РФ, признающая права и свободы каждого высшей ценностью.

Обязанность по обеспечению прав граждан возложена той же статьей 2 Конституции на государство.

Конституция РФ определяет приоритеты, обязательные для деятельности органов государственной власти, содержания законов и их применения.

В соответствии со статьей 18 Конституции РФ, только права и свободы человека являются определяющими деятельность органов власти, а также содержание и применение законодательства.

В соответствии со статьей 17, пунктом 2 Конституции РФ «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Очень важно помнить, что в соответствии со статьей 15 Конституции РФ нормы этого закона нашей страны имеют высшую юридическую силу и прямое действие. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Эти конституционные гарантии в полной мере относятся и к конституционному праву человека на свободу совести и вероисповедания.

Государство обязано обеспечить каждому возможность полноценно жить в обществе, не поступаясь своими религиозными и иными убеждениями.

Смена концепции отношений гражданина и государства в информационном обществе

Сегодня приведенные основополагающие принципы последовательно вытесняются из законодательства и жизни общества и государства. Во исполнение международных обязательств, данных нашей страной в многочисленных документах (Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии», Окинавская хартия глобального информационного общества, Тунисское обязательство, принятое на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества и др.)[2] в России должно быть построено информационное общество.

В информационном обществе коренным образом меняются принципы существования государства и общества, понятия прав

[2] Яковлева О.А. Новые технологии и права человека / под ред. М.М. Бринчука, профессора, д.ю.н., заслуженного деятеля науки РФ. Рязань : Зерна-Слово, 2012. С. 42–43.

и обязанностей государства и гражданина постепенно заменяются на рыночное понятие «услуги». Причем стирается грань между конституционными правами граждан на пенсионное обеспечение, бесплатную медицинскую помощь, образование, др. и чисто житейскими понятиями — парикмахерские услуги, услуги в сфере быта (ремонт, торговые услуги и другие виды деятельности), которые основываются на гражданско-правовых отношениях.

В информационном обществе конституционные права граждан — это лишь услуги, оказываемые коммерческой структурой на платной основе. Переход на платность предоставления услуг был запланирован давно.

28 мая 1999 г. был принят основополагающий документ, трансформировавший конституционные права граждан в платные электронные услуги — «Концепция формирования информационного общества в России» № 32: «На начальном этапе создания социально значимых информационно-коммуникационных систем и комплексов (в сферах трудоустройства, образования, здравоохранения, социального обеспечения и других) государство берет на себя основные расходы, но в дальнейшем уходит с рынка. При этом предполагается, что **значительные финансовые ресурсы будут поступать от населения в виде оплаты предоставляемых информационных и коммуникационных услуг...»**[3].

Принимаемые в рамках международных обязательств законы входят в противоречие с некоторыми положениями российской Конституции.

Федеральный закон № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (от 27.07.2010) в корне изменил концепцию отношений гражданина и государства, закрепленную в Конституции России. Конституционные полномочия и обязанности органов власти и органов местного самоуправления по обеспечению и защите прав и свобод граждан трансформированы в коммерческую деятельность по предоставлению «платных электронных услуг». В соответствии со статьей 2 ФЗ № 210

[3] Яковлева О.А. Новые технологии и права человека. Рязань : Зерна-Слово, 2012. С. 41.

под понятие «государственная, муниципальная услуга» подпадает отныне любая деятельность по реализации функций органов государственной власти и органов местного самоуправления. ФЗ № 210 не только заменяет обязанности органов власти на услуги, но в соответствии со статьей 4 закрепляет принцип правомерности платности предоставления государственной, муниципальной услуги. Данный закон уже не регулирует права граждан и обязанности государства в основных сферах жизни человека, а **строго регламентирует условия доступа граждан к их конституционным правам на социальное обеспечение, медицинскую помощь, образование и другим правам, закрепленным в Конституции РФ.**

Возникает противоречие с действующей Конституцией РФ, в которой отсутствует само понятие «государственная услуга», а за государством закреплена обязанность по обеспечению прав и свобод граждан в основных сферах жизни (социальное обеспечение, здравоохранение, образование, защита материнства и детства, др.). Именно об этом говорится в статьях 2, 3, 7, 71, 72, 80, 82, 114 Конституции РФ, в которых защита и обеспечение прав и свобод граждан являются конституционными полномочиями всех ветвей власти, включая Президента и Правительство.

В соответствии **с действующей** «Концепцией формирования информационного общества в России» № 32 государство финансирует и контролирует создание систем и комплексов предоставления электронных услуг только на начальном этапе, а затем «уходит с рынка». После создания рынка услуг государство уже не будет иметь отношение к обеспечению конституционных прав граждан в важнейших сферах жизни человека. Вместо этого платные электронные услуги будут оказывать коммерческие организации. Именно им, собственникам коммуникационных систем и баз данных, после «ухода государства с рынка» правительство передаст свои конституционные полномочия. Эти коммерческие, в том числе, возможно, и наднациональные структуры уже не будут иметь никаких конституционных обязанностей перед гражданами РФ. Цель любой коммерческой структуры — это не обеспечение конституционных прав граждан, а извлечение прибыли. Причем

цель эта законная. Способы достижения данной цели выбирает хозяин информационных систем. Правовой основой обеспечения права на медицинскую помощь, образование, социальную защиту и других прав будет гражданско-правовой договор «об оказании платной услуги». Оплатил услугу, выполнил требования договора, предложенные собственником системы, — сможешь осуществить свое право. Не уплатил или не согласился с условиями договора — медицинские, социальные и другие услуги не получишь.

В данном докладе не рассматриваются вопросы необходимости, целесообразности и соответствия национальным интересам поспешного построения в России информационного общества. Задачей является поиск правовых методов защиты конституционного права человека полноценно жить в обществе в соответствии со своими религиозными убеждениями в существующих условиях.

Связь права на свободу совести и религиозные убеждения с другими правами

Создание в России информационного общества сопровождается грубейшим нарушением конституционных прав верующих граждан. Автоматизированный учет персональных данных становится единственным способом существования в обществе. Внедрение технических новшеств во многих случаях проходит фактически в принудительном порядке. В правоприменительной практике возникают коллизии, ведущие к грубому нарушению основополагающих прав граждан. Современная правовая ситуация создает теснейшую связь такого нематериального блага, как конституционное право на свободу совести и вероисповедания с социальными, экономическими, политическими и другими правами. Сотни тысяч православных граждан России по религиозным убеждениям отказываются от новых технологий учета персональных данных и электронных документов. Они не отказываются от документов в принципе, а желают пользоваться традиционной системой учета, которая сложилась на протяжении современного исторического периода в России и других государствах мира. Верующие являются законопослушными гражданами, большинство из них — пожилые

заслуженные люди. Они хотят жить в обществе и пользоваться всеми своими правами на основании традиционных документов, не изменяя свои религиозные убеждения. Реализуя конституционное право, гарантированное статьей 28 Конституции РФ, «иметь религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними», граждане сталкиваются с грубейшим нарушением своих конституционных прав в иных сферах жизни. Законодательство не предусматривает никакой альтернативы для людей, по религиозным убеждениям отказывающихся от использования новых технологий учета персональных данных, вследствие чего они подвергаются дискриминации.

К сожалению, государственные ведомства и коммерческие организации, формально руководствуясь интересами граждан, безальтернативно используют автоматизированный учет персональных данных и электронные формы документов.

«Союзом православных юристов» собрано более 10 тысяч фактов нарушения конституционных прав граждан православного вероисповедания, отказывающихся по религиозным убеждениям от электронных документов и электронных систем учета.

Больным диабетом отказывают в инсулине, инвалидам отказывают в медицинской помощи, одиноким пенсионерам не платят пенсию, лишают бесплатных лекарств, бесплатного проезда, заслуженных льгот и дотаций. Многодетным матерям не выплачивают материнский капитал. Огромное число случаев отказа в назначении пенсий по возрасту, в результате чего нетрудоспособные люди остаются без средств к существованию. Эта категория граждан лишается и возможности распорядиться своей собственностью, приобрести билеты, реализовать другие конституционные права. Верующие граждане (возможно, не только православного вероисповедания) системно вытесняются из всех сфер социальной жизни, целенаправленно превращаются в изгоев, не имеющих никаких прав.

Многие из них — участники ВОВ, ветераны труда, блокадники, одинокие пенсионеры. Пожилые, больные люди, имеющие заслуги

перед государством и обществом, отмеченные наградами, находятся в худшем положении, чем лица, совершившие преступления, которым в местах лишения свободы оказывается медицинская помощь и обеспечиваются другие условия их существования. Верующие молодые люди, которые могли бы составить наиболее сознательную, устойчивую к негативному влиянию часть общества, из-за отказа от использования электронных технологий не могут устроиться на работу, поступить учиться.

Особенно жестокой дискриминации подвергаются граждане, отказавшиеся по религиозным убеждениям от замены паспорта образца 1974 года на паспорт гражданина РФ.

Тысячи граждан по религиозным убеждениям отказались от замены паспорта образца 1974 года на паспорт гражданина РФ и вынужденно продолжают пользоваться паспортом образца 1974 года и «Свидетельствами об удостоверении тождественности личности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке». Паспорт СССР образца 1974 года является действующим документом. Он может прекратить свое действие только на основании федерального закона. Федеральный закон об основном документе, удостоверяющем личность, не принят до настоящего времени. Более того, разработанный ФМС РФ проект ФЗ «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации»[4] предусматривает **в качестве компромисса для верующих продление действия паспорта СССР до 2030 года.** В статье 16 законопроекта сказано: **«действительный паспорт гражданина СССР сохраняет юридическую силу до 1 января 2030 года»,** из этого положения прямо следует, что **этот паспорт имеет юридическую силу и действителен в настоящее время. Законопроект лишь продлевает срок действия этого документа.**

Паспорт образца 1974 года — действующий документ, дающий право гражданам пользоваться всеми правами. К сожалению, на

[4] Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. URL: http://regulation.gov.ru/project/7312.html?point=view_project&stage=2&stage_id=4304

практике граждане лишены возможности осуществлять свои законные права. Проблемы, связанные с наличием у гражданина паспорта 1974 года, приобретают особую остроту при достижении возраста 45 лет. До 45 лет нарушения прав у многих граждан носят фрагментарный характер, например, человеку выдают пенсию, но лишают дотаций и медицинской помощи или возможности получить денежный перевод. После достижения 45 лет в соответствии с действующим «Положением о паспортной системе в СССР» в паспорт должна быть вклеена фотография.

Формируется практика в направлении ущемления прав граждан, которым по надуманным причинам, незаконно отказывают во вклеивании фотографии, искусственно превращая паспорт СССР в недействительный документ.

Правовые проблемы дискриминации граждан, отказывающихся по религиозным убеждениям от использования автоматизированного учета персональных данных и электронных документов

Верующие граждане отказываются от использования автоматизированного учета своих данных и электронных документов и просят о возможности реализовать все свои права на основе традиционных документов и систем учета. Действующее законодательство оставляет эту категорию граждан России (сотни тысяч верующих) вне правового регулирования их жизни. Результатом является массовая дискриминация.

Рассмотрим конкретные примеры.

Основой автоматизированного учета, который безальтернативно используется в информационном обществе, является присвоение человеку уникального пожизненного и посмертного идентификатора личности, заменяющего имя. В России таким идентификатором является СНИЛС, введенный Федеральным законом от 1 апреля 1996 г. № 27 «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования». Именно СНИЛС является главным ключом доступа во все электронные базы данных. Положения об обязательности наличия

СНИЛС закреплены в законодательстве, регулирующем все сферы жизни: Федеральном законе от 17 декабря 2001 г. № 173 «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»; Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Федеральном законе от 29 ноября 2010 г. № 326 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»; Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; Федеральном законе от 17 июля 1999 г. № 178 «О государственной социальной помощи»; Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и др.

Верующие граждане, основываясь на своих религиозных убеждениях, отказываются от использования автоматизированного учета и, как одного из его элементов, от СНИЛС. Права граждан уже защищены Конституцией РФ. В ней гарантируется право на пенсию, медицинскую помощь, образование, поддержку материнства и детства и другие права без каких-либо условий (наличие СНИЛС и др.), конституционные гарантии имеют высшую юридическую силу и прямое действие. Казалось бы, нет препятствий для реализации прав гражданина без использования СНИЛС, но перечисленные выше законы создают непреодолимые препятствия для получения пенсий, пособий, дотаций, материнского капитала и осуществления других прав.

Статья 41 Конституции РФ гарантирует каждому право на бесплатную медицинскую помощь без каких-либо условий (например, наличия медполиса), эта норма Конституции РФ имеет прямое действие и высшую юридическую силу. Кроме того, медицинский полис в соответствии с ФЗ № 210 является электронным приложением универсальной электронной карты, от которой гражданин вправе отказаться на основании статьи 26 ФЗ № 210. Таким образом, отказ от медицинского полиса как части УЭК является совершенно законным. На практике человек без медицинского полиса

лишен медицинской помощи, за исключением скорой помощи при угрозе жизни. Сотни тысяч граждан России незаконно лишены возможности обследования состояния своего здоровья, амбулаторного и стационарного лечения.

Граждане, обладающие в силу Конституции РФ всеми правами и желающие осуществлять их по действительным традиционным документам, стали в нашем обществе изгоями. Для традиционного документооборота СНИЛС, медицинский полис, свидетельство пенсионного страхования, социальная карта не требуются. Однако на практике гражданин, отказавшийся по религиозным убеждениям от СНИЛС, медицинского полиса и любого электронного документа, лишается своих конституционных прав.

В настоящее время целенаправленно формируется правовая ситуация, при которой гражданин может получить доступ к государственным и иным услугам только с использованием автоматизированного учета персональных данных, личных идентификаторов личности и наличии электронных документов. Главным условием доступа граждан к электронным услугам становятся электронные документы. ФЗ № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» вводится универсальная электронная карта (УЭК), позволяющая получать социальную поддержку, медицинскую помощь, осуществлять денежные расчеты, совершать другие действия, порождающие юридические последствия. Вторым вариантом электронного документа, дающего право на доступ к государственным и иным услугам, предполагается сделать электронное удостоверение личности. С этой целью в 2012 г. Федеральной миграционной службой РФ разработан проект федерального закона «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации»[5]. Текст законопроекта был опубликован в электронной версии «Российской газеты» 29 января 2013 г. В отличие от УЭК, получение электронного удостоверения личности является обязательным для каждого

[5] Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depregulatinginfluence/doc20130128_04

гражданина с возраста 14 лет. Кроме того, законопроект предусматривает включение в электронное удостоверение личности биометрических данных человека.

Далеко не все граждане России готовы к переходу на автоматизированный способ учета персональных данных, получению документов в формате электронных карт, сдаче своих персональных данных в базы данных в полное распоряжение операторов. Очень значительную часть граждан, не желающих использовать электронные удостоверения личности, составляют верующие.

Отказ от этих средств лишает граждан возможности реализовать свои конституционные права в основных сферах жизни.

В настоящее время создана правовая ситуация, при которой гражданин может получить доступ к государственным и иным услугам только с использованием автоматизированного учета персональных данных, личных идентификаторов личности и наличии электронных документов. Отказ от этих средств лишает граждан возможности реализовать свои конституционные права в основных сферах жизни.

Правоприменительная практика

Приведем характерные примеры нарушения конституционных прав граждан за период 2008–2015 гг.

2008 год

1. Из Аналитического доклада общественных организаций и православных объединений о дискриминации и нарушении конституционных прав граждан России православного вероисповедания за 2008 г. (опубликован в книге О.А. Яковлевой «Нас выбросили на обочину жизни», под редакцией Е.В. Семеняко, президента Федеральной палаты адвокатов РФ):

Незаконный отказ в лечении инвалиду. Типичное письмо — обращение за помощью из г. Москвы, от Чечуриной О.И., инвалида (в настоящее время Чечурина скончалась): «…**Я парализована, скована болезнью Паркинсона, отказали ноги, передвигаюсь с трудом по квартире с помощью тележки («ходунков»), не могу разогреть себе пищу, писать не могу,** поэтому я попросила

Александру Васильевну Громову написать обо мне немного. Я по религиозным убеждениям не приемлю систем учета персональных данных, основанных на электронной цифровой идентификации личности с кодами и штрих-кодами, судилась в числе 200 человек против ИНН, писала отказы от паспорта РФ, медицинского полиса, социальной карты, от СНИЛСа в пенсионном деле и проч. **Живу со старым паспортом образца 1974 года, без медицинского полиса и социальной карты. За услуги врачей, за все лекарства приходится платить, на что не хватает моей пенсии.** Будучи полным инвалидом, группы инвалидности не имею, так как в районной поликлинике, которая находится недалеко от меня (одна остановка) таких как я без медицинского полиса, паспорта РФ не принимают… **Может быть, я долго не проживу и не потребуется особо медицинская помощь, но такие беззащитные, как я, безусловно, есть еще и им тоже нечем платить за лекарства и негде лечиться, поэтому убедительно прошу обратить на это внимание и, если возможно, помочь нам…**».

Незаконный отказ в оказании медицинской помощи и обследовании (г. Москва). Пенсионерка Щербинская С.А. — **инвалид 2 группы (тяжелая степень глаукомы), ветеран труда, награждена медалью «850 лет Москвы». С 2003 г.** ей отказывают в лечении в Городской поликлинике №30 г. Москвы. В 2008 г. отказано в лечении в Консультативно-диагностическом центре 15 городской больницы им. Филатова по причине отсутствия медицинского полиса, не полученного Щербинской по религиозным убеждениям.

Незаконный отказ в выплате пенсии, медицинской помощи, бесплатных лекарствах (г. Москва). Из письма гражданки Катушек Н.В.: «Отказали в выдаче пенсии мотивируя тем, что у них новая программа обработки информации и данные моего паспорта не ложатся на новую программу… В поликлинику не хожу — нет паспорта и полиса, бесплатных лекарств, которые мне необходимы и положены как инвалиду второй группы, я не получаю… Нет социальной карты москвича, поэтому нет бесплатного проезда, езжу за свои деньги, если возможно «езжу зайцем». Представляете

старуху с палкой ковыляющую, пристраивающуюся за кем-нибудь в турникете? Или прошу контролера пропустить. В редчайших случаях пропускают, отчитывая прилюдно».

Облючевская Любовь, **Ставропольский край. Многодетная мать. Проживает с паспортом СССР, отказалась от СНИЛС, ИНН, медицинского полиса. В течение 5 лет лишена бесплатной медицинской помощи, официальной работы, не может получить вклад в Сбербанке. Дети по религиозным убеждениями не получают паспорт РФ, не могут сдать ЕГЭ и поступить в вузы.**

Полуянов Владимир Николаевич, **г. Пермь. Отказался от паспорта гражданина РФ, медицинского полиса. Отказано в бесплатной медицинской помощи, устройстве на работу, получении почтовых отправлений, совершении нотариальных действий, заключении договоров.**

За прошедшие годы ситуация с нарушением прав граждан усугубляется.

2014 год

Несколько примеров нарушения прав граждан из писем обратившихся в «Союз православных юристов» за 10–12 дней декабря 2013 г. — января 2014 г.

Кузина Валентина Николаевна, **Белгород, онкологическая больная, сахарный диабет. Пенсионерка получает минимальную пенсию.** Проживает с паспортом СССР, отказалась от медицинского полиса. **Отказано в медицинской помощи**, в устройстве на работу, в назначении субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг.

Кузнецова Наталья Ивановна, **Санкт-Петербург, пенсионерка, 76 лет, инвалид 1 группы. Проживает с паспортом СССР, по религиозным убеждениям отказалась от ИНН, социальной карты. Отказано в медицинской помощи в связи с инсультом. Отказано в оформлении земельного участка.**

Макаускас Ольга, Ивановская обл. Многодетная мать, трое детей. Отказалась по религиозным убеждениям от СНИЛС, медицинского полиса. Ей и детям отказано в медицинской

помощи, оформлении материнского капитала, субсидии на оплату жилья, устройстве на работу, постановке на учет в центре занятости.

Быстров Виктор Борисович, **г. Псков, пенсионер, инвалид 2 группы. Оставлен без средств существования. Отказано во вклеивании фотографии в паспорт СССР при достижении 45 лет.** Получены отрицательные судебные решения. На почте отказано в получении пенсии и почтовых переводов по паспорту СССР и по свидетельству о тождественности личности.

Сидакова Светлана Магометовна, Ставропольский край, **пенсионерка. 5 лет не может добиться назначения пенсии. Оставлена без средств существования.** Отказалась от ИНН. Отказано в назначении пенсии из-за паспорта СССР образца 1974 года. Отказ обжаловала в суды. Получила отказ. Из-за наличия паспорта СССР не может вступить в права наследства. Не имеет возможности свободного передвижения. Лишена социального обслуживания.

Румянцева Л.П., Санкт-Петербург, опекун 8-летней девочки-сироты. Не подписала «Согласие на обработку персональных данных». Ребенку **отказано в выдаче бесплатного проездного билета.**

Массовая дискриминация православных граждан в г. Москве 2015 год

Процесс системной дискриминации верующих идет во всех регионах России и набирает обороты. Это видно на примере г. Москвы, которая является ориентиром для остальных. С момента введения в г. Москве «социальной карты москвича» граждане, не оформившие карту по религиозным убеждениям, получали трехдневные билеты на проезд традиционной формы.

Эта изматывающая система 3-дневных билетов, за которыми пожилому человеку, инвалиду, многодетной матери необходимо доехать или дойти до ближайшей станции метро или кассы продажи проездных документов на автобус и другие виды транспорта

уже является целенаправленным способом принуждения людей к получению «социальной карты москвича». Действие документа на бесплатный проезд, возможно, требует подтверждения органами социальной защиты, но не реже чем 1 раз в год или в тот же срок, который предусмотрен для действия «социальной карты москвича».

С 1 января 2015 г. в Москве была прекращена даже эта издевательская система выдачи бесплатных трехдневных билетов.

Правом бесплатного проезда обладает категория граждан, подлежащих особой защите государства в лице всех его ведомств. Отмена бесплатного проезда для пенсионеров, инвалидов, ветеранов труда, многодетных матерей и др. льготников за отказ от получения «социальной карты москвича» свидетельствует о бесчеловечности и безнравственности строящегося без согласия граждан нашей страны так называемого «информационного общества».

Невозможно без душевной боли читать обращения москвичей с просьбой вернуть бесплатный проезд хотя бы по трехдневным билетам традиционного образца.

Приведем лишь несколько имен из коллективного обращения жителей г. Зеленограда:

1. Фролова Л.П. — малолетний узник фашистских лагерей, ветеран труда, трудовой стаж — 43 года.

2. Щербинская С.А. — инвалид 2 группы, трудовой стаж — 50 лет, «Почетный дорожник», ветеран труда.

3. Клюшева А.В. — многодетная мать (5 детей).

4. Костылева Е.А. — многодетная мать (5 детей).

5. Пантелеенко Д.В. — инвалид детства 2 группы.

После обращения общественных организаций, многочисленных писем граждан и обращения Председателя Синодального отдела Московской Патриархии по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина в защиту граждан, имеющих льготу в виде бесплатного проезда, была возобновлена выдача трехдневных билетов. Это подтверждено письмами Управления заместителя Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам

социального развития (№ 24-42-61/5 от 04.03.2015) и Прокуратуры г. Москвы (№ 7/32-286-2015/31924 от 10.03.2015), в которых сказано, что выдача трехдневных билетов возобновляется на период разработки специального месячного билета для граждан, отказавшихся от социальной карты москвича. Однако вследствие отсутствия правового регулирования данного вопроса каждое ведомство действует по своему усмотрению. Уже в конце апреля граждане на свои письма получают ответы с сообщением о прекращении выдачи бесплатных трехдневных билетов с 15 мая 2015 г. (ответ гр. Абрамовой О.А. № 17-36-4450/5 от 22 апреля 2015 г.). В обращении в «Союз православных юристов» гражданки Афониной Т.П. сказано, что ей не выдали временный проездной билет в МФЦ на май 2015 г. и предложили в обязательном порядке получить «социальную карту москвича».

Департамент транспорта г. Москвы лишает бесплатного проезда пенсионеров, ветеранов ВОВ, ветеранов труда, многодетных матерей, инвалидов и других граждан, имеющих это право. Это открытая дискриминация. Владелец «социальной карты москвича» пользуется ею как проездным документом 5 лет, а гражданин, отказавшийся от электронной карты, вообще лишается права бесплатного проезда. Малообеспеченных граждан вынуждают оплачивать свой проезд, по сути, заставляя согласиться с получением документа, противоречащего их религиозным убеждениям.

Из приведенных примеров видно, что процесс нарушения прав граждан носит всеохватывающий характер и затрагивает самые разные слои общества. Примеры выбраны из аналогичных писем тысяч граждан. Они показывают ужасающую картину дискриминации граждан, реализующих конституционное право не только иметь религиозные и иные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. Это право гарантировано статьей 28 Конституции РФ. Действия государственных ведомств и служб, отказывающих гражданам в реализации их законных прав или вынуждающих граждан добровольно отказаться от заслуженных и заработанных выплат (пенсий, субсидий, права на бесплатный проезд и льготные

лекарства), являются нарушением статьи 29 Конституции РФ, запрещающей принуждение человека с целью отказа от своих убеждений. **Число нарушений прав граждан по всей России составляет миллионы.**

Позиция Русской Православной Церкви и Президента основываются на Конституции РФ

Русская Православная Церковь на протяжении многих лет в своих официальных документах и обращениях к власти говорит о недопустимости дискриминации и нарушения конституционных прав граждан, отказывающихся от использования электронных технологий при учете их персональных данных. В концептуальном документе Русской Православной Церкви «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных (документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 г.) говорится:

«…Основываясь на своих конституционных правах, тысячи людей, включая православных верующих, не желают по тем или иным причинам, в том числе религиозно мотивированным, принимать новую идентификационную систему, использовать документы с электронными идентификаторами личности (личным кодом, штриховым кодированием, идентификационными номерами). Многие из этих людей сообщают о нарушении их конституционных прав. Нередко этих людей лишают медицинской помощи, **пенсий по возрасту и других выплат**, **оформления инвалидности и различных льгот**… В итоге формируется целый слой людей, выброшенных из всех сфер общественной и государственной жизни...

Церковь убеждена, что упомянутые технологии не должны быть безальтернативными и принудительными. Те, кто отказывается принимать эти технологии, должны иметь альтернативу — использование традиционных методов идентификации личности…»[6]

[6] Московская Патриархия. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html

В связи с многочисленными фактами нарушения прав православных верующих в 2013 г. Святейший Патриарх Кирилл обратился к Президенту России.

В ответ на обращение Святейшего Патриарха дано разъяснение Государственно-правового управления Президента Российской Федерации (от 22.01.2014 № А6-403)[7].

В разъяснении категорически заявлена позиция Президента РФ о недопустимости принуждения граждан к использованию автоматизированного учета персональных данных, электронных документов, личных идентификаторов:

«…Разделяя Вашу озабоченность по вопросу нежелания некоторой части российских граждан получать другой вид паспорта — документ нового поколения, содержащий электронные носители информации, полагаю возможным отметить, что **любые формы принуждения людей к использованию электронных идентификаторов личности, автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации недопустимы».**

Аналогичная позиция высказана в ответе на обращение депутатов Государственной Думы Никитина В.С., депутата Мосгодумы Клычкова А.Е. и представителей общественности Государственно-правовым управлением Президента РФ дан аналогичный ответ (№ А-6-5195 от 4 июня 2014 г.). **В нем указано о необходимости учитывать позицию Русской Православной Церкви и недопустимости принуждения граждан к использованию электронных технологий учета[8].**

Заключение

В современной политической ситуации российскому обществу и государству необходимо единство, взаимопонимание и твердость в защите наших национальных интересов.

---

[7] Московская Патриархия. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3561086.html

[8] Союз православных юристов. URL: http://rodinaprav.info/index.php/inn-uek-snils/186-elektronnye-dokumenty-pozitsiya-prezidenta-rf

К сожалению, государственные ведомства и недальновидные чиновники, игнорируя сложившуюся политическую обстановку, слепо следуя международным обязательствам, опираясь на законы, принятые в их исполнение, подвергают дискриминации граждан собственной страны. Такие действия искусственно создают источники социальной напряженности.

Особую тревогу вызывает выбор момента ужесточения дискриминации незащищенных категорий жителей Москвы Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Правительства Москвы.

Политическая ситуация в мире накалена до предела. Против России введены экономические санкции Евросоюзом и США, упала цена на нефть, обесценивается наша национальная валюта, растут цены на продукты. Проезд в общественном транспорте в Москве за одну поездку возрос до пределов, недоступных даже многим работающим людям, не говоря о пенсионерах. Именно в этот момент бросается вызов пенсионерам, инвалидам, заслуженным ветеранам, многодетным матерям. В своем большинстве это православные верующие, отказавшиеся от получения «социальной карты москвича» по религиозным убеждениям. История нашей страны показывает, что Русская Православная Церковь и православные граждане во все времена были опорой и защитой российской государственности и национальных интересов. В настоящий период православные люди, как подавляющее большинство российского народа, поддержало Президента России в труднейший момент возвращения Крыма и Севастополя. Российский народ поддерживает Президента и в настоящей, тяжелейшей для нашей страны ситуации.

Во всех храмах идет каждодневная молитва за власть и воинство России. В современной политической ситуации, перед лицом реальной опасности России нужно единение и сплочение народа и власти.

Нельзя допустить, чтобы загнанные в угол пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи были втянуты в «оранжевые болотные протесты». Антироссийские силы, подстрекаемые Западом и

США, поддерживаемые ими, постоянно пытаются дестабилизировать ситуацию в стране. Они используют все возможности.

Недопустимо искусственно нагнетать социальную напряженность в Москве, где особенно необходимы спокойствие и порядок.

Пока государство контролирует создание и деятельность систем и комплексов предоставления электронных услуг, но в дальнейшем, после ухода с рынка, его место займут коммерческие структуры. Все правовые проблемы по соблюдению основополагающих конституционных прав граждан в новых условиях необходимо урегулировать именно в настоящее время, когда все рычаги управления электронными системами находятся в руках государства.

Современная ситуация диктует настоятельную необходимость внесения во все социально значимые законы положений:

— о недопустимости любых форм принуждения людей к использованию электронных идентификаторов личности, автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации;

— об исключении из федеральных законов (ФЗ от 1 апреля 1996 г. № 27 «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 97; ФЗ от 17 декабря 2001 г. № 173 «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»; ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; ФЗ от 29 ноября 2010 г. № 326 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»; ФЗ от 27 июля 2010 года № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178 «О государственной социальной помощи»; ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и др.) **положения об обязательности наличия у человека и предоставления СНИЛС при получении**

социальных государственных услуг: пенсий, пособий, медицинской помощи, лекарств, материнского капитала, устройстве на работу и других социальных правоотношениях;

— об обеспечении всех соответствующих прав граждан (пенсионное обеспечение, выплата пособий, дотаций, оказание медицинской помощи, распоряжение собственностью, устройство на работу и др.) по желанию человека на основании традиционных документов без использования СНИЛС и других цифровых идентификаторов личности.

Для реализации конституционных прав граждан, отказывающихся от УЭК и электронного удостоверения личности по религиозным убеждениям, необходимо законодательно закрепить вариант основного документа традиционной формы без идентификаторов, личных кодов, микрочипов и других средств автоматической идентификации личности. Об этом годами тысячи граждан направляют обращения в органы власти.

Пример правового решения этого вопроса показывает Молдавия, где для православных верующих сохранена традиционная система учета и выпущен основной документ традиционной формы.

Принятие законодательных гарантий полноценной жизни миллионов православных граждан России устранит ненужную социальную напряженность и восстановит доверие.

Доверие между народом и властью — это фундамент, на котором строится сильное, независимое государство.

И.Я. Кантеров[1]

Проблемы свободы совести в средствах массовой информации

1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», устраняющий жесткий контроль государства за деятельностью религиозных объединений.

5 октября 1990 г. Верховный Совет РФСР принял в окончательной редакции Закон «О свободе вероисповеданий». Закон устанавливал не только право действовать в соответствии со своими убеждениями, но и распространять их настолько свободно, насколько они не нарушают прав людей с иными убеждениями. Это положение открывало возможность миссионерам новых религиозных объединений рассказывать не только о вероучении, но и социально-нравственных позициях возникших в России религиозных новообразований.

Концепция Закона РФ «О свободе вероисповеданий» несет в себе отпечаток острой конфронтации в обществе, вызванной событиями августа 1991 г. Это нашло отражение в идеологически мотивированном положении Закона, запрещающем вмешательство государственных органов в деятельность религиозных объединений. Эти же соображения лежали и в основании отказа от существовавшей жесткой процедуры регистрации, несмотря на радикальное изменение духовно-религиозного пространства и появление в нем совершенно новых и неизвестных субъектов. Устанавливая упрощенную форму получения религиозными организациям статуса юридического лица, для чего необходимо было

[1] **Кантеров Игорь Яковлевич — доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова.**

представить лишь устав организации, Закон создавал трудности государственным учреждениям и представителям религиоведческого сообщества для адекватной оценки религиозной ситуации в стране и в отдельном регионе. Госорганы лишь фиксировали сам факт объединения граждан по признаку отношения к религии и регистрировали это объединение в той форме и с той структурой, которую определяли сами верующие. Рассматриваемый Закон предоставлял право обжалования отказа в регистрации устава религиозной организации в суде, чего раньше не было.

Реализация положения Закона 1990 г. о запрещении госорганам вмешиваться в деятельность религиозных объединений сопровождалась упразднением Совета по делам религий, курировавшего государственно-конфессиональную политику. Одновременно были распущены и аппараты местных уполномоченных по делам религий, за исключением Калмыкии, Татарстана и Дагестана, сохранивших эти структуры.

Для недопущения возврата к прежнему вмешательству государства в деятельность религиозных объединений, положение ст. 8 Закона запрещало исполнительной власти создавать госорганы по вопросам вероисповедания.

Принятие названных Законов вызвало широкие дискуссии в российском обществе, оценкам этих законодательных посвящались публикации в СМИ. На страницах изданий различной идеологической ориентации обсуждались проблемы свободы совести и ее соблюдения органами государственной власти и конфессиями. На примерах из отечественной истории опыта зарубежных стран обосновывался тезис о том, что высокий уровень религиозности народа благоприятствует стабильности общества, положительно влияет на нравственность людей. В публикациях, не одинаковых по глубине и проникновению в суть проблемы, анализируется роль ведущих конфессий в возрождающемся национальном самосознании, повышении интереса к культурным традициям. Постановка и относительно свободное обсуждение перечисленных проблем происходили на фоне крупных социально-экономических и духовных перемен, оказывающих влияние на позицию авторов публикаций по

проблемам свободы совести. При этом эти позиции далеко не всегда поддаются однозначной оценке, они далеко не всегда укладываются в такие определения, как «левая» и «правая», «либеральная», «консервативная», «прогрессивная» и «реакционная». Обсуждение в средствах массовой информации вопросов свободы совести, а шире религиозной тематики постепенно утратило налет сенсационности.

Публикации и сюжеты в теле- и радиотрансляциях, еще 3–4 года назад державшие миллионы людей в эмоциональном и умственном напряжении, стали обыденным явлением, частью журналистских будней. В то же время на фоне бесспорных достижений высвечивается немало проблем, без решения которых было бы весьма проблематично вести речь о справедливой реализации права на свободу совести.

Снятие табу с обсуждения проблем свободы совести, казалось, открывало путь объективному и беспристрастному пониманию отношении граждан России к религии. Однако на деле обнаружился ряд факторов, препятствующих освещению проблем свободы совести в отечественных СМИ.

Во-первых, существенным деформирующим фактором выступала предельная политизированность большинства видов и жанров масс-медиа, их жесткая привязанность к определенной политической и идеологической тенденции. Следы такой явной или скрытой ангажированности без особого труда обнаруживаются в большинстве материалов, касающихся свободы совести.

Во-вторых, на подход средств массовой информации к освещению проблем свободы совести возрастающее влияние оказывает «национальный вопрос».

Средства массовой информации давали различные, порой полярно противоположные оценки состояния государственно-конфессиональных отношений. Приветствуя устранение административных ограничений деятельности религиозных объединений со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти, многие аналитики вместе с тем указывают на отсутствие четкой и сбалансированной «церковной политики» государства. Как отклонение от свободы совести, равенства всех

вероисповеданий перед законом квалифицируется в ряде изданий участие видных политических деятелей в богослужениях лишь одной конфессии. Критикуется, причем не только в оппозиционных средствах информации, чрезмерная политическая активность отдельных представителей духовенства их участие в избирательных кампаниях.

В либеральных изданиях проблемы свободы совести осмысливаются через призму происходящего разрушения существовавшей формы взаимоотношения церкви и государства, так и основных контуров модели, призванной ее заменить. По утверждению популярного обозревателя Ю. Буйды, существующая и поныне модель церковно-государственных отношений и статуса религии в обществе генетически связаны с «богоизбранным супружеством Церкви и Государства»[2]. От такого союза проиграли обе стороны: государство лишилось собственной идеологии, которую заменило православие, а последнее, в свою очередь, так и не обрело собственного божественного авторитета, автономного по отношению к светской власти. Представление о неразрывном единстве православия и государства глубоко проникло в самосознание русского народа, его историческую память, определяло церковную политику на протяжении целого тысячелетия. Ю. Буйда полагает, что «Сталин и его команда предприняли в целом небезуспешную попытку вернуть Россию в дореформенное — точнее даже в «досмутное» время и соборности как нерасчлененной общности»[3].

И сегодня, продолжает Ю. Буйда, понимание свободы все еще определяется «Богозабоанным супружеством Церкви Государства», поскольку российское общество сохранило традиционные формы национальной ментальности. Разрушение «антиличностного православного этатизма» Буйда связывает с распадом под воздействием форсированного развития рыночных отношений духа соборности и заменой его национальным вариантом и идеи индивидуализм и внутренней свободы. В случае реализации такого сценария начнет

[2] Независимая газета. 2010. 15 мая.
[3] Там же.

ускоренными темпами формироваться секуляная культура, основанная на ценности земной жизни[4].

В условиях политизации сознания верующих и духовенства церковные организации стремятся использовать СМИ для разъяснения своей позиции по актуальным проблемам свободы совести. В выступления Патриарха Московского и всея Руси Алексия II подчеркивалась мысль о том, что, не отрываясь от нужд православного народа, духовенство менее всего должно направлять свои усилия и помыслы на поддержку чей-то политической платформы или программы. Его призвание — возвысить людей над сиюминутными страстями и напомнить им о христианских идеалах. Патриарх решительно осудил использования церкви в процессе переустройства России в качестве одного из «подрядчиков этой стройки»[5]. «И поэтому с самого начала мы должны объяснить, что если и говорим мы, церковные люди, «Церковь служит России, то эта формула не подлежит буквальной и прямолинейной трактовке. Церковь служит Богу, тем самым способствуя возрастанию света и добра в людях, а рост или упадок этой внутренней возделанности человеческого сердца, в свою очередь, определяет взлеты и падения человеческого общества, то есть, в конечном счете, судьбы России»[6].

В средствах массовой информации активно обсуждались различные аспекты взаимоотношения религиозной веры с национальными традициями. По способу и глубине осмысления данной проблемы публикации различаются в зависимости от целей, которые ставит перед собой их автор. К особой категории следует отнести материалы, в которых роль религиозного фактора в национальных отношениях рассматривается в контексте межконфессиональных и межнациональных отношений. Именно здесь находят свои проявления различные формы и виды экстремизма, нетерпимости. Оскорбительного отношения к последователям других вероисповеданий и наций и народностей.

Конституция Российской Федерации 1993 г., Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о

[4] Независимая газета. 2010. 15 мая.
[5] Российская газета. 1990. 2 октября.
[6] Там же.

религиозных объединениях» с учетом международно-правовых требований в области прав человека и тенденций современной юридической науки закрепили ряд принципиальных положений, обеспечивающих реализацию индивидуальных и коллективных религиозных прав и свобод граждан. Конституционно-правовое обеспечение этих прав и свобод необходимо в первую очередь для свободного развития каждого человека и формирования полноценного гражданского общества.

Несмотря на определенный прогресс, наметившийся в исследуемой области, следует констатировать, что развитие конституционно-правовых основ свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России осуществляется неоднозначно. Наша страна подошла к моменту формирования демократического государства в 1990-е гг. без накопленного положительного опыта в области юридического гарантирования прав человека в сфере религии. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.), например, принимался в сложной борьбе общих представлений о том, какие гарантии и в каких пределах должно установить государство[7].

В настоящей публикации будут рассмотрены вопросы, возникающие в практике реализации конституционной гарантии свободы совести и относящиеся к «Списку экстремистских материалов Министерства юстиции РФ». Знакомство с содержанием «Списка экстремистских материалов», размещенного на сайте Минюста РФ, пробуждает в памяти один почти забытый документ — «Силлабус», обнародованный Папой Пием IX 8 декабря 1864 г. и осуждавший главнейшие заблуждения в религиозном, политическом и общественном отношении. Напомним, латинское слово «Силлабус» переводится как «Список». В «Списке» Пия IX осуждаются 80 самых различных философских и политических концепций, религиозных учений и взглядов, начиная от республиканской формы правления и кончая предоставлением женщинам

[7] Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... док. юрид. наук. М. 2012. С. 1

права участия в выборах. «Силлабус» отражал желание папства сохранить средневековые привилегии римско-католической церкви.

К середине мая 2015 г. в «Список» Минюста включены 2628 единиц материалов экстремистской направленности. Содержательно «Список» представляет собой собрание сумбурно собранных и тематически разнородных материалов. Например, трудов авторитетного исламского богослова Саида Нурси и в то же время множество листовок, содержание которых или не раскрывается, или формулируется так, что невозможно понять, о чем идет речь. Так, за номером 938 значится «изображение трех бритоголовых мужчин, одетых в массивные черные ботинки, светлые брюки, расположенные по кругу, спиной друг к другу и надписью: «Вместе мы сила!» Да здравствует наш Народ» (решение Красноармейского районного суда города Волгограда от 02.11.2010). Книга Владимира Истархова «Удар русских богов» фигурирует в «Списке» трижды. Дважды эта книга объявлялась экстремистской решением Верх-Исетского районного суда Свердловской области, в третий раз — решением Касимовского райсуда Рязанской области (12.03.2010).

Некоторые материалы, ранее содержащиеся в «Списке», без всяких пояснений внезапно из него исчезли. «Древнерусская церковь Инглии православных староверов» была представлена в «Списке» многими материалами. Теперь некоторых из них в списке нет, в том числе пропагандирующих расизм и отстаивающих право на изображение свастики в качестве одного из символов «Церкви Инглии православных староверов», хотя сегодня все это можно свободно найти в Интернете. Заметим, что это объединение значится и в перечне Минюста организаций, ликвидированных в связи с экстремистской направленностью их деятельности. Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. В ст. 13 упомянутого Закона «О противодействии экстремисткой деятельности» ничего не говорится о целях и задачах составления, пополнения и обнародования

«Списка». Однако дух и буква Закона позволяют составить представление о замысле составления и публикации «Списка». Правда, заглавие самой ст. 13 менялось. В первой редакции Закона (2002 г.) она называлась «**Борьба с распространением экстремистских материалов». Следовательно, основной целью Списка провозглашалась борьба с распространением материалов, имеющих экстремистское содержание. В последующих редакциях Закона ст. 13 уже называется по-другому — «Ответственность за распространение экстремистских материалов». Таким образом, жесткое, заточенное на борьбу заглавие ст. 13 меняется на более «спокойное», не сводящее противодействие экстремизму исключительно к борьбе. Применительно к экстремистским материалам термин «ответственность» может быть истолкован и как предназначение Списка для профилактики экстремистских взглядов и деятельности.**

Сам факт появления таких материалов «на доске позора» призван оказывать упреждающее воздействие. Авторы, распространители и хранители экстремистских материалов предупреждаются об ответственности за свои деяния. Это, по нашему мнению, основная цель, которую преследовали изобретатели учреждения «Списка» и придания ему статуса законодательной нормы. В списке преобладают материалы политического и националистического содержания. Но нередко они включают в себя и сюжеты религиозной направленности. Независимо от содержания, экстремистские материалы оформлены в жанре книг, статей, музыкальных произведений, лозунгов и листовок. Содержание ряда материалов не поддается идентификации: за № 305 значится текстовый документ «88 ст. 280», папка «Указы 1» CD-R диск № 1» (решение Ахтубинского городского суда Астраханской области от 07.05.2009), за № 402 — Интернет-ресурс http://reinform.livejournal.com (решение Кировского районного суда г. Уфы от 01.06.2009). Если классифицировать материалы, непосредственно относящиеся к религиозной тематике, то вырисовывается следующая картина. С большим отрывом идут материалы исламского содержания. Далее следуют новые религиозные движения (вместе с изданиями

Свидетелей Иеговы). По делам об экстремизме обычно назначается и проводится экспертиза. Как правило, экспертиза является комплексной (комиссионной). В нее входят психологи, лингвисты, а в случае религиозно мотивированного экстремизма привлекаются религиоведы. По закону «О противодействии экстремистской деятельности» информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов. В реализации этого предписания выявляются любопытные «географические особенности». Обнаружение распространения таких материалов чаще всего происходит в районных центрах или городах Сибири и Дальнего Востока. И это при том, что офисы и издательства религиозных организаций, причастных к их распространению, в основном находятся в Москве и в Санкт-Петербурге. Но даже если литература, признанная судами экстремистской, издается за рубежом, то она и распространяется прежде всего в Москве и в Санкт-Петербурге, поскольку здесь сконцентрировано больше всего издательств, публикации которых чаще других попадают в разряд экстремистских. И как раз в этих же городах насчитывается множество миссионеров, денно и нощно занимающихся распространением материалов, в том числе и признаваемых судебными решениями экстремистскими. Но по необъяснимым причинам изъятия экстремистских материалов, содержащихся, например, в изданиях иеговистов и сайентологов происходят в Горно-Алтайске и Сургуте (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра). Здесь же проводятся следствия, заказываются экспертизы, выносятся судебные решения. Несуразица наблюдается в организации и в качестве экспертных заключений по делам об экстремизме. Изучение составов экспертных комиссий показывает: к проведению ни одного экспертного заключения не были привлечены авторитетные религиоведы. Если судить по резонансным судебным процессам, то самые квалифицированные, объективные религиоведы трудятся сегодня в Кемеровском госуниверситете, хотя здесь нет кафедры религиоведения и профессиональных религиоведов. Тем не

менее это учебное заведение более 10 раз назначалось для проведения экспертных заключений по обвинению в разжигании ненависти и вражды по отношению к религии. Именно «эксперты» этого университета взялись за проведение экспертизы по признанию книги «Бхагават-гита как она есть» экстремистской после того, как в ходе первого судебного процесса в Томске авторы экспертного заключения по этой же книге отказались поддерживать выводы собственной экспертизы и вышли из процесса. Но даже привлеченные в качестве экспертов профессиональные религиоведы порой демонстрируют удручающе низкий уровень религиоведческой культуры. На основании заключения экспертов по комиссионной комплексной судебной экспертизе (при участии Сергея Астапова) решением Ростовского суда была ликвидирована местная религиозная организация Свидетели Иеговы «Таганрог». При чтении пространного экспертного заключения Астапова поражает не только игнорирование принципов свободы и положений закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», но и та легкость, с которой походя, одним-двумя предложениями в публикациях вероучительного содержания обнаруживается формирование негативного образа других вероучений. Несмотря на кандидатскую степень, эксперт на полном серьезе считает негативным восприятие Римско-католической церкви, используя «при этом исторические факты, компрометирующие католическую церковь (конкордат с фашисткой Германией, порочность некоторых римских пап, случаи безнравственного поведения священнослужителей…». Правда, затем следует оговорка о предостережении «против отождествления Католической церкви с Великой блудницей Апокалипсиса. В религиоведческом разделе экспертизы перечисляются высказывания, демонстрирующие негативное отношение Свидетелей Иеговы к разным элементам традиционного христианства: «многие священники лживо утверждают, что могут помочь умершим», некоторые религии учат тому, что «после смерти плохие люди вечно мучаются в огне». Отметим, что все приведенные суждения содержатся не в трактате сравнительного религиоведения или полемическом сочинении, а в экспертизе, которая

по определению должна быть свободна от конфессиональной и идеологической ангажированности. В большинстве случаев тексты экспертных заключений перекочевывают в судебные решения, тем самым юридически одобряя позицию экспертов, в том числе нередко имеющих весьма отдаленное отношение к теоретическому и практическому религиоведению. Не обладая необходимыми религиоведческими познаниями, судьи фактически принимают на веру заключения экспертов. Ни в одном судебном процессе судьи, прежде чем заслушать экспертное заключение, не выясняли уровень профессиональной квалификации эксперта, его образование, научную степень, наличие научных трудов, опыт участия в проведении религиоведческой экспертизы. На наш взгляд, игнорирование непременного установления в ходе судебного заседания способности эксперта объективно и качественно вынести заключение является одной из причин низкого уровня судебных решений по делам об экстремизме. Поэтому подробный опрос эксперта на предмет выяснения соответствия его профессиональных качеств требованиям, предъявляемым к привлекаемым для проведения экспертизы, должно стать непременным условием судебных рассмотрений дел об экстремизме. Соблюдение этого условия позволит существенно повысить качество экспертных заключений, отстраняя от участия в проведении экспертизы случайных людей. Не следует забывать, что «эксперт» — это лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое для проведения экспертизы. Соответственно, современное значение слова «экспертиза» означает исследование вопросов, требующих специальных познаний в конкретных областях. Размещение на сайте Минюста «Списка экстремистских материалов» призвано было способствовать повышению эффективности противодействия распространению экстремистских идей и экстремисткой деятельности. Однако на деле «Список» не способен сколько-нибудь повлиять на снижение экстремизма во всех его проявлениях. Трудно себе представить, каким образом он может быть использован сотрудниками правоохранительных органов в их повседневной работе. Они просто утонут в этой постоянно увеличивающейся лавине перечня

экстремистских материалов, непрерывно поступающих из разных уголков нашей необъятной страны. К тому же, по содержащимся в «Списке» материалам экстремистской направленности весьма трудно составить объективное представление о масштабах распространения различных проявлений экстремизма, поскольку, как уже отмечалось, дела об экстремистских материалах зачастую рассматриваются не в местах дислокации религиозных центров, издательств, а по месту их обнаружения. Мало пользы «Список» может принести и научному сообществу, так как исследователю состояния экстремизма, в том числе и религиозно мотивированного, придется заниматься идентификацией многих материалов, закодированных знаками, цифрами, непонятными аббревиатурами. И, наконец, «Список» не выполняет профилактические функции, его продолжительное существование не оказывает упреждающее воздействие на потенциального изготовителя или распространителя экстремистских материалов. Почти 80% размещенных в списке экстремистских материалов можно найти в Интернете. Поэтому «Список» в его сегодняшнем виде может или вызывать любопытство к содержанию столь необычного документа, или, куда хуже, может оказаться «наглядным пособием», своего рода «путеводителем для потенциального экстремиста». Его может воодушевить как внушительный массив экстремистских материалов, так и возможность беспрепятственного доступа к ним через Интернет. Поэтому составителям «Списка» следует подумать над тем, а нужен ли он вообще в его сегодняшнем виде. А если все же он нужен, то необходимо радикально изменить существующий формат размещаемых документов. Упоминание в Списке того или иного материала не должно ограничиваться одним лишь его названием, целесообразно раскрыть (хотя бы одним предложением) экстремистскую направленность такого материала. Список не должен быть документом, механически фиксирующим материалы, признанные судами экстремистскими. Придание этому документу большей содержательной ясности и прозрачности будет способствовать более эффективному противодействию экстремистской деятельности.

«25 лет по пути свободы совести»

Материалы
научно-практической конференции

Технический редактор *Стручалина А.Г.*
Научный редактор и корректор *Швечкова О.А.*
Компьютерная верстка *Бочаров С.А.*

Формат: 60х90/16. Печ. л. — 15,25.
Печать офсетная, бумага — 80 г/м^2
Тираж 1500 экз.

Отпечатано
в ООО «Национальная полиграфическая группа».